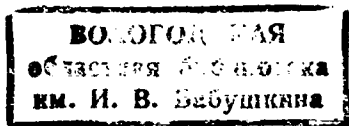

Российская
научно-практическая конференция

УРОКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1238499

Вологда
1995

Тезисы научно-практической конференции
«Уроки и проблемы изучения истории второй мировой войны»

Редакционная коллегия:

*Н. А. Пахолков (ответ. редактор), Н. И. Баландин, А. Н. Горячкин,
В. Б. Конасов, А. М. Микешин, В. В. Судаков, В. А. Талашова.*

Технический редактор *Н. И. Тимонова*
Корректор *А. Д. Чухина*

Сдано в набор 16.01.95 г. Подписано в печать 3.02.95 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Уч.-изд. л. 13,8. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 500 экз.

Оригинал-макет подготовлен компьютерно-издательской службой
издательства ИПКиППК.

160012, г. Вологда, ул. Козленская, 114
ТОО ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

ISBN 5-87590-102-0

© Издательство Вологодского института
повышения квалификации и перепод-
готовки педагогических кадров, 1995

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

СТАРКОВ Б. А.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ

История для всех народов — это фундамент, начало всех начал, без которого нельзя строить новое, идти в будущее. Основу любого исторического исследования составляют факты. Однако до сих пор мы еще ощущаем дефицит информации. Общество до сих пор поражено синдромом секретности. Конспиративность большевиков до революции была доведена до абсурда секретности и подозрительности, нанесшего стране и народу непоправимый ущерб. Историческая память, господствующая в обществе, во многом формируется властными структурами. Именно поэтому историческое сознание во многом остается мифологизированным. Освободиться от мифологем прошлого, не сотворя при этом новых мифов и легенд, процесс очень сложный. Архивное табу продолжает царить на публикации и доступ к документам, позволяющим переосмыслить многие страницы отечественной истории.

Самые страшные преступления XX века совершили фашизм и сталинизм. Первый обрушил меч геноцида на другие народы, второй на свой. Новые документы из государственных и ведомственных архивов в значительной степени меняют наши представления о трагических страницах второй мировой и Великой Отечественной войн. Это касается прежде всего предыстории начала второй мировой войны. Сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что в развязывании войны немалую роль сыграла секретная сталинская дипломатия. В феврале 1937 г. в Берлине был подготовлен текст предварительного соглашения между СССР и Германией. Документы НКВД, НКВД, архива Сталина свидетельствуют о сложных дипломатических приемах, предпринятых политическим руководством СССР.

Интересным документальным источником, доступ к которому получили специалисты недавно, стали сводки о политических настроениях

различных слоев населения Советской России в связи с внешнеполитическими и внутриполитическими событиями. Они собирались по линии партийных, советских и карательно-административных органов. Особый интерес в контексте исследования темы представляют сводки Прокуратуры СССР о настроениях в Красной Армии, которые стали регулярными, 1 раз в десять дней, после 1 сентября 1939 года. Большую озабоченность у политического руководства СССР вызывали настроения различных слоев населения к таким событиям, как вывод советских войск в прибалтийские республики, а затем аннексия, события советско-финской войны.

Весьма ценным источником ранее совершенно закрытым для историков являются сводные («Военно-политические бюллетени»), подготавливаемые по линии Главного разведывательного управления. В предвоенный период, после того как были репрессированы 5 начальников ГРУ, эти сводки утратили аналитический характер, а в основном содержали лишь фактический материал. Их характер изменился лишь в 1943-1944 гг. Примером может быть изданный в 1944 году справочник «Генералитет фашистской Германии». Определенный интерес представляют материалы высших органов государственной власти — Совнаркома, Верховного Совета СССР в связи с вступлением СССР во вторую мировую войну, 17 сентября 1939 года. Впервые были введены в научный оборот документы о подлинных потерях СССР в боях с восточной группировкой польских войск. Особо следует отметить рассекреченные ныне документы из «Особой папки» по Катынскому делу.

Ныне рассекреченные документы начального периода Великой Отечественной войны позволяют в значительной степени изменить наши представления о подлинных событиях. Это касается в первую очередь таких материалов, как вопросы арестованных командиров Западного особого военного округа во главе с Д. Г. Павловым. Документы и материалы из рассекреченных архивов ФСК позволяют восстановить историческую истину относительно трагедии блокированного Ленинграда, героизм и трагедию защитников Москвы. Большой интерес для исследователя представляют протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за 1941-1945 гг. Восстановить в полном объеме работу политического руководства СССР можно только, корреспондируя такие источники, как материалы Политбюро, Государственного комитета обороны, Совнаркома и Ставки Верховного Главнокомандования.

Во время войны органами НКВД был установлен тотальный контроль за военными, партийными, советскими и хозяйственными руководителями. Практически о всех частных разговорах, беседах становилось известно и нередко это служило причиной репрессий в отношении тех или иных лиц. Об этом свидетельствуют отчеты соответствующих отделов и управлений НКВД и НКГБ, Прокуратуры СССР, архивно-следственные дела, материалы надзорного делопроизводства, а также реабилитационные де-

ла репрессированных, пересмотренные в 50 — 80-е гг. Многие из них стали достоянием историков и специалистов.

Новые документы и материалы позволили открыть такую ранее закрытую тему для исследований, как история советского коллаборационизма. Кто они — предатели, «освободители» или жертвы войны, политики сталинского руководства? Сегодня введены в научный оборот документы и материалы власовского движения, которое долгое время оставалось для абсолютного большинства тайной за семью печатями. В связи с этим встает вопрос о судьбах советских военнопленных. Подлинная история трагедии этих людей у нас, к сожалению, также не написана.

Новые документы позволяют открыть новые страницы в истории партизанского и подпольного движения. Многие акции партизанских отрядов и соединений диверсионного и террористического характера по-новому выглядят в свете документов НКВД. То же самое можно сказать о подвигах легендарных советских разведчиков. Подлинную историю можно воссоздать сегодня, опираясь на архивы Центрального штаба партизанского движения, соответствующих отделов и управлений НКВД, Ставки Верховного Главнокомандования, Государственного комитета обороны.

Интересным блоком документов являются фонды Главного управления контрразведки «Смерш». Эти материалы находятся в ведомственном архиве в Омске. В них содержится фактический материал о деятельности фронтовой контрразведки в период второй мировой войны: выявление агентуры противника, пособников фашистов на фронте и в тылу. Вместе с тем органами «Смерш» совместно с НКВД СССР во взаимодействии с воинскими частями Наркомата обороны были проведены акции репрессивного характера в отношении отдельных народов. Большой блок материалов об этом был опубликован в журнале «Отечественная история».

Сегодня специалисты получили возможность работать с ранее закрытыми документами и материалами относительно экономики в годы войны. Эти документы позволяют раскрыть не только трудовой героизм тружеников тыла, но и повседневность военного времени, историю создания Российского военно-промышленного комплекса. Это материалы и документы, хранящиеся в РГЭА, ГА РФ, РЦХИДНИ. Большинство из них рассекречены, однако в научный оборот еще не введены.

Серьезен вопрос о достоверности источников. Сегодня он едва ли не самый главный, активно поднимаемый публицистикой. Очень часто в погоне за сенсацией многие документы объявляются фальсифицированными. Восстановить истину можно только сопоставляя, корреспондируя различные архивные, опубликованные материалы. Перестройка исторической науки — сложный и весьма многоплановый процесс. Здесь требуются серьезные нравственные усилия и мужество в противоборстве как с рутинным наследием прошлого, так и с непрофессиональным горячим

пафосом т. н. «независимых историков», создающих на буме сенсационных «открытий» новые мифологемы исторической науки.

Это касается прежде всего печально известных книг В. Суворова «Ледокол» и «День М», В. Бунича «Операция «Гроза» и других. В данном случае проявляется их полная «независимость» от подлинных фактов, от работы в архивах, от приемов исторической критики источников, выработанных лучшими представителями отечественной и зарубежной историографии. Создавая историю второй мировой войны и историю Великой Отечественной, нельзя идти по пути авторов многотомника, когда писалась многотомная ложь. Но нельзя и пойти по пути сенсационности, ложных открытий, которые наиболее опасны сегодня. Очевидно, помня об ответственности перед погибшими, перед своим народом, историк должен докапываться до истины при любых обстоятельствах. История в конечном итоге рассудит и тех, кто предпочитает думать, прежде чем что-либо опубликовать, и тех, кто лжет и лукавит поныне. У нашей страны сложная и трагическая история. Она не может быть плохой или хорошей. История может быть только правдивой или ложной, и она как дорога, пройденная путником, никогда не исчезнет за спиной. Воссозданная правда о Войне и Великой Победе, мы должны постоянно помнить об этом.

СУДАКОВ В. В.

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА И ЖЕРТВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Особого рода актуальность изучения проблем второй мировой и Великой Отечественной войн не вызывает сомнения. Острота дискуссий по данному поводу, в частности, по отношению к историческому прошлому вообще, в которые вовлечены не только профессионалы-историки, но и, нередко, профессионалы-политики — наглядное тому подтверждение. Однако и само общественное движение и историческую науку могут оплодотворить только добросовестные научные изыскания, исключаящие номенклатурные соображения.

Это особенно справедливо в связи с социально и нравственно значимой проблемой — увековечения памяти защитников Отечества и жертв второй мировой войны. Любого рода заключения, к примеру, относительно жертв войны среди гражданского населения или безвозвратных потерь личного состава военнослужащих, не подтверждаемое соответствующими историческими документами, могут, вопреки намерениям их авторов, обернуться фальсификацией, искажением исторического прошлого.

Нынешние историки, представляющие фундаментальную науку, и их собратья-краеведы, подвизающиеся в области эмпирических исследований, не могут не заметить по крайней мере двух благоприятных моментов, позитивно влияющих на процесс и результаты изучения истории второй мировой и Великой Отечественной войн.

Первый — связан с общей легализацией архивного дела, которая, не будучи, вероятно, по важным государственным соображениям, никогда доведена до конца, позволила историкам погрузиться в документальные пласты архивохранилищ, которые в самое недавнее время были абсолютно недосыгаемы. Трудно назвать хотя бы один исторический журнал, не обновивший свои рубрики, не вкусивший запретный ранее плод древа общественного познания.

Второй момент — вытекает из специфики массового сознания, выразившего определенное недоверие догматизированной и идеологизированной трактовке современной истории и потому тяготеющего к документально обоснованным доказательствам. Мало того. Массовое общественное сознание подталкивает исследователей к такому изложению истории, которое отличалось бы не только вскрытием ведущих тенденций и закономерностей общественного бытия, но и четкой прорисовкой исторической ситуации, в которой присутствие рядовых участников событий было бы максимально осязаемым. Сегодня понять историю означает не только описать, но и почувствовать, а это значит — раскрыть подлинное мироощущение ее героев.

Традиция вологодских историков представляется весьма заметной в этом плане. Соплусь в качестве начального примера на такой жанр исторического документа, как фронтовое письмо... Оно оказалось подлинным открытием для источниковедения 70 — 90-х годов, связанным с историей Великой Отечественной. Люди, прошедшие войну, первыми определили суть этого источника. «Письма фронтовиков... представляют огромную духовную ценность...» (см. П. И. Батов. К читателю. В сб. «Письма с фронта», СЗКИ, 1979. С. 6). «Собранные воедино письма — это до предела сжатая история Великой Отечественной...» Фронтовые письма — «живые голоса миллионов павших и миллионов дождавшихся Победы» (см. Г. Т. Береговой. К читателю. Сб. «Письма с фронта и на фронт», СЗКИ, 1985. С. 3, 4).

Общественным признанием значимости вологодского опыта работы с фронтовыми письмами явилось решение центральных органов (тогда ЦК ВЛКСМ) о создании Всесоюзного фонда фронтовых писем и последующим их изданием.

Публикацией в 1988 г. первого тома «Книги-мемориала» воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области, было привлечено внимание к архивам военкоматов и Военно-медицинского музея Министерства обороны, к истории болезни раненого как источнику, дающему возможность направленно проследить

за судьбой конкретного военнослужащего, следы которого, казалось бы, навсегда утрачены. В оценке академика С. О. Шмидта, председателя Археографической комиссии РАН, «опыт вологжан поучителен для всей страны. Ведь, увы, до сих пор не издана книга захороненных на Пискаревском кладбище, как неизвестно и число всех погибших. Не подготовлена и книга умерших от ран в госпиталях Москвы и других городов». «Книга-мемориал» была разослана во все облвоенкоматы страны, областные комитеты защиты мира и общества охраны памятников истории и культуры.

Сложнейшим для исполнения оказался замысел вологодских историков — членов группы «Поиск» (научные руководители профессора П. А. Колесников и В. В. Судаков) — попытаться определить подходы к оценке воздействия войны на гражданское население, вернее, на такую его часть, как эвакуированные и беженцы. Двухтомником «Реквием 1941-1945» (отв. составитель Л. К. Судакова) были, во-первых, открыты для познания отечественной истории информативные богатства таких архивохранилищ, как ЗАГСы (районные, городские, областные), что указало «шуть ищущим материалы к родословиям своих фамилий, интересующихся не только аристократической, но народной генеалогией» (см. С. О. Шмидт. Вместо предисловия. Реквием 1941-1945, ч. II. Вологда, 1991. С. 4).

Во-вторых, историки получили возможность познакомиться с еще одним видом ценнейшего исторического документа — актовой записью о смерти, нередко содержавшей неизвестную информацию о человеке, чью судьбу десятилетиями пытались выяснить его родные и близкие. В силу этого непосредственный успех «Реквиема» был огромен: он не только выдержал 4 презентации (по 2 — в Вологде и С.-Петербурге). Администрация С.-Петербурга, имея книгу — наглядное доказательство возможности собрать информацию о жертвах блокады, приняла решение о подготовке «Блокадной Книги Памяти». Сотнями измеряется число людей, нашедших в изданной книге фамилии своих родственников, считавшихся пропавшими без вести. «Предлагаю положить „Реквием“ в исторический мемориал „Ленинград — 900 дней и ночей...“ Эта книга достойна подвига. И она нужна сегодня не только нам, живым свидетелям блокады, а, в первую очередь, нужна нашим потомкам», — заявил скульптор М. К. Аникушин. (См. Г. А. Акиньев. Эвакуация. Вологда, 1992. С. 98).

С принятием в 1989 — начале 1990 года областными органами (обкомом ВЛКСМ, обкомом КПСС, облисполкомом) решений о подготовке и издании «Книги Памяти Вологодской области», в центре внимания исследователей оказался еще один уникальный исторический документ — извещение о гибели (смерти) военнослужащего, направляемое в семью (военкомат) из войсковой части Действующей армии или из госпиталя. По объему документальной информации, основанной на извещениях

(«похоронках»), это оказалась, пожалуй, работа, не имеющая аналога. В соответствии с этим были найдены организационные и научно-методические принципы работы.

Во-первых, предстояло отработать: а) документы архивов рай(гор)военкоматов и рай(гор)собесов; б) сведения о вологжанях, погибших в боях, направляемые из военкоматов других республик и областей; в) унифицированную информацию, поступившую в 1992-1995 годах из Центрального архива Министерства обороны России.

Во-вторых, составленные списки не вернувшихся с фронта необходимо было сопоставить с другими документальными свидетельствами, дополнить, перепроверить, уточнить и т. д. С этой целью: а) во всех районах и городах области были созданы рабочие группы по подготовке материалов для «Книги Памяти»; б) с целью получения наибольшей полноты, достоверности данных и т. д. все списки в первом варианте, как правило, полностью публиковались в районных (городских) газетах. Было выполнено значительное количество запросов в архивы. Проанализированы тысячи писем, поступивших от населения. Общественная редколлегия «Книги Памяти Вологодской области» утвердила строго научный формуляр записи о погибших, поставив задачей — собрать в мемориальный свод всех уроженцев области, независимо от места призыва, поскольку буквальное следование этому принципу делало бессмысленной одну из поставленных задач: точно подсчитать первоначальные потери военнослужащих в годы войны.

При единстве структурного и внешнего полиграфического оформления «Книги Памяти Вологодской области» предусматривалось:

а) обратить внимание будущих исследователей на незавершенность работы: фамилии погибших на фронте, место и обстоятельства гибели которых оставались еще не установленными, выносились в отдельный список;

б) в каждом томе книги, в которую вносились уроженцы лишь одного района (города) публиковалось предисловие, раскрывающее подвиг труженников тыла в годы войны, разнообразные мероприятия по мобилизации, перестройке деятельности экономики и т. д.;

в) тома книги дополнялись иллюстративным рядом (письмами погибших, их фотографиями, заметками, письмами по поводу «Книги Памяти»), воссоздавался портрет воинов-вологжан, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины.

Строгая документальная основа — база и для эмпирических изысканий и для фундаментальных исследований и обобщений истории второй мировой и Великой Отечественной войн.

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
МЕЖДУНАРОДНОПРАВОВЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ**

Вторая мировая война отличалась беспрецедентностью своих масштабов: в нее было вовлечено 61 государство с населением 1 млрд. 700 млн. человек. Среди жертв этого вооруженного конфликта — более 50 млн. погибших и умерших, 90 млн. раненых, из которых почти треть осталась инвалидами. Глобальность произошедшей более полувека тому назад катастрофы подтверждается и ни с чем не сравнимым количеством военнопленных — 35 млн. человек! Сотни тысяч солдат вернулись из плена морально и духовно надломленными людьми. Многие потеряли за время пребывания на чужой стороне родных и близких, лишились семьи, дома.

В этой связи историк вправе задать вопрос: существовала ли в годы второй мировой войны возможность избежать лишних жертв, облегчить участь пленных путем переговоров на дипломатическом уровне? Известно, что попытки в этом направлении предпринимали, руководствуясь Гаагской и Женевской конвенциями, Международный Красный Крест, нейтральные государства, Ватикан, союзники СССР по антигитлеровской коалиции. А какую позицию заняли при этом Москва и Берлин? Эти и многие другие, не менее животрепещущие вопросы, объединяет одна малоизученная проблема — проблема международноправового положения военнопленных. К сожалению, российские историки пока обходят стороной эту чрезвычайно актуальную сегодня тему.

Знакомство с ранее засекреченными документами, такими, как доклады из «Особой папки» И. В. Сталина, ноты и меморандумы наркомата иностранных дел, служебные записки сотрудников этого ведомства и анализ всех перечисленных материалов позволяют совершенно по-иному расставить акценты в целом ряде вопросов, традиционно не вызывавших какого-либо сомнения. Ошибочна, на наш взгляд, точка зрения К. Штрайта и тех германских историков, которые считают, что своей нотой от 17 июля 1941 г. о присоединении к Гаагской конвенции СССР намеревался перевести положение пленных той и другой воюющих сторон на принципы гуманности¹. Москвой в данном случае руководили иные соображения, а именно:

— готовность любыми возможными средствами, в том числе международноправовыми, сдержать наступательную мощь германской военной машины;

— проблема правовой защиты советских партизан, ибо их действия на оккупированной территории, ссылаясь на Женевскую конвенцию, объявляли противозаконными не только немцы, но и представители Международного комитета Красного Креста (МККК);

— нежелание связывать себя упомянутой выше конвенцией, налагающей на СССР, в отличие от Гаагской, гораздо больше обязательств в отношении военнопленных.

Архивные документы убедительно доказывают, что исключительно тяжелое положение красноармейцев, оказавшихся в руках врага, обусловили не только идеологические и расовые мотивы, но и факт неприсоединения СССР к Женевскому соглашению. Имеют свое объяснение отказ Москвы от первоначального намерения обмениваться списками пленных, запрет на выдачу въездных виз делегатам МККК, игнорирование любых предложений по оказанию продовольственной помощи военнослужащим Красной Армии, находившимся в немецких лагерях, и другие, на первый взгляд, трудно поддающиеся здравому смыслу решения.

Картина плена не исчерпывает себя рамками второй мировой войны. Правовой статус солдат бывших вражеских армий в послевоенный период, их репатриация на родину зависели от причин не только экономического (работа в различных отраслях хозяйства держав-победительниц), но и политического свойства. Так, 4-я сессия СМВД в Москве, проходившая в марте-апреле 1947 года, в интересующем нас контексте примечательна двумя событиями. Во-первых, в заявлении советской делегации количество военнопленных немцев было умышленно занижено почти на 100 тысяч человек². Во-вторых, союзники обвинили СССР в комплектовании армии из числа просоветски настроенных германских военнопленных. Почвой для подобного, не соответствовавшего действительности заявления, по-видимому, послужила просочившаяся на Запад информация о попытках Москвы привести на смену распущенному в ноябре 1945 года Национальному комитету «Свободная Германия» новую организацию — «Демократический союз немецких военнопленных в Советском Союзе».

На рубеже 40 — 50-х годов западные державы, завершившие процесс репатриации иностранных военнопленных, требовали того же и от СССР. Одновременно в соответствующих нотах выдвигалось требование направить в специальную комиссию ООН списки умерших в русском плену. Отказ предоставить такую информацию возбуждал законное недоверие к СССР, подпитывал легенду о миллионах солдат, без вести пропавших за «железным занавесом».

Строго дозированный процесс репатриации использовался Москвой при решении сложных международных проблем. Кульминационным пунктом подобной «стратегии» стали переговоры с правительственной делегацией ГФР в сентябре 1955 года, завершившиеся установлением дипломатических отношений между двумя государствами. Превалирует мнение, что переговоры эти отличал дух откровенного политического диалога, а своим возвращением на родину последние 10 тысяч немцев обязаны настойчивой позиции Конрада Аденауэра. Ни в коей мере не умаляя заслуг западногерманского канцлера, заметим, что архивные документы вносят существенные коррективы в традиционную версию. Сце-

нарий встречи двух правительственных делегаций за круглым столом был заранее продуман до мельчайших деталей. Предусматривалось, в частности, что в обмен на согласие немцев установить дипломатические отношения можно будет пойти и на амнистию осужденных военнопленных, естественно, не раскрывая до самого последнего момента свои карты³.

Анализируя проблему военнопленных второй мировой войны, приходишь еще к одному выводу: гитлеровский и сталинский тоталитарные режимы предрасположили и безнравственную политику в отношении военнопленных. Преступные приказы верховного командования вермахта формировали у немецких солдат и офицеров чувство вседозволенности, разрушали такие нравственные понятия, как солдатская и офицерская честь, человеческая совесть. Нечто подобное можно было наблюдать и тогда, когда в Германию вступали советские войска. Причем, волна насилий, бессмысленных пьяных погромов проходили при явном попустительстве армейских командиров. Еще в более худшем положении, чем вражеские военнопленные, оказались красноармейцы, освобожденные из фашистских лагерей. Только в 1956 г. советские «узники войны» были формально восстановлены в гражданских правах, ибо на практике их интересы продолжали ущемляться вплоть до недавнего времени. Кстати, определенная часть общества, как показывают социологические опросы, до сих пор с предубеждением относится к своим согражданам, когда-то побывавшим в плену.

Обязательства международноправового, политического и нравственного порядка стоят перед российским правительством. Вопреки Женевской конвенции 1949 года, кладбища иностранных военнопленных, за небольшим исключением, стерты с лица земли. Отсутствуют полные персональные списки умерших. Серьезные трудности встретятся при реабилитации незаконно осужденных военнопленных: потребуются скрупулезно изучить тысячи следственных дел. Так или иначе, но решать все эти проблемы правительству, претендующему на то, чтобы его называли демократическим, раньше или позже придется.

Примечания:

¹ См. Streit. Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die Sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. (Phil.Diss), Stuttgart, 1978 (2 Auflage, Bonn, 1991). S. 226.

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 0431, оп. 4, п. 5, д. 21, л. 5; Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-9401, оп. 2, д. 269, лл. 36-37.

³ АВП РФ, ф. 06, оп. 14, д. 203, лл. 30-31.

**ПРОБЛЕМА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Одной из самых сложных, до сих пор во многом дискуссионных проблем истории второй мировой войны является проблема коллаборационизма, сотрудничества граждан оккупированных стран с агрессорами. Сложность исследования этого непростого явления заключается в том, что оно имеет не только военные и политические ракурсы, но и выраженные юридические, социальные, психологические, этические (нравственные) и иные аспекты.

Как заметное явление, как факт исторического прошлого коллаборационизм органично вилеается в событийную и проблемную канву второй мировой войны. Ввиду своего универсального, собирательного характера сам термин «коллаборационизм» (от франц. *collaboration* — сотрудничество) и его производные (коллаборационисты или коллаборанты) зачастую используются не вполне адекватно, однако они прочно вошли в военно-историческую лексику, стали ее неотъемлемыми элементами. Исторически сложились национальные модели коллаборационизма — французская („петэнизм“), бельгийская, норвежская, русская и др.

Будучи явлением неоднозначным, в первую очередь с точки зрения своих особых национальных предпосылок, исходных программных установок, коллаборационизм в оккупированных странах Европы отличался выраженной разнородностью, проявившей себя в широте социального диапазона участников, в существенно отличавшихся мотивациях их поступков. Вместе с тем, анализ национальных моделей европейского коллаборационизма позволяет обнаружить ряд общих, системных признаков. Наиболее важным среди них являлось использование национально-патриотической фразеологии, манипулирование такой категорией, как «национальные интересы». Характерна в этом отношении петэновская идеология семьи, родины, свободного труда и т. д. С точки зрения своих приоритетов эта идеология была близка к знаменитой триаде Марке «Порядок, власть, нация» и лозунгам правозэкстремистских, национальных организаций.

Анализируя факторы и обстоятельства, которые вне всяких сомнений должны быть приняты во внимание в процессе исследования коллаборационизма, целесообразно поставить следующие вопросы:

Во-первых, сложилась ли в отдельно взятой стране система правовых, политических, военных институтов, которая могла бы быть квалифицирована как коллаборационистский режим и каковы были в таком случае его функциональные пределы? Или же коллаборационизм может рассматриваться лишь как позиция отдельных национальных лидеров и общественных сил в условиях фашистской оккупации?

Во-вторых, чем характеризовалась правовая сторона деятельности коллаборационистов, насколько легитимны были коллаборационистские режимы в оккупированных странах Европы? Наиболее интересен в этом отношении режим Виши во Франции.

В-третьих, имелись ли альтернативные коллаборационизму силы, движения, дислоцировавшиеся как на оккупированной фашистами национальной территории, так и находившиеся в условиях вынужденной эмиграции? Едва ли не самая сложная ситуация в этом отношении сложилась вокруг Польши, которая наряду с немногочисленными коллаборационистами имела эмигрантское („лондонское“) правительство, по грустной иронии судьбы названное деятелями Союза польских патриотов в СССР «польскими квислингами», а также эмигрантские организации, ориентировавшиеся не на Лондон, а на Москву. Примечательно, что и те и другие имели свои вооруженные силы (как на территории Польши, так и вне ее), участвовавшие во второй мировой войне.

Особого внимания заслуживает российский коллаборационизм, обычно ассоциирующийся с такими понятиями, как РОД (Русское освободительное движение), ОДНР (Освободительное движение народов России), Власовское движение. При изучении этого сложного явления, неоднозначно оценивающегося в отечественной и зарубежной историографии, необходимо учитывать целый ряд существенных обстоятельств.

Прежде всего, это наличие многочисленной русской эмиграции, по-разному относившейся к нацистскому режиму в Германии, к германскому фактору в определении исторической судьбы России вообще, однако объединенной (за некоторыми исключениями) общим негативным отношением к советскому строю. Характерно, что ряд вооруженных формирований, участвовавших во второй мировой войне на стороне Германии, был укомплектован преимущественно эмигрантами (к примеру, Русский корпус на Балканах). Симптоматично, что в идейном и политическом отношении имел место известный синтез позиций некоторых бывших граждан Советского Союза и представителей эмиграции.

Необходимо принять во внимание и беспрецедентную «пестроту» состава российских коллаборационистов. В их рядах оказались т. н. «хильфсвиллиге» (или просто «хиви») — «добровольные помощники», советские военнопленные, согласившиеся вступить в различные формирования на стороне Германии, военнослужащие Красной Армии, добровольно сдавшиеся в плен, часть населения оккупированных советских территорий, вставшая на путь сотрудничества с врагом, т. н. «остовцы», граждане СССР, вывезенные в Германию на работы, эмигранты и др. Как следствие, мы не можем констатировать наличие самых разнообразных индивидуальных и групповых мотивов участия людей в коллаборационистском движении. Кто-то давал согласие сотрудничать с оккупантами (или даже сам проявлял инициативу) из соображений самосохранения, выживания. Этот мотив был характерен для многих военнопленных, содержа-

шихся в нечеловеческих условиях. В ком-то говорило чувство мести по отношению к сталинскому режиму — это в большинстве своем были члены семей раскулаченных и репрессированных; безусловно были люди, избравшие этот путь глубоко осознанно, в соответствии со своими политическими взглядами, идейной ориентацией. Это категория коллаборационистов видела себя в рядах антисталинского (однако далеко не всегда антисоветского) сопротивления...

В современной отечественной историографии дискутируется вопрос о том, можно ли вообще квалифицировать российский коллаборационизм как движение, имевшее сколько-нибудь выраженный политический характер, политическую платформу, сформулированные программные установки? Полагаю, что при всей сложности и противоречивости этого явления, все-таки есть основания для положительного ответа на поставленный вопрос. Уже в декабре 1942 г. в оккупированном немцами Смоленске был обнаружен один из первых программных документов российского коллаборационизма — т. н. «Смоленская декларация», подписанная председателем образованного Русского комитета А. А. Власовым и секретарем комитета В. Ф. Малышкиным. В этом документе наряду с общими оценками международного положения, с определением характера советско-германского противостояния содержалась программа создания новой России, которая, как виделось это авторам документа, должна была занять «достойное» место в новой (фашистской) Европе. Не имея возможности в короткой статье дать развернутую характеристику этой декларации, укажу лишь на ошибочность многих ее исходных позиций и, как следствие, абсолютную нереалистичность предложенной программы. Впоследствии появился еще ряд подобных документов, в частности — Пражский манифест 14 ноября 1944 г.

Своеобразие российского коллаборационизма в известной мере было обусловлено и той неоднозначной ролью, которую играла Церковь на оккупированной территории СССР и Европе. При этом речь идет не только и не столько о Московской патриархии, сколько об Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Вопрос о церковно-религиозных аспектах российского коллаборационизма, о духовном окормлении людей, вставших на путь сотрудничества с оккупантами, является на сегодняшний день практически не исследованным и требует к себе самого пристального внимания.

В равной мере последнее утверждение относится и к проблеме коллаборационизма в целом, которая еще ждет своего беспристрастного исследователя.

Секция
МАЛОИССЛЕДОВАННЫЕ И ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН
(посвящается памяти профессора,
доктора исторических наук А. С. Бланка)

Подсекция
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БОРОЗНЯК А. И. (Липецк)

**АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А. С. БЛАНКА
И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ В ФРГ**

Среди многочисленных трудов профессора А. С. Бланка особое место, по нашему мнению, принадлежит двум книгам: вышедшей в Вологде работе о «Свободной Германии» («Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов», 1963 г.) и опубликованном в Москве исследовании о «Красной капелле» («В сердце «третьего рейха»: Из истории антифашистского народного фронта в подполье», 1974 г.). Впервые в отечественной историографии раскрывались — на уровне научных монографий — характер и эволюция программных установок, содержание практических акций действовавших в различных условиях организаций немецкого Сопротивления.

Автор рассматривал Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров, организационно оформленные в июле-сентябре 1943 г. и тогда же начавшие активно действовать в лагерях военнопленных и на линии фронта, как широкое антинацистское движение, в рамках которого объединились люди самых различных политических убеждений: от коммунистов до бывших приверженцев гитлеровской партии. Историк, опираясь на собственный опыт работы с военнопленными, обобщил значительный материал об основных направлениях деятельности НКСГ и СНО, итог которой заключался в том, что «начали думать»

попавшие в советский плен солдаты и офицеры вермахта, «привыкшие беспрекословно повиноваться приказам», предпочитавшие поначалу «выжидать и присматриваться».

На обстоятельной монографии не могли однако не сказаться, как и на других публикациях сталинского и постсталинского периода, идеологические императивы режима. В противоречии с фактами, приведенными Бланком, находится тезис о том, что в борьбе против гитлеровской тирании участвовали «прежде всего коммунисты и левые социал-демократы». К чести историка следует сказать, что он, без сомнения, понимал искусственный характер формулировок подобного рода. В фрагментах его воспоминаний («Несколько месяцев в Суздале», «Прозрение фельдмаршала Паулюса», «Пленники Сталинграда»), увидевших свет на страницах «Нового мира» и других журналов, ученый подробно рассказал о встречах и беседах с Паулюсом, об эволюции его мировоззрения, о многочисленных сторонниках НКСГ, отнюдь не разделявших воззрений коммунистов, но активно выступавших против национал-социализма.

Суждения исследователя противостояли упрощенно-ритуальным версиям истории НКСГ, получившим — в условиях полной недоступности архивных материалов — достаточно широкое хождение и сводившим акции Национального комитета к простому осуществлению директив ЦК КПГ. В последние годы жизни Бланк работал над биографией Паулюса, завершению и публикации которой помешали обстоятельства идеологического характера (книга была подготовлена к печати и выпущена в 1990 г., через пять лет после кончины автора).

Значительный общественный резонанс получила написанная с полным литературным блеском книга о «Красной капелле», члены которой принадлежали к самым различным слоям населения, в том числе и интеллектуальной элите Германии. Впечатляют портреты участников подпольной организации Х. Шульце-Бойзена, А. Харнака, Г. Коппи, Э. М. Бух, чья жизнь и смерть были воплощением общечеловеческих идеалов Сопротивления. Концепция автора явно не совпадала с официальными установками, ставившими под сомнение намерения и действия антифашистов, не подконтрольных Коммунистической партии Германии.

Путь историка к постижению и распространению научной истины о немецком Сопротивлении был достаточно сложным. Его взгляды зачастую не совпадали с постулатами, широко распространенными в советской исторической литературе. Он вел принципиальную и острую полемику с консервативными западногерманскими авторами, квалифицировавшими борцов Сопротивления (в полном соответствии с духом «холодной войны») как «изменщиков» и «агентов Москвы». Бланк не получил ни внимания, ни поддержки со стороны людей, обладавших властью и опасавшихся проявлений независимого таланта и несанкционированной свободы научного творчества.

1238499

Непредвзятое прочтение истории Национального комитета «Свободная Германия» привело ныне авторитетных исследователей А. Фишера и Б. Шойрига (ФРГ) к выводам о том, что военнопленные, выступавшие с антинацистских позиций, были «движимы нравственными чувствами, нравственными заповедями, любовью к родине, к своему народу», стремлением «спасти фронтовых товарищей и немецкий народ от повторения судьбы, уготованной 6-й армии». Немецкие ученые, среди которых необходимо выделить Г. Юбершера, активно участвовали в российской-германской конференции, посвященной полувековому юбилею НКСГ и проходившей в Москве и Красногорске в сентябре 1993 г. Известное издательство «Фишер» (Франкфурт-на-Майне) готовит к выпуску сборник статей германских и российских историков по указанной проблематике. Все это вызвало у публицистов из числа «вечно вчерашних» стремление развернуть общественное мнение ФРГ в сторону прежних — односторонних и недостоверных оценок «Свободной Германии». Из экспозиции Мемориального центра «Германское Сопротивление» (Берлин, Штауфенбергштрассе) требуют изъять материалы о Национальном комитете и Союзе германских офицеров, покончить с самой идеей Сопротивления как совместных акций людей, придерживавшихся различных политических убеждений.

По инициативе научного руководителя Мемориального центра П. Штайнбаха постоянно выступающего (вопреки многочисленным нападкам реакционеров от науки и политики) за воссоздание картины Сопротивления «во всей глубине и многообразии», началась разработка проблематики «Красной капеллы», осенью 1992 г. были организованы выставка и коллоквиум по истории крупнейшей антинацистской организации. Последствия не заставили себя долго ждать. «Франкфуртер альгемайне», другие консервативные издания настойчиво предлагают правительству ФРГ и сенату Берлина «реорганизовать» Мемориальный центр, т. е. ликвидировать его. Дискуссии о будущем центра продолжаются.

В наши дни открываются новые возможности познания истории немецкого Сопротивления, устанавливаются плодотворные контакты российских и германских ученых, посвятивших свои труды проблемам антифашистских движений. В этих условиях идеи, обоснованные и выстраданные Александром Соломоновичем Бланком, оказываются в эпицентре научных споров. Речь идет о гуманистическом смысле Сопротивления, о его гетерогенном характере, о многообразии форм противодействия гитлеризму. Только теперь, спустя десятилетие после смерти ученого, мы можем оценить масштаб его исследовательского дарования, значимость его вклада в постижение истории антифашистской борьбы, воспринять его труды как органическую составную часть европейского исторического пространства.

УЧЕНЫЙ, НАСЛЕДИЕ, ВРЕМЯ

Летом 1965 года в здании Ленинградского госуниверситета проходила очередная защита докторской диссертации. Глубокая аргументация соискателя, обширные познания в теме (за плечами две монографии¹, несколько десятков статей), обеспечили ему блестящую защиту.

Германистика, как наука, родилась после хрущевской оттепели, и то, что у ее истоков стоял молодой исследователь, в недавнем прошлом активный участник войны против фашизма, явилось счастливым знаменем. Страна обрела ученого широчайшего творческого диапазона, борца против фашизма уже на новом, идеологическом фронте, политические оппоненты противоборствующего лагеря — достойного противника, многочисленные ученики, единомышленники и последователи — мудрого, щедрого на идеи наставника. Таким он был при жизни, таким он помнится сегодня, таким останется завтра. Останется потому, что не ветшают замыслы, если это замыслы, а не конъюнктурные однодневки, не тускнеют поступки, если они продиктованы разумом последовательного борца, а не инстинктом самосохранения. В этом — ключ к долголетию личности.

Творческое наследие А. С. Бланка огромно и многогранно. Его замыслы формировались в пору ранней молодости: с двадцати двух лет — он активный участник в антифашистской работе среди немецких военнопленных на территории нашей страны. Он много работал по воспитанию тех, кто впоследствии стали активистами «первого часа» — будущие министры ГДР, ученые, общественные деятели. В качестве офицера Советской Армии сопровождал Вильгельма Пика в его поездках по лагерям военнопленных в Советском Союзе. Сотрудничал с Паулусом в качестве переводчика. В эти годы он уже формируется как историк-антифашист. Позднее определяется и тематика его исследований: борьба КПГ против фашизма, антифашистское движения Сопротивления, критический анализ реакционных концепций истории ГДР, буржуазных исследований, связанных с реабилитацией фашизма, реваншизма, милитаризма. На эти темы им написано около 200 печатных работ, в том числе свыше 20 книг и брошюр². Книги его были опубликованы не только в нашей стране, но и за рубежом, изданы на одиннадцати языках.

Борьба с современным фашизмом не может быть успешной без учета опыта прошлого. Немалый вклад внес Александр Соломонович в анализ истории раннего фашизма в Германии³ — в период, когда шло складывание фашистских движений, выработка организационных методов нацистов 20-х годов, формирование идеологии мракобесия. Автор разоблачает тесную связь нацистов с реакционными силами Веймарской республики — военщиной, монополиями, крупными помещиками. Вывод ученого однозначен: «фундамент преступлений, перед которыми содрогнулся мир, закладывался в 20-х годах, в ранний период фашизма».

Большое место А. С. Бланк отводит разоблачению методов апелляции нацистов к массам с целью завоевания сторонников, расширению социальной базы фашизма. Примем к сведению, что это было одно из первых обобщающих исследований в марксистской литературе, где автор вскрывает теоретический фундамент нацистского движения, показывает циничные и гибкие, тонко учитывающие психологические факторы методы, применявшиеся гитлеровцами в борьбе за власть. Впервые в марксистской литературе прослежены пути прихода гитлеровцев к власти, сформулированы социально-психологические предпосылки распространения нацистской идеологии. Автор справедливо подчеркивал, что социальная демагогия и идеологическая обработка масс в нацистском духе играли не меньшую роль, чем террор в завоевании власти⁴. Сегодня эти выводы становятся актуальными в политической жизни нашей страны, их значение может выйти за рамки уходящего тысячелетия.

В книге о раннем фашизме в Германии А. С. Бланк выступает и как поватор слова. Он сочетает документализм с глубоким историко-публицистическим жанром, а историографический обзор — с социально-психологическим анализом. Сегодня этот стиль входит в обиход многих историков, но в 70-х годах А. С. Бланк был одним из тех, кто выходил на новый уровень политического мышления в изложении материала.

Счастливая судьба и у книги А. С. Бланка «В сердце «третьего рейха». В свое время вице-президент АН ГДР Генрих Шеель, в прошлом активный участник «Красной капеллы» отмечал, что ни в ГДР, ни в Советском Союзе не было работы, которая в научном плане освещала бы историю организации Шульце-Бойзена-Гарнака. Монография явилась первым исследованием на эту тему не только в советской, но и в международной марксистской историографии⁵.

Книга, посвященная истории берлинской группы «Красной капеллы», написана на основе всестороннего изучения достоверных фактов, является образцом исповедальной прозы. Она удачно сочетает глубокую научность, четкие методологические основы с поистине художественным изображением событий, тонким проникновением в психологию, в духовный мир героев. «Все, что я совершил, я делал по велению своего разума, сердца и в соответствии с убеждениями», — писал перед казнью один из руководителей «Красной капеллы» Шульце-Бойзен своим родителям. Эти слова с равным успехом можно отнести и к автору книги.

Генезис истории фашизма, роль монополий, взрастивших его, преступлений нацизма против человечности, буржуазная пропаганда, во многом искажающая историю нацизма — таковы основные темы книги «Неонацизм-реваншизм»⁶. А. С. Бланк выступает в ней как историк, социолог, философ и публицист. Какие силы координируют деятельность неофашистов в Западной Европе и США в годы «холодной войны»? Речь идет о том прошлом, когда милитаристские круги США и Западной Европы вели мир к расколу и обострению напряженности, к дальнейшему

усилению гонки вооружений. В свое время в Берлине и Риме, Вашингтоне и Лондоне немало повторяли: правый экстремизм не представляет опасности для нашего государства. К счастью для буржуазной демократии, эту зловещую опасность ей удалось преодолеть. Неофашизм остался глубоко эшелонированным резервным отрядом антисоветизма.

Однако сегодня эта опасность актуальна не столько для западных государств, сколько для нашего общества, живущего в условиях экономического кризиса и политической нестабильности, разочарованности масс в политических лидерах и институтах. Эту опасность, так же как и ее питательную среду, возвращенную в условиях тоталитаризма и посттоталитарного государства, А. С. Бланк предвидел в частности, когда выходил за рамки коминтерновского определения фашизму, посягнув на полувековую незыблемость его формулировки. В начале 80-х годов он отмечает: «Фашизм — не только кровавая и террористическая диктатура наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии, но одновременно и уникальная по характеру система создания противоречащих интересам народа ложных «национальных единств» в масштабах большей части нации, политический и военный инструмент внешнеполитической экспансии путем прямой агрессии. ...Фашизм представляет собой также и специфическую систему создания социально-психологических настроений, основывающихся на негативной, деструктивной базе»⁷...

Это уже был прорыв за рамки существовавшей легальности. Такие прорывы, а их было немало, во многом подготовили почву для будущей гласности, информированности, демократизации общества.

Почти пять десятилетий отделяют нас от исторической победы в войне, развязанной фашистской Германией. Десять лет ушел от нас один из победителей в этой войне. Однако осталось наследие. Справедливо поставить вопрос: устарело ли наследие А. С. Бланка? В контексте времени и политических реальностей 80-х — 90-х годов нашего столетия, когда рухнула тоталитарная модель с ее идеологией и политической практикой, темы, идеи ученого остаются актуальными и сегодня. Остаются потому, что они во многом опережали время, в котором жил и творил А. С. Бланк.

Сегодня многие исследователи фашизма в условиях расширения гласности выходят на новые рубежи в изучении фашизма, уточняют и углубляют формулировки сущности этого феномена. Издаются, в частности, мемуары бывших героев «Красной капеллы». Гласность расширила рамки российской германистики, и за последнее десятилетие она обогатилась новыми публикациями, монографиями, книгами. Живые помнят однако, что у истоков германистики стоял А. С. Бланк, заложивший прочный фундамент в эту науку и оставивший огромное наследие. Такому наследию нельзя не позавидовать.

Примечания:

¹ А. С. Бланк. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943-1945. — Вологда, 1963, 92 с.; он же: КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. 1933-1945. — М., 1964.

² См. в части.: А. С. Бланк, Б. Левель. Наша цель — свободная Германия. — М.: Мысль, 1969; А. С. Бланк. Германский фашизм и западногерманский неонацизм, ч. 1, 1919-1939. — Вологда, 1971, ч. 2, 1919—1972. — Вологда, 1973; А. С. Бланк. Идеология германского фашизма, ч. 3. — Вологда, 1974; В сердце «третьего рейха». Из истории антифашистского народного фронта в подполье. — М.: Мысль, 1974; Адвокаты фашизма. Легенды и мифы реакционной буржуазной историографии о германском фашизме. — М.: Международн. отношения, 1974.

³ Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. — М.: Мысль, 1978; Неонацизм — орудие реакции. — М., 1979; Старый и новый фашизм. — М.: Политиздат, 1982; Неонацизм-реваншизм. Мифы психологической войны. — М.: Мысль, 1985; А. Бланк, Б. Хавкин. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. — М.: Патриот, 1990.

⁴ А. С. Бланк. Идеология германского фашизма. — Вологда, 1974; он же: Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. — М.: Мысль, 1978, 208 с.

⁵ Р.Г. Кашин. Рец. на кн. А. С. Бланка «В сердце «третьего рейха». см. «Новый мир», 1975, №8, с. 278.

⁶ А. С. Бланк. Неонацизм-реваншизм. Мифы психологической войны. — М.: Мысль, 1985, 240 с.; см. рец. на кн. в: «СПИА. Экономика. Политика. Идеология.», №3, 1986, с. 116-117. Р. Г. Кашин. Книга-предостережение.

⁷ А. С. Бланк. Старый и новый фашизм. — М., 1982, с. 16.

ГАЛАКТИОНОВ Ю. В. (Кемерово)

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ (к характеристике научного наследия А. С. Бланка)

Феномен фашизма и национал-социализма, в частности, привлек внимание исследователей практически со времени своего возникновения. Нет, наверно, в современной истории другой такой проблемы, которая породила бы столь непреходящий интерес и столь огромное количество книг и статей. Причем, главным водоразделом в этом море публикаций была принадлежность авторов к «марксистской» или «немарксистской» позициям, что обуславливало подчас полярную противоположность выводов относительно сущности фашизма, его происхождения и его будущего. Однако в ряде моментов эти позиции были также изначально близки (осуждение расовой теории, антисемитизма и др.).

Как марксистская (а это была в основном советская историография и историография ГДР), так и немарксистская достигли за 70 с лишним

лет в изучении феномена фашизма крупных успехов, хотя и накопили при этом изрядное количество недостатков.

В развитии отечественной историографии мы выделяли ряд этапов¹. Очевидно, что рубеж 80–90-х годов стал временем начала нового этапа, который можно пока условно определить как посткоммунистический, хотя достижения предыдущих лет не были безоглядно отринуты.

В ряду этих достижений, безусловно, стоят и большинство работ Александра Соломоновича Бланка. Они охватывают очень многие аспекты истории и историографии германского фашизма и антифашистской борьбы в Германии. Поражает научная энергия и «плодовитость» А. С. Бланка. За не такие уж долгие годы своей научной деятельности он опубликовал около десятка монографий и более 30 статей как у нас в стране, так и за рубежом.

В научном наследии профессора А. С. Бланка можно выделить четыре главных направления: изучение истории нацизма (преимущественно его раннего периода и генезиса его идеологии); исследование антифашистского Сопротивления; анализ западногерманского неонацизма; критика немарксистских концепций фашизма. Причем, эти сюжеты не были разделены хронологически, ученый занимался ими практически одновременно.

Пожалуй, наибольший вклад был внесен А. С. Бланком в изучение ранней истории нацизма и его идеологического багажа. В свое время большую помощь преподавателям и студентам оказал написанный А. С. Бланком спецкурс², в третьей части которого³ впервые в нашей историографии в систематизированном виде были рассмотрены все составные части нацистской идеологии, показан в общих чертах ее генезис.

Монография А. С. Бланка по истории раннего нацизма⁴ была первым в нашей стране крупным исследованием наименее изученного периода истории германского фашизма — периода 20-х годов, когда складывались организационные формы и структура нацистского движения, вырабатывались методы пропаганды, приемы вербовки «политической пехоты».

Особое место в книге было уделено проблеме формирования нацистской идеологии. Скрупулезно проанализировав развитие Германии в начале XX века, А. С. Бланк пришел к выводу, что германские правящие круги стремились к поискам «такой системы взглядов, концепций и идей, которая в сложившихся условиях могла бы наиболее эффективно противостоять марксизму, обеспечить осуществление политических и экономических целей монополистической буржуазии»⁵.

Нацистская идеология, несмотря на свою архиреакционность, эклектичность и т. п., смогла проникнуть в умы миллионов немцев и завладела их сознанием на многие годы. Причины этого весьма сложны и не до конца выяснены и сегодня. А. С. Бланк был одним из первых, кто пытался в своих работах дать объяснение этому феноменальному явлению. Он указывал на относительную самостоятельность нацистской идеологии, на

то, что выражая интересы и преследуя цели реакционных кругов, она одновременно предназначалась для внедрения в сознание других социальных сил, в том числе рабочих, крестьян, интеллигенции и, «таким образом, должна была предстать в качестве общенациональной...»⁶.

А. С. Бланк был одним из немногих отечественных исследователей, кто начал развивать перспективное (и весьма сложное) направление: анализ социально-психологических аспектов истории нацизма. Очень актуально звучат в сегодняшней России мысли А. С. Бланка о необходимости ранней диагностики таких опасных социальных явлений, как накопление «потенциала» страха и ненависти, жестокости и беспринципности, коррупции и приспособленчества, тревоги и неуверенности, которые зажигают «зеленый свет» для «спасителей нации», обещающих избавить ее от социальных болезней путем установления власти «сильной личности», наведения «порядка» и «укрепления» нравов⁷.

Другим важным направлением в научном творчестве А. С. Бланка было исследование истории борьбы антифашистов Германии против гитлеровского режима. Имена многих немецких патриотов стали известны советскому читателю во многом благодаря его книгам и статьям⁸. И, хотя работы А. С. Бланка несли тот же груз недостатков, что и вся советская историография того времени, — явное преувеличение роли и заслуг КПГ при преуменьшении роли других антифашистских сил, — но они во многом сохраняют свое научное значение и сегодня, благодаря использованному автором громадному фактическому и архивному материалу.

Сам активный участник войны, А. С. Бланк хорошо понимал необходимость антифашистской работы среди молодежи, и в первую очередь на молодежную аудиторию были рассчитаны его статьи и книги о неонацизме⁹. Причем, важной особенностью этих работ является то, что А. С. Бланк показывает исторические корни неонацизма, связь фашизма старого и нового.

Несомненной заслугой А.С. Бланка была попытка дать новую дефиницию фашизма. Для этого в 1982 году нужна была немалая смелость, поскольку незыблемыми казались постулаты VII конгресса Коминтерна. Ученый полемизирует с известным определением фашизма и делает вывод, что «фашизм не только кровавая и террористическая диктатура наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии, но одновременно и уникальная по характеру система создания противоречащих интересам народа ложных «национальных единств» в масштабах большей части нации, политический и военный инструмент внешнеполитической экспансии путем прямой агрессии», что фашизм — это и специфическая система «создания социально-психологических настроений, основывающихся на негативной, деструктивной базе...»¹⁰.

Немало критических стрел было выпущено А. С. Бланком в адрес «реакционной буржуазной историографии фашизма»¹¹. Это было целое направление в тогдашней марксистской исторической науке, но

А. С. Бланк не был никогда ортодоксом и его работы не являют пример голого критиканства, чем грешили многие авторы. Подвергая критическому анализу исследования правых или даже неонацистских историков, А. С. Бланк всегда стремился противопоставить им свое толкование той или иной страницы истории национал-социализма.

А. С. Бланк явился основателем вологодской школы германистики, под его руководством было подготовлено более 20 кандидатских диссертаций. Главная роль принадлежала А. С. Бланку и в деле создания проблемного объединения по германской истории — научного центра, действовавшего в Вологде с 1971 г. Работа этого объединения оставила заметный след в развитии отечественной германистики: несколько масштабных республиканских (фактически всесоюзных) конференций, десятков крупных разноплановых сборников статей, несколько учебных пособий.

А. С. Бланк обладал ярким талантом публициста, прекрасным литературным стилем, его научные работы читаются как романы. Наверное, это — не последняя причина того, что книги ученого, издаваемые 50–100-тысячными тиражами, раскупались практически мгновенно. Можно только представить как заблестал бы исследовательский и публицистический талант профессора А. С. Бланка в наше время, когда появились невиданные ранее возможности для создания новых, объективных, свободных от догм и стереотипов, исследований по германской истории.

Примечания.

¹ Галактионов Ю. В., Корнева Л. П., Черкасов Н. С. Марксистская историография германского фашизма. — Кемерово, 1988. — С. 71-73.

² Бланк А. С. Германский фашизм и западногерманский неонацизм. (Материалы к спецкурсу). Ч. 1-2. — Вологда, 1971, 1973.

³ Ч. III. Идеология германского фашизма. — Вологда, 1974.

⁴ Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. — М.: Мысль, 1978.

⁵ Там же, С. 94.

⁶ Там же, С. 95.

⁷ Бланк А. С. К вопросу о психологическом аспекте генезиса германского фашизма / Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. VI. — Вологда, 1978. — С. 98.

⁸ Бланк А. С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры. — М.: Мысль, 1964; Бланк А. С., Левель Б. Наша цель — свободная Германия. — М.: Мысль, 1969; и др.

⁹ Бланк А. С. Неонацизм — реваншизм. Мифы «психологической войны». — М.: Мысль, 1985; и др.

¹⁰ Бланк А. С. Старый и новый фашизм. — М.: Политиздат, 1982. — С. 16.

¹¹ Бланк А. С. Адвокаты фашизма (легенды и мифы буржуазной историографии о германском фашизме). — М.: Междунар. отнош., 1974; и др.

АНТИФАШИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА КПГ В ГОДЫ ГИТЛЕРОВСКОЙ ДИКТАТУРЫ И РЕАЛИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НАЦИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Проблемы антифашистской борьбы и формирования антифашистской альтернативы германских коммунистов в годы гитлеровской диктатуры занимали важнейшее место в научном творчестве А. С. Бланка¹. Как явствует из его работ и трудов других авторов, компартия Германии уже во второй половине 30-х гг. стремилась преодолеть многие догматические представления и установки о прямом «скачке к власти» и накануне второй мировой войны (на Бернской конференции 1939 г.) выдвинула идею создания Демократической Германской Республики, в которой смогут быть реализованы антифашистские, демократические преобразования, открывавшие путь для продвижения к социализму. В годы войны вопросы послевоенного устройства Германии были в центре внимания созданного в СССР Национального комитета «Свободная Германия», в котором определяющую роль играли коммунисты. В документах этой организации намечалось создание национально-демократического правительства, задачей которого должно было стать осуществление радикальных демократических мер в политической и социальной областях. Послевоенная Германия мыслилась как «новая демократическая республика» с ярко выраженной антифашистской направленностью². На заключительном этапе войны (в октябре 1944 г.) КПГ, выступая за создание «блока борющейся демократии», выдвигала требования ликвидации фашистской системы и установления сильной народной демократической республики. Для этого предлагалось провести коренную антифашистскую чистку государственного аппарата, экспроприировать собственность военных преступников и подвергнуть их строгому наказанию, уничтожить все остатки фашизма. Коммунисты предлагали осуществить глубокие экономические и социальные преобразования, построить общество на широких демократических началах, воспитывать немецкий народ в духе демократии³.

Политическая платформа КПГ сразу после военного крушения нацизма была представлена в воззвании от 11 июня 1945 г. В нем подчеркивалась необходимость демократического обновления страны, формирования антифашистского, демократического строя, парламентско-демократической республики, в которой народ пользовался бы всеми правами и свободами. Все это должно было открыть перед немецким народом путь к социализму⁴.

Однако реализация антифашистско-демократических целей коммунистов и других левых организаций в поверженной Германии оказалась затрудненной прежде всего потому, что в силу слабости антифашистских сил немецкого народа дело сокрушения нацизма, как и задачи его преодоления, легли на плечи прежде всего крупнейших государств антигитлеров-

ской коалиции — США, СССР, Великобритании, а в последующем и Франции.

Основы антифашистских преобразований были заложены на Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г. Они предусматривали полное разоружение и демократизацию Германии, т. е. ликвидацию всякого военного производства, запрещение любых военных или полувоенных организаций, в том числе генерального штаба; денацификацию и демократизацию всей политической, общественной и хозяйственной жизни, т. е. запрет нацистской партии и подчиненных ей массовых организаций, отмену фашистских законов, устранение активных гитлеровцев со всех административных и общественных постов, поощрение демократических партий и профсоюзов, перестройку на демократических основах местного самоуправления, судопроизводства, народного просвещения, агитации и пропаганды. Предполагалось также уничтожить чрезмерную концентрацию в экономической сфере, связанную с господством крупных монополий. Союзники, таким образом, преследовали цель уничтожить германский милитаризм и нацизм и создать гарантию того, что Германия никогда не сможет нарушить мир. При этом, однако, подчеркивалось, что союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство германский народ, что ему будет дана возможность осуществить реконструкцию на демократической основе и со временем занять место среди свободных и мирных народов. Главным механизмом для осуществления этих преобразований стали военные администрации трех западных оккупационных держав — США, Великобритании и Франции.

Реализация планов антифашистской реконструкции Германии началась в крайне сложной обстановке. Города лежали в руинах. Промышленность, транспорт, связь бездействовали, в полном расстройстве находилась денежная система. Все это дополнялось миграцией миллионов масс населения. Но самым значительным, что отличало послефашистскую Германию, был глубочайший психологический шок, морально-политический хаос, охватившие большинство немецкой нации. Среди немцев было немало и тех, в сознании которых нацизм пустил глубокие корни. Преодолеть все это, освободить сознание немецкого народа от нацизма представляло собой наиболее сложную задачу.

Оккупационные власти взяли под свой контроль все сферы жизни. Первоначально гасилась любая общественно-политическая инициатива. Разрешение на деятельность получали лишь демократические политические организации и профсоюзы, но вначале лишь на местном уровне или в пределах отдельных оккупационных зон. В течение первых послевоенных лет возродили или начали свою деятельность КПГ, СДПГ, ХДС, ХСС, СВАП и др., шло возрождение профсоюзного движения. Пользуясь возрастающей поддержкой антифашистско-демократических сил, оккупационные власти осуществили важнейшие преобразования, предусмотренные Потсдамскими соглашениями, ликвидировали военно-

промышленный комплекс, добившись экспроприации собственности некоторых преступных монополий. Развернувшаяся денацификация, через которую прошли миллионы немцев, была призвана отделить пассивных приверженцев нацизма от нацистских и военных преступников. Большой резонанс имел Международный суд над главными военными преступниками в Нюрнберге (ноябрь 1945-октябрь 1946 гг.), который не только осудил их деятельность, но и объявил преступными организациями нацистскую партию, СС, СД, гестапо. Вслед за ним в 1947-1948 гг. были проведены судебные процессы над эсесовцами, нацистскими юристами, дипломатами, врачами концлагерей, руководителями ряда преступных фирм. В целом важнейшим результатом денацификации стала политическая и нравственная дискредитация нацизма, что открывало благоприятные возможности для преобразования сознания большинства немцев в антифашистском демократическом духе. В Западной Германии складывался такой политический и моральный климат, который исключал не только деятельность фашистских организаций, но даже открытую пропаганду фашистских идей.

Разрушение тоталитарных структур и денацификацию западные державы сочетали с мерами по хозяйственному подъему. С лета 1947 г. был взят курс на содействие свободной рыночной экономике. Большую роль в этом отношении стал играть Экономический совет. Мощный толчок подъему хозяйственной активности дала денежная реформа 1948 г. Экономическому подъему содействовало и включение Западной Германии в «план Маршалла». Сокращались репарационные платежи, снимались хозяйственные ограничения. Все это вело к оздоровлению экономики, росту благосостояния населения и снижению социального недовольства.

Преодоление нацистского прошлого на либерально-демократической основе все более отдаляло Западную Германию от Восточной, где под советским руководством антифашистские преобразования начинали приобретать тоталитарно-социалистические черты. Углублялся раскол страны. В мае 1949 г. вступила в действие демократическая конституция, провозгласившая широкие демократические свободы и гражданские права, 26-я статья объявляла антиконституционными любые действия, способные «нарушить мирное сосуществование народов или направленные на подготовку к войне». После того, как 14 августа 1949 г. прошли выборы в бундестаг и были избраны глава государства и правительство, 21 сентября была провозглашена Федеративная Республика Германия. В тот же день вступил в силу Оккупационный статут, главная цель которого заключалась в недопущении возрождения милитаризма и нацизма.

Таким образом, в течение первых послевоенных лет в основном была реализована потсдамская программа антифашистских демократических преобразований и были заложены политические, социальные и нравственные основы демократического возрождения немецкого народа. Одна-

ко в те годы данные процессы еще не приобрели заверченный характер. Еще давали о себе знать определенные реваншистские и неонацистские явления. И все же доминирующей тенденцией было дальнейшее преодоление фашистского прошлого. Ориентируясь на западные демократии, ФРГ под руководством К. Аденауэра сумела уже в 50-е гг. стать частью западного сообщения государств, в том числе и НАТО, что давало гарантии контролируемого развития западногерманского военного потенциала. Примирение с социалистическим Востоком, происшедшее в начале 70-х гг. под руководством В. Брандта, фактически завершило многолетний процесс антифашистско-демократической реконструкции западногерманского общества.

Примечания:

¹ См.: Бланк А. С. Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры. — М., 1964; Бланк А. С., Левель Б. Наша цель — свободная Германия. — М., 1969 и др. работы.

² Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939-1945. — М.: Наука, 1990. — С. 89-90.

³ Там же. С. 90-91.

⁴ Борозняк А. И. Коммунистическое и рабочее движение Западной Германии после второй мировой войны. — Воронеж, 1988. — С. 5-7.

ПЕТЕЛИН Б. В. (Вологда)

**ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ДИСКУССИЯХ ИСТОРИКОВ 80-90-х гг. :
РЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВОПРОСЫ**

Причины и характер второй мировой войны всегда были предметом острых дискуссий среди историков и политологов. То, что во второй половине 80-х гг. эти проблемы оказались вновь в центре внимания, является вполне закономерным. Страны Восточной Европы и СССР уже вступили в полосу кризиса, за которым последовал крах системы реального социализма. Поэтому нельзя не видеть стремления некоторых историков возложить на уходящую систему ответственность не только за послевоенную политику «холодной войны», но и за предвоенный кризис. Естественно, что «виновником» в данном случае выступает Советский Союз, внешняя политика которого, как и само его существование, стали якобы основным «дестабилизирующим фактором» в 30-е гг.

Начало дискуссии связано с известным «спором историков» в ФРГ. В июне 1986 г. во «Франкфуртер альгемайне цайтунг» была опубликована статья Э. Нольте «Прошлое, которое не хочет уходить», в которой, если отбросить некоторые оговорки, «уравнивались» преступления гитлеровского режима и Советской власти, а фашистский террор ставился в

прямую зависимость от существования социализма. Почти в том же ключе выступили со своими публикациями А. Хильгубер, Й. Фест, Й. Хоффман. Последний представил Сталина «поджигателем второй мировой войны на Западе и Востоке», а Гитлера — политиком, который должен был вести против Советского Союза «превентивную войну». Нет необходимости говорить о том, что идея «превентивного удара» принадлежит Гитлеру и Геббельсу и высказана ими с целью оправдания фашистской агрессии. Все последующие подобные утверждения развенчивались у нас и на Западе, в том числе и в ФРГ. Не стало это исключением и на этот раз. Можно назвать статью немецкой исследовательницы У. Херстер-Филиппс, опубликованную в переводе в журнале «Новая и новейшая история» (1988, №3), а также статью отечественного историка Н. С. Черкасова (НИИ, 1990, №1). Авторы убедительно показали идеологическую и политическую направленность «спора историков», затеянного с целью «уменьшить» вину третьего рейха за развязывание войны.

Все же отметим, что отечественный читатель в какой-то степени оказался введенным в заблуждение книгами В. Суворова, разрекламированными некоторыми изданиями (см.: «Независимая газета», 20, 10, 1993) как «новое слово» в истории второй мировой войны. Журнал «Шпигель» еще в 1989 г. отмечал, что книги Суворова строятся на весьма вольной интерпретации, а не на документальном материале. По существу В. Суворов фальсифицирует причины второй мировой войны и ее характер. В четвертом томе десятичного издания «Германский рейх и вторая мировая война», посвященного нападению Германии на СССР, идея «превентивного удара» со стороны Гитлера отброшена как полностью несостоятельная. Здесь же авторы тома решительно отмечают излагаемые Суворовым версии, указывая, что инспирированная им дискуссия ничего не дала исторической науке.

В отечественной историографии дискуссии вокруг характера войны и причин ее возникновения развернулись в связи с публикацией М. Семиряги (НИИ, 1988, №4). Известный историк, анализируя эволюцию оценок, справедливо отмечал, что они были подчинены конъюнктурным соображениям и зависели от взаимоотношений между СССР и странами Запада. Автор сосредоточил свое внимание на анализе позиции Великобритании и Франции в начале войны, доказывая, что с их стороны война уже тогда носила «антифашистский» и «справедливый» характер. Со своей точкой зрения выступили А. Орлов, В. Смирнов, В. Соловьев, С. Тюшкевич, другие отечественные историки. Не вдаваясь в существо разногласий между историками, отметим, что причины и политический характер войны следует анализировать с учетом позиций всех стран, в том числе и СССР. Авторы едины в том, что причины войны порождены системой империализма, межимпериалистическими противоречиями. При этом война рассматривалась и как столкновение сил капитализма с социализмом. По существу авторы, независимо от имевших место разли-

чий в подходах и оценках, придерживаются формационного метода, который позволяет выявить и прояснить политику и позиции классов и партий в предвоенный и военный периоды. При этом германский фашизм отождествлялся с системой империализма, что как раз и затрудняло понимание политики других воюющих стран.

Формационный метод позволил разрешить многие проблемы, но трактовка причин и характера войны только как столкновение «империализма и социализма», или выводить их из «межимпериалистических противоречий», оказывается на сегодня узкой. Войны порождаются не столько формационными противоречиями, сколько столкновениями между цивилизациями. Для войны, имевших место в древности, это очевидно. Но это в полной мере следует отнести и ко второй мировой войне. Нет необходимости говорить о том, что европейские страны в начале XX века стояли в начале современной цивилизации, развернувшейся в полную силу под воздействием НТР. СССР — страна реального социализма, был носителем тогда иного цивилизационного выбора (в этом достаточно убедиться, если взять и сравнить основные цивилизационные компоненты со странами Запада). Цивилизационный метод позволяет нам по-иному подойти и к оценкам германского фашизма. Гитлер замыслил и создавал третий рейх не как продолжение системы капитализма, а как новую, невиданную еще в истории, «цивилизацию», которая должна была просуществовать тысячу лет. Такой подход, как нам кажется, позволяет уяснить многие проблемы, связанные с историей второй мировой войны.

АРТЕМОВ В. А. (Воронеж)

КРИТИКА В ПЛЕНУ У ДОГМЫ

(Г. Брандлер о войне и послевоенной политике СССР)

Генрих Брандлер (1881-1967 гг.), известный немецкий левый социал-демократ, затем один из председателей ЦК КПГ, а впоследствии руководитель антисталинского и антительмановского течения, известного под названием КПГ(О), в эмиграции на Кубе и в Англии вплотную занимался проблемами выработки отношения к Великой Отечественной войне Советского Союза и позиции немецких оппозиционных коммунистов в отношении послевоенной политики СССР. В 1948-1950 гг. он написал специальную работу «Советский Союз и социалистическая революция», резко отличающуюся своими честными оценками от откровенно просоветской линии СЕПГ и КПГ¹. Этот интересный документ еще не получил своей должной оценки в отечественной историографии и не привлекался в качестве исторического источника. Основой книги послужили выступления Брандлера на собраниях сторонников КПГ(О) в разных городах Западной Германии. В «Предисловии» Брандлер подчеркнул, что его точка зрения по рассматриваемым вопросам полностью совпадает с точкой

зрения умершего в сентябре 1948 г. на Кубе Августа Тальгеймера, теоретика оппозиционного направления КПГ(О). Кроме того, Брандлер уточняет, что отношение к советской бюрократии, выраженное обоими авторами в 1937 г., отражало недооценку ими укоренения сталинской бюрократии в массах советских трудящихся. «Позитивная роль, которую сталинская бюрократия сыграла в годы войны, хотя и есть выражение отсталых варварских традиций России, но именно поэтому явилась подходящей формой решения военных задач». Так как в брошюре Брандлера рассматривается довольно широкий круг проблем, мы позволим себе лишь конспективно сосредоточиться на указанных в теме нашего сообщения вопросах. Брандлер считал, что:

1. Причина поражения Красной Армии на начальном этапе войны лежит в обезглавливании ее командного состава. Маршалы Ворошилов и Буденный не соответствовали требованиям современной войны. Кроме того, сам предлог обеспечения безопасности Ленинграда и угрозы финского нападения был смехотворен, ничуть не лучше заявлений Гитлера о возможности польского нападения. Назначение Куусинена наместником Финляндии было большой глупостью, так как «Куусинен пресмыкался и пресмыкается перед сталинской бюрократией, а финские трудящиеся не рабобенствуют перед Куусиненом».

2. Просчеты были допущены уже в ходе советско-финской войны, когда пытались взять линию Маннергейма лобовой танковой атакой. Советское руководство ничему не научилось на примере линии Мажино.

3. Уже сегодня можно смело считать, что расположение Советской Армии в начале войны опровергает мнение о том, что «гениальный Сталин» хотел повторить стратегию Кутузова. Сталин явно неверно оценил свои силы и силы противника.

4. Военно-политически важным фактом является то, что лишь после предоставления офицерам свободы действий от полицейской и бюрократической опеки были достигнуты первые победы под Москвой и на Дону. Весь способ ведения войны больше состоял из удачных импровизаций, чем из проведения в жизнь четкого стратегического плана. «Сталинский ясный, но узкий разум охватывал детали, но не общее положение дел».

5. Сталин по крайней мере со времени заключения советско-французского соглашения 1934 г. отказался от идеи революционной войны и пытался заключить союз с западными империалистами против немецких империалистов. Можно считать удачными дипломатические маневры по разрушению единого империалистического фронта против СССР, так как несмотря на Мюнхен, СССР в течение полутора лет жил в условиях мира, а Гитлер не избежал войны на два фронта.

6. Свидетельством отказа от идеи ведения будущей войны по-революционному является изменение воинской присяги — вместо борьбы за братство всех народов в ней с 1939 г. говорилось о защите отечества и правительства. Так осуществлялась подготовка не к революционной, а

отечественной войне. Это подтверждается также обращением к духу царских полководцев, крайних реакционеров. Поэтому империалистическая и социал-демократическая пропаганда отождествляет советский патриотизм и советский национализм капиталистическому патриотизму и национализму. Этому же служит пропаганда идеи мирового рынка, мирового хозяйства и мирового правительства. Все это ведет к попыткам уравнять пролетарский и буржуазный интернационализм.

7. Послушные Сталину коммунисты выдвигают тезис «о защите национального суверенитета», но игнорируют его там, где власть находится в их руках и полностью следуют установкам сталинской пропаганды. Все это противоречит подлинному принципу пролетарского интернационализма. Ограниченность интернационализма у советских трудящихся объясняется их опытом строительства социализма в изолированной стране. «Однако, несмотря на национальную ограниченность советский патриотизм есть защита социализма. Защита собственной нации в несоциалистических государствах есть защита капитализма и империализма... В мировой борьбе между СССР и США союзники СССР защищают не Советский Союз, а социализм. Союзники США защищают не свою национальную независимость, а господство американского империализма над их собственной нацией». Таковы основы советской национальной ограниченной пропаганды, отметающей прочь интернациональные задачи и приводящей к тяжелым контрреволюционным последствиям. Примером нарушения коммунистических принципов самоопределения является аннексия Восточной Пруссии и союз с империалистами и после окончания войны.

8. Великорусский патриотизм и опора на царских национальных героев вызвали подъем патриотизма у отдельных народов СССР — у татар, башкир, казахов, что было осуждено официальной идеологией как национализм.

9. Война с Японией рассматривалась Сталиным как патриотическая война реванша. Он не думал о последствиях аннексии Пруссии и о подъеме национальных чувств изгнанных оттуда людей. В Советском Союзе люди утратили чувство интернационализма и потеряли интерес к идее мировой революции, — к такому выводу пришел Г. Брандлер. Война изменила отношение части солдат и офицеров к советской действительности. «Здесь я представляю собой что-то, дома я снова буду ничем», — говорили они.

10. Деятельность Национального комитета «Свободная Германия» находила мало отклика в действующей немецкой армии и была малоэффективной. Рабочие не симпатизировали казненным участникам покушения на Гитлера в 1944 г. не потому, что считали их предателями или были заинтересованы в Гитлере, а потому, что ненавидели всю банду офицеров, развязавших войну.

11. После краха фашистского режима возможно было существование лишь социалистической Германии, так как вместе с нацизмом исчезли возможности существования буржуазного немецкого государства. Весь смысл западной оккупации состоял в создании препятствий этому. Советский Союз пошел на компромисс с Западом и после войны. Его ресурсы были исчерпаны, он хотел мира любой ценой и поэтому проводил политику лавирования, трюков и самообмана. Он не хотел революционной войны, отсюда вытекало требование безоговорочной капитуляции Германии, а не начала революционной войны. «Революция с перспективой потери независимости страны — это невозможная вещь. Ее не поддержат ни массы трудящихся, ни солдаты. Методы использования пленных офицеров и генералов Советским Союзом были также препятствием в революционизировании Германии. Революционный солдат не может сражаться со своим боевым офицером в союзе с перебежавшими к врагу офицерами. Гестаповский и эсэсовский террор мог бы быть преодолен, если бы у процесса революционизирования масс не были обрезаны корни требованием безоговорочного подчинения. Если СССР в качестве государства не мог избежать подобных компромиссов, то КПСС была обязана указать Коммунистической партии Германии на ее революционные задачи и поддержать ее. Советский Союз мог бы воспрепятствовать разделу Германии на четыре зоны, отказавшись в участии в оккупации в пользу единой оккупации лишь капиталистическими государствами».

Изучение работы Г. Брандлера свидетельствует о том, что наряду со справедливой критикой внешнеполитической стратегии и тактики сталинского руководства, которая разительно отличалась от безоговорочного и послушного ее одобрения коммунистическими партиями-сателлитами на Западе, Генрих Брандлер сам не мог освободиться от плена представлений о мировой коммунистической революции. Его рассуждения — это рассуждения честного, но догматически мыслящего коммуниста, считавшего, что для выправления ошибочной линии КПСС и советского государства достаточно освободиться от «клики Сталина» и засилия сталинской бюрократии как внутри страны, так и в руководстве зарубежных компартий. Тем не менее взгляды Брандлера, знавшего положение в СССР не понаслышке, а изнутри, важное свидетельство попыток прорыва мощного потока дезинформации и фальсификации истории нашей страны, предпринятые в годы ее замалчивания и ставшие достоянием определенного круга немецких рабочих.

Примечание.

¹Brandler H. Die Sowjetunion und die sozialistische Revolution. Hrsq. u. einqel. v. der Gruppe Arbeiterpollitik. 1982. 133 S.

АМЕРИКАНСКИЕ И СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ О ЛИЧНОСТИ ГИТЛЕРА
(опыт сравнительного анализа)

Сравнительный анализ американских и советских исследований о личности Гитлера периода второй мировой войны закономерен: во-первых, СССР и США в годы войны были союзниками по антигитлеровской коалиции; во-вторых, в период второй мировой войны СССР и США — это два крупных центра, где было наиболее активное изучение фашизма, и личности Гитлера в частности.

В основе советской концепции фашизма лежало коминтерновское определение 1933 года, в соответствии с которым фашизм рассматривался как порождение монополистического капитала, направленное против революционного рабочего движения.

В рамках этой концепции Гитлер считался ничтожеством, которое привели к власти немецкие монополисты и рейхсвер. Утверждалось, что Гитлер — порожден или продукт социально-экономических условий немецкого развития. На Западе эту концепцию называли «теорией агента», в соответствии с которой Гитлер будто бы был всего лишь игрушкой в руках монополий. При этом советские исследователи мало писали о политической, культурно-психологической атмосфере, сложившейся в Германии после первой мировой войны и способствовавшей приходу Гитлера к власти. Сам же Гитлер давался в карикатурном изображении.

В годы Великой Отечественной войны советским историкам и публицистам необходимо было показать лицо врага, поэтому большинство работ военного времени носили агитационно-пропагандистский характер.

Первые статьи о Гитлере появились в газетах в первых числах июля 1941 года. В этих статьях Гитлера называли «бездарным живописцем», «босяком», «тирольским прощельгой». О содержании этих работ можно судить даже по названиям: «Гитлер, Геббельс, Гиммлер — людоеды XX века (И. Звавич), «Гитлер кровавый» (Н. Леонидов), «Коричневый хищник» (В. Васильевская), «Лицо врага» (В. Данилевский).

Однако, основу этих работ о Гитлере составляет фактологический материал.

Наиболее серьезными и обстоятельными работами того времени о Гитлере стали книги: И. Лежнева «Правда о Гитлере», в которой фюрер выступает агентом рейхсвера, причина победы Гитлера объясняется экономическим кризисом и политической конъюнктурой; М. Розенталь «Лицо и маска фашизма», отличающаяся обильным цитированием «Майн Кампер».

Далеко не все из советских работ о Гитлере военного времени сохраняют свое научное значение сегодня. Но неверна оценка этих работ только как публицистических. Некоторые из них носили исследователь-

ский характер. В работах была дана оценка личности Гитлера, его политики и идеологии. Однако марксистско-ленинская методологическая основа советских исследований приводила к упрощенной трактовке самой личности Гитлера и причин прихода его к власти. Американская историография, наоборот, отличается многообразием методологических подходов.

В годы войны в США историки продолжали разработку теории тоталитаризма. В своих работах они теоретически, на основе конкретно-исторического материала, доказали, что Гитлер — тоталитарный диктатор.

В 1942 году была издана книга Франца Нейманна «Бегемот. Структура и практика национал-социализма». В основе анализа личности Гитлера автором использована теория «Харизматического господства» М. Вебера. Ф. Нейманн считает, что Гитлер обладал суперчеловеческими качествами, которые исходят от лидера и распространяются на государство, партию, народ. В основе харизматического принципа, пишет Нейманн, лежит идея мессианства: фюрер — мессия, борющийся с мировым злом. Одним из условий влияния на массы фюрера является, по мнению автора, безграничная, иррациональная вера миллионов в своего лидера. В свою очередь, эта вера объясняется страхом, беспомощностью или суеверием среднего человека.

Автором не был показан сам механизм прихода к власти харизматического лидера. Одних сверхчеловеческих качеств для этого мало, необходимы определенные социальные группы, которые вывели бы будущего фюрера на политическую арену, создавали бы ему ауру мессии, помогли бы в финансовом отношении занять вершину власти.

В 40-е годы была написана книга немецкого историка — эмигранта Зигмунда Нейманна «Перманентная революция». Автор дает такую характеристику Гитлеру как диктатору — это демагогический лидер от народа и абсолютный мастер государственной машины. Он чужд для своего народа национально, социально, психологически.

Параллельно с теорией тоталитаризма существовало конкретно-историческое направление. Наиболее интересная работа этого направления — книга Карла Лоуэстейна «Гитлеровская Германия. Подготовка нацистов к войне» (1944). Давая оценку Гитлеру как личности, автор подчеркивает, что главное для фюрера было получить мировую власть, больше ничего его не интересовало. Можно сказать, что как личность Гитлер не интересен, он не отличался какими-либо выдающимися способностями. Но как политик Гитлер обладал определенными талантами: умение использовать обстановку, видение перспективы, настойчивость — это подчеркивает исследователь.

В 1941 году была издана книга Эриха Фромма «Бегство от свободы», положившая начало психоаналитическому направлению в изучении Гитлера. Психоанализ позволил обратиться к Гитлеру как личности. Этот метод раскрыл внутренний мир диктатора, мотивацию

поведения и поступков. Психоанализ противостоял демонизации фюрера «третьего рейха».

Основное отличие советской историографии от американской было в том, что для советских историков Гитлер был порождением определенных социально-экономических условий. Американские историки недостаточно обращали внимания на социально-экономическую проблематику. В целом, американские и советские исследования о личности Гитлера взаимодополняют друг друга, что позволяет исследовать эту личность в различных аспектах.

Несмотря на все различия, советские и американские исследователи едины в морально-правственной оценке Гитлера. Для всех он тиран, принесший горе миллионам людей. В рамках деятельности антигитлеровской коалиции было и изучение, и осуждение нацизма, Гитлера.

ХОДНЕВ А. С. (Ярославль)

**ЛИГА НАЦИЙ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
«НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ»
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ?**

С началом второй мировой войны были почти незаметны изменения во Дворце Наций в Женеве. Все органы Лиги Наций (ЛН) продолжали работать в обычном ритме. Чиновники международной службы готовили доклады и документы к очередным заседаниям и конференциям. Заносились в реестр выполнения и рассылки решения 105-й сессии Совета Лиги, в которой участвовали представители 15 стран, и председателем был советский дипломат И. М. Майский.

Однако события 1939 г. в Европе сказались на деятельности Лиги Наций. О кризисе международной организации свидетельствовал прежде всего факт сокращения политической активности: не созывались конференции, не принимались решения. В связи с началом второй мировой войны резко уменьшилось количество и перечень докладов, представлявшихся в Секретариат правительствами стран-членов Лиги. Сказывалось введение военной цензуры. Правда, в период отсутствия военных действий на западе Европы, который получил название «страшной войны», возможности для работы Лиги сохранялись: нормально работала телефонная и телеграфная связь, а также транспорт и почта. Несмотря на военное положение, некоторая часть статистики, например, по экономическим вопросам продолжала поступать в Секретариат. Были подготовлены к изданию документы для запланированной на 1940 г. Европейской конференции по вопросам жизни в сельской местности и большое количество изданий по экономике и здравоохранению¹.

В сентябре 1939, впервые с начала войны, в Лигу Наций обратилось правительство Румынии по вопросу, вызванному началом военных действий против Польши, и интернировании румынскими властями около 40000 польских солдат в районе дельты Дуная.

Пожалуй, самым главным вопросом, который обсуждался осенью 1939 года в коридорах служб Лиги Наций, было предстоящее сокращение аппарата. Начало войны существенно уменьшило отчисления стран-участниц в бюджет Лиги. Финансовое положение организации оказалось очень трудным.

Лига Наций в первые месяцы войны не выполнила своей политической роли и не обсудила на Ассамблее или Совете положение в мире. Отчасти это было связано с прежним политическим багажом, завоеванным этой организацией. Страны-участницы давно уже не вспоминали о международной организации как гаранте сохранения мира и стабильности. Все страны, включая демократические, которые создавали Лигу, предпочитали заботиться о своей судьбе в одиночку, не обременяя себя союзами и обращением за помощью в международную организацию. Эта разобщенность и повальный изоляционизм усиливали кризис международной организации.

Последним крупным вопросом политического характера, который был поставлен перед Лигой Наций, стала проблема советско-финского конфликта 1939-1940 гг.

Однако активность международной организации, проявленная во время советско-финского конфликта, выглядела запоздалой. Возникает вопрос, писал американский историк Д. Баррос, могла ли обстановка сложиться иначе, если бы Англия и Франция ранее решительно выступили бы против Германии и поддержали бы *status quo* в Европе? Накануне и в начале второй мировой войны по существу никто из заинтересованных правительств не вспомнил о Лиге Наций и соблюдении ее Статута. Даже жертва агрессии Польша не обратилась в Лигу за помощью. Поэтому решительная акция Лиги Наций по отношению к Советскому Союзу, — его исключение из организации, — выглядела странной. Современникам тех событий было ясно, что советско-финская война — не изолированный конфликт, а часть мировой войны. Ассамблея Лиги Наций проводила свои заседания всего лишь в 200 километрах от Рейна, где стояли друг против друга в состоянии хотя и «странной», но все же войны французская и немецкая армии. И Лига не приняла никаких решений, осуждавших большую войну в Европе.

Через месяц после окончания советско-финской войны Германия начала активные военные действия в Западной Европе. Берлин готовился к войне и по дипломатическим каналам. И иногда подготовка была направлена на использование механизма Лиги Наций. 30 декабря 1939 г. была передана в прессу нота германского правительства предствителям нейтральных стран в Мандатной комиссии Лиги Наций. Берлин протесто-

вал против того, что Англия и Франция использовали свои подмандатные территории в военных целях. В ноте перечислялись мандаты на Палестину, Британский Камерун, Танганьики, Британское Того, Науру, Сирию, Французский Камерун, Французское Того. Немцы напоминали о статьях мандатов, запрещавших вовлекать эти страны в военные действия метрополий.

Положение, сложившееся в Лиге летом 1940 г. в результате действий генерального секретаря Ж. Авеноля, превратило ее в тень настоящей международной организации. Ж. Авеноль совершенно забыл все статьи Статута Лиги о поддержании целей международного сотрудничества и борьбе против войны. Он встал фактически на сторону политических сил, развязавших войну в Европе и мире.

Почти два месяца продолжалась борьба за смену генерального секретаря Лиги. 31 августа 1940 Ж. Авеноль ушел в отставку. С. Лестер принял обязанности генерального секретаря Лиги Наций и исполнял их до роспуска международной организации в апреле 1946. С. Лестер приступил к работе с большими надеждами. «Лига Наций, — писал он, — не участвовала в войне, и Секретариат вместе с генеральным секретарем должен был оставаться в Женеве для помощи государствам-членам Лиги. Наша работа заключалась в том, чтобы поддерживать организацию в жизнеспособном состоянии и ждать исхода событий», — так определил С. Лестер цель своей работы во главе Лиги в годы войны². Р. Фосдик добавил к этой формулировке стремление Лестера «не только сохранить Секретариат и технические органы, но и саму память о Лиге как международной организации»³.

К началу 1941 г. в Принстоне (США) собралась работоспособная группа квалифицированных экономистов-экспертов АН, развернувшая активную работу. Главной их целью была подготовка прогнозов экономического положения в мире после войны. Для правительства многих стран, экономика которых была разрушена, весьма полезными оказались доклады Принстонской группы об экономической стабильности в послевоенном мире, торговле между странами со свободной рыночной экономикой, контролируемой государством, об условиях расширения частных капиталовложений⁴.

У современников событий страшной, разрушительной для Европы, второй мировой войны всегда при воспоминании о Лиге возникали вопросы, могла ли первая международная организация предотвратить мировой конфликт и что для этого было необходимо? Тот же У. Черчилль говорил в 1944 г.: «Ненужная война... могла быть легко предотвращена, если бы страны-участницы использовали Лигу Наций более смело»⁵. Иначе говоря, политические деятели понимали, что слабости Лиги были лишь производными от политики европейских держав. Новая международная организация, которую начали создавать в годы войны, также носила на себе печать политики ее создателей.

И все же ООН приняла немалое наследство от Лиги Наций. Создатели Устава ООН практически воспроизвели структуру Статута Лиги, как и структуру главных органов, хотя и внесли изменения в их компетенции (за исключением Генеральной Ассамблеи ООН и Ассамблеи Лиги). Статут Лиги Наций, прежде всего его преамбула, нес на себе очевидные пацифистские черты, которые были развиты и расширены создателями Устава ООН. Интересно, что преамбулу Устава ООН написал Я. Х. Смэтс, один из «отцов — основателей» Лиги Наций, и это не могло не сказаться на преемственности идей двух международных организаций.

Еще более наглядные примеры преемственности можно обнаружить в структуре ООН. Некоторые учреждения Лиги вошли в состав ООН без изменений. Например, были сохранены Международная организация труда и Международный суд. План создания Экономического и Социального совета ООН, с которым связывали многие надежды на возрождение и развитие мирового хозяйства, родился в Лиге Наций еще накануне второй мировой войны. Аналогичные параллели можно найти в деятельности других органов Лиги Наций и ООН. И все-таки последняя была новой организацией, при создании которой попытались учесть недостатки Лиги. Иначе говоря, ООН возникла не на пустом месте, и Лигу Наций все же следует считать необходимым этапом в развитии международной организации в XX столетии, какие бы негативные оценки ее деятельности не высказывали ученые.

Примечания:

¹Ranshofen-Wertheimer E. F. The International Secretariat. A Great Experiment in International Administration. — Washington, 1945, p. 371.

²S. Lester to C. Gorski, June 25, 1958 // Barros J. Betrayal from Within. Joseph Avenol, Secretary-General of the League of Nations. New Haven, 1969. Appendix, p. 268.

³Fosdick R. B. The League of Nations and the United Nations after Fifty Years. The Six Secretary-Generals. Newton, 1972, p. 71.

⁴См.: League of Nations. 1945. II. A. 2. Economic Stability in the Postwar World. Geneva, 1945; League of Nations. 1943. II. A. 4. Trade Relations between Free Market and Controlled economies. Geneva, 1943; League of Nations. 1946. II. A. 1. Conditions of Private Foreign Investment. N. Y., 1946.

⁵Цит. по: Joyce J.A. Broken Star. The Story of the League of Nations (1919 — 1939). Swansea; Christopher Davies, 1978, p. 197.

**ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ В ПОЛЬШЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1938–1939 гг.)**

В 1938–1939 гг. внутриполитические отношения в Польше все в большей степени обуславливались неуклонно осложнявшейся международной ситуацией. Тем самым, наряду с задачей укрепления своего монопольного положения у власти, для лагеря «санации» во весь рост встала задача сохранения независимости страны. По мнению правящей элиты, решить внешнеполитическую задачу можно было лишь полностью, в духе пилсудчиковской идеологии, вытеснив политическую оппозицию. И наоборот, сохранить независимость страны позволит только не ослабляемое оппозицией сильное государство и сконсолидированное вокруг правящего лагеря общество. Таким образом, основные внутриполитическая и внешнеполитическая задачи «санации» в последние предвоенные годы были тесно связаны.

В переживавшем после смерти в 1935 г. Ю. Пилсудского кризис правящем лагере выкристаллизовалось в 1937 г. течение, объединенное в Лагере национального объединения (ОЗН), оттеснившее в конце 30-х годов иные течения «санации» от власти. ОЗН были выдвинуты лозунги консолидации польского общества и укрепления обороноспособности государства. Трактовка этих лозунгов правящей верхушкой предусматривала тотальное подчинение оппозиции. В этот период оппозиция была представлена прежде всего сохранившими немалое влияние в обществе партиями двух направлений: правонационалистическое представляло Стронництво народове (СН), а буржуазно-демократическое-либерально-буржуазное Стронництво працы (СП), крестьянское Стронництво людове (СЛ) и реформистская Польская социалистическая партия (ППС).

В своей политике «санация» учитывала растущую обеспокоенность внешнеполитической угрозой польского общества и политических партий. Обращает на себя внимание зависимость методов внутриполитической борьбы «санации» с оппозицией и международного положения Польши. Стремление сдерживать давление оппозиции, не допустить выдвижения ею на передний план внутриполитических проблем (прежде всего изменения антидемократического положения о выборах в сейм 1935 г.) выразилось в активизации правящей верхушкой внешней политики в 1938 г., в результате чего Польша в этот период действовала на международной арене фактически совместно с гитлеровской Германией.

Впервые фактор внешнеполитической угрозы был активно использован «санацией» при аншлусе Германией Австрии, параллельно которому правящая верхушка спровоцировала в середине марта 1938 г. конфликт с Литвой. Итоги нагнетания напряженности в польско-литовских отношениях позволили «санации» оценить значимость внешнеполитического

фактора для решения внутриполитических задач. Благодаря ему удалось нейтрализовать антисанационную борьбу оппозиции, поскольку СН, выступая с крайне националистических позиций, стремилось превзойти «санацию» в экстремизме требований, а буржуазно-демократическая оппозиция выдвинула лозунг укрепления обороноспособности страны, уже пропагандировавшийся ОЗН в собственной трактовке.

Сложное международное положение весны-лета 1938 г. не позволяло, по мнению руководства партий, жестко давить на «санацию» в борьбе за доступ к власти даже в период двух организационно-политических кризисов в ОЗН (в апреле и июне), окончательно расколовших правящий лагерь. При этом в СН усиливались позиции сторонников более гибкого отношения к «санации», к все более усиливавшейся в ней тоталитарной «генеральской» группе. Руководство буржуазно-демократических партий в своих контактах ориентировалось на более либеральную, но менее влиятельную в правящей группировке «замковую» группу.

Накануне Мюнхена, в середине сентября 1938 г. в целях демонстрации единства польского общества, укрепления своего авторитета, полного подчинения парламента и окончательного подрыва влияния оппозиции правящая верхушка распустила парламент. Тактика «санации» в предвыборной кампании коррелировалась с международной обстановкой. В период обострения кризиса вокруг Чехословакии во второй половине сентября 1938 г. наблюдалось стремление уговорить партии и общество в целом принять участие в выборах. Итоги Мюнхена, в том числе и занятие Польшей части Тешинской Силезии, отказ партий от участия в выборах обусловил смену тактики властей в октябре 1938 г.: агитация за активное участие в выборах дополнялась репрессиями в отношении противников выборов. Участие Польши в разделе Чехословакии способствовало подъему национализма в польском обществе, чему оппозиция, сама в разной мере испытывавшая его влияние, ничего противопоставить не смогла. Это позволило ОЗН развернуть мощную пропагандистскую кампанию под лозунгами национального объединения и укрепления обороноспособности государства, дополняя их заимствованными оппозиционными, в частности, национализма в духе СН.

В выборах в сейм в ноябре 1938 г. приняло участие 67,1% избирателей, что было достаточно высоким показателем по сравнению с предыдущими, также бойкотировавшимися оппозицией выборами 1935 г. Одной из важнейших причин неудачи нового бойкота было осознание польским обществом сложности международного положения, обеспокоенность за судьбу Польши. «Успех» на выборах и международная ситуация стимулировали усиление давления «санации» на оппозицию. В свою очередь руководство партий, ссылаясь на международную обстановку, все больше концентрировало свое внимание на внешнеполитических проблемах, сближаясь с правящей верхушкой на националистической основе (особенно СН) и свертывая антисанационную борьбу.

Начавшийся в марте 1939 г. предвоенный кризис в Европе значительно ухудшил внешнеполитические позиции Польши. Для политики «санации» в это время были характерны усилившиеся тоталитарные тенденции в стремлении консолидировать вокруг себя общество и подчинить оппозицию. Обеспокоенность оппозиции за судьбы Польши выразилась в выдвижении ряда инициатив, в частности по созданию правительства национального доверия, и участия в инициированных «санацией» оборонных займах, что несколько сблизило СН, СП, СА и ППС с правящей верхушкой на принципах последней. Летом 1939 г. деятельность оппозиции не носила антисанационного характера, партии сосредоточили свое внимание на укреплении обороноспособности страны, и их пропаганда в этом направлении почти не отличалась от санационной.

Таким образом, фактор германской угрозы сыграл значительную роль во внутриполитической борьбе в Польше в 1938-1939 гг. Он способствовал сохранению монополии «санации» на власть, а тем самым и продолжению санационного внешнеполитического курса, явившегося предпосылкой потери Польшей своей независимости. Действие вышеназванного фактора ослабило, а затем свело на нет антисанационную борьбу обеспокоенной судьбой страны оппозиции, оказавшейся неспособной представить альтернативную позитивную внешнеполитическую программу, перехватить политическую инициативу у «санации», повлиять на ее политический курс. Агрессия гитлеровской Германии против Польши в сентябре 1939 г. показала объективную неспособность как «санации», так и оппозиции (буржуазно-демократической и правонационалистической) отстоять независимость страны. Несомненно, это было одним из уроков второй мировой войны, касавшихся не только Польши.

АВЕРШИН В. И. (Пенза)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В ЕВРОПЕ. 1933-1937 гг.

Предыстория второй мировой и Великой Отечественной войн принадлежит к кругу проблем, интерес к которым не ослабевает с течением времени. В научный оборот вводятся новые документы, многие достоверные факты находят отражение в мемуарной литературе, фундаментальных работах историков. На этой основе устраняются допущенные в прошлом искажения и неточности, попытки замалчивания или конъюнктурного толкования отдельных фактов, событий, переосмысливаются и переоцениваются многие явления и события тех лет.

В советской историографии утвердилось мнение о том, что виновником возникновения второй мировой войны являются исключительно страны Запада: фашистская Германия, активно готовившая войну, Англия

и Франция при попустительстве США, уклонявшиеся от серьезных соглашений с СССР, провоцировавшие советско-германское столкновение.

Если же попытаться взглянуть на предвоенную ситуацию без предубеждений, с учетом уроков истории, то напрашивается вывод, что предотвращение войны не ставилось значительной частью влиятельных политиков того времени в качестве приоритетной задачи. Недопущение войны рассматривалось скорее как средство, а не цель как для СССР, так и для западных государств.

С точки зрения советского руководства наиболее опасной перспективой стало бы складывание ситуации, при которой агрессивные державы совершили бы нападение на СССР при нейтралитете или даже поддержке со стороны Англии, Франции, США. Избежать такой опасности можно было либо при условии создания эффективной системы коллективной безопасности, либо при военном столкновении между Германией и ее западными соседями при нейтралитете СССР.

Советское руководство считало оптимальным вариантом создание системы коллективной безопасности, исходя из того, что рост агрессивности фашизма создает опасность для всех миролюбивых государств. Вместе с тем этот выбор не был столь уж простым и бесконфликтным. Известно, что лишь в 1934 г. советское руководство впервые заговорило об интересах СССР вне связи с мировой революцией, причем этот поворот не был до конца определенным. Согласно линии «левых» в Коминтерне и ВКП(б), фашизм, поскольку он разгромил социал-демократию — главного «противника» коммунистов, не столь уж плох, а возрастающая опасность войны привела бы к ускорению наступления революций. Безусловно, такая линия питала и усиливала двойственность и непоследовательность политики западных держав, а вслед за ними малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

Несомненно, ни Англия, ни Франция, ни США не были заинтересованы в войне. Рост агрессивных устремлений Германии, Италии и Японии угрожал в первую очередь их интересам. Большую роль играло понимание того, что война грозит труднопредсказуемыми последствиями для международной стабильности. Высказывались опасения, что занятие твердой позиции в отношении растущих притязаний фашистской Германии обусловит крах установившегося в этой стране режима и приход к власти коммунистов. Советская Германия, входившая в состав СССР (в соответствии с установками Коминтерна), воспринималась правящими кругами стран Запада как большая угроза, чем фашизм. Правительства Англии, Франции и США предпочли конструктивному диалогу с СССР политику «кнута и пряника» в отношении агрессивных держав. С одной стороны, предполагались уступки агрессорам, проведение линии на их «умиротворение». С другой — в отношении Берлина, Рима и Токио проводилась политика «кнута», запутывания их перспективой тесного сотрудничества Англии, Франции и США с СССР в интересах мира.

В этом плане проводившийся с Москвой диалог в 1933-1937 гг. имел целью создать дополнительные рычаги давления на Германию и ее союзников. Что же касается возможностей восприятия СССР как реального партнера и союзника, то они всерьез фактически не рассматривались.

Отсутствие доверия было взаимным. Соглашательская реакция Запада на вторжение Италии в Эфиопию, нежелание противодействовать вмешательству фашистских держав в гражданскую войну с Испанией, развивать сотрудничество в интересах мира по линии советско-французского и советско-чехословацкого пактов о взаимопомощи, свидетельствовали о том, что Англия, Франция и США не заинтересованы в серьезном отпоре агрессии.

Массовые репрессии в СССР дали правым силам во Франции и Англии дополнительные аргументы против выполнения обязательств, вытекающих из советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г., укрепляли впечатление двуличности, лицемерия в политике, подрывали доверие к целям и намерениям государства, сочетавшего декларативную приверженность демократии с антигуманной политикой.

Таким образом, международное положение СССР к 1937 г. было достаточно неопределенным, чреватым многими опасностями. Позитивные результаты политики коллективной безопасности закрепить не удалось. Новые, еще более серьезные испытания ждали Советский Союз в последующие годы.

Трибицов Ю. М. (Кемерово)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И РЕАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

СССР внес весьма значительный вклад в победу антигитлеровской коалиции над «осью» на европейском театре войны и оказал определенную помощь ускорению победы США, Англии и Китая над восточным звеном «оси» — Японией — перед самым концом второй мировой. Способность СССР на грани катастрофы напрячь усилия и переломить ход событий в 1941-1942 гг., доблесть и стойкость большинства населения СССР во имя спасения от гитлеризма общепонятны. Однако до сих пор в сознании большинства населения бывшего Советского Союза не изжита лживая схема: до 22 июня 1941 г. СССР готовился к отпору гитлеровской и японской агрессии, с названной даты и по 9 мая 1945 г. отстаивал свои свободу и независимость и осуществлял освободительную миссию в отношении народов Европы, наконец, до 2 сентября 1945 г. выполнил свои союзнические обязательства на Дальнем Востоке, осуществив там освобождение народов Восточной Азии.

Эта схема — итог партийно-государственной политики СССР, распространенной им также на все страны и компартии, не нашедшие силы

этому противостоять. Термин «Великая Отечественная война», возникший тотчас после 22 июня 1941 г. с легкой руки Емельяна Ярославского (далеко не сразу — с больших букв), без сбоев использовался советскосоюзной пропагандной машиной в плане политическом — для обеспечения готовности масс делать что угодно и жертвовать чем угодно во имя глобалистских замыслов кремлевских вождей, а в плане научном — чтобы помешать рассказать, описать правду о поведении СССР в 1917-1945 гг. и его последствиях для СССР и всего мира. И в России с конца 1991 г. не предприняты должные усилия для преодоления пагубного воздействия на умы стереотипа «Великой Отечественной», хотя с отменой еще в СССР в конце 1980-х запрета на историческую правду учеными и публицистами в нашей стране были достигнуты определенные успехи в правдивой оценке периода 1939-1945 гг.

Официальная историография в СССР не смущалась использовать термин «Великая Отечественная война» для характеристики действий СССР с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г. Оправдан ли этот термин? Очень сжато — поведение СССР в ходе всей второй мировой войны.

1. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.: Агрессия против народов Восточной и Западной Европы и содействие Германии в агрессии в Восточной Европе в рамках тайного советско-германского сговора в августе 1939 г. при слабой помощи Китаю в отражении японской агрессии.

2. Июнь 1941 г. — май 1945 г.: Война с Германией и ее союзниками в Европе, возникшая вследствие неготовности Германии сохранить мир с СССР и превратившая СССР в союзника Запада против Германии, постепенно переросшая в установление контроля СССР над большей частью Восточной Европы при довольно мирном сосуществовании на Дальнем Востоке с Японией — агрессором против Запада и Китая и при расширении сферы контроля СССР в Южной Азии (Иран, Тува, западные районы Китая).

3. Май — сентябрь 1945 г.: Подготовка и осуществление нападения на Японию ради коренного изменения в свою пользу положения на Дальнем Востоке при продолжении переустройства в свою пользу Восточной Европы, сохранении войск в Иране и начале переадресации своей внешней политики с союзнических отношений с Западом на противостояние последнему в мировом масштабе.

Период советско-германской войны теперь уже только наиболее упорные фанатики-сталинисты представляют себе со стороны СССР в виде сплошных подвигов Красной Армии и всего советского народа в борьбе за правое дело. Невозможно представить себе поведение СССР с июня 1941 г. по май 1945 г. без массовых надругательств над собственным населением где угодно — на оставляемых врагу и возвращаемых из-под оккупации землях (своих и тем более захвата 1939-1940 гг.), на фронте, в тылу, особенно в местах заключения, к попавшим в плен воинам

Красной Армии. Невозможно представить себе поведение СССР в это время и без энергичной и неразборчивой в средствах борьбы не только за сохранение за собой плодов преступного сговора с Гитлером за счет стран Восточной Европы, но и за распространение своего господства на еще более значительные пространства Европы и Азии.

Все же в ходе советско-германской войны доминирует ее освободительный, антигитлеровско-коалиционный характер. СССР нуждается в крупной помощи Запада против общего врага и опасается поворота Запада к компромиссу с Германией, если проявит сверх меры свою вечную суть борца за мировое господство. Однако, едва минует угроза гибели под натиском вермахта, СССР все активнее отстаивает разными методами свои, идущие наперекор интересам Запада и прозападно настроенных сил в Европе и Азии, интересы. Фронт и тыл СССР всю «Великую Отечественную» являются ареной исключительно жестокой к своим войны — гражданской войны, не оконченной с 1917 г. и приобретенной теперь (под видом борьбы против помех борьбе с внешним врагом) едва ли меньший размах, чем известная «ежовщина» 1937-1938 гг. Все это усугубляется действительным предательством (часто под угрозой гибели) миллионов бывших граждан СССР, оказавшихся в плену и на оккупированных территориях, причем многие противостояли Красной Армии и просоветским партизанам и подпольщикам с оружием в руках. Никому не дано определить, более или менее половины погибших почти 30 млн. жителей СССР пали из-за действий немецких и союзных войск или карательных органов, а не из-за собственных действий или по вине других граждан СССР на 22 июня 1941 г. Вот что есть, наряду с героизмом на фронте и самозабвенным трудом в тылу во имя победы, сталинская «Великая Отечественная война Советского Союза».

Наконец, период с мая по сентябрь 1945 г. делится на 2 части днем 8 августа, когда СССР успел сконцентрировать на Дальнем Востоке превосходящие силы и без объявления войны (как Германия на СССР) напал на Японию. Та — сама давний агрессор — заслужила быть разбитой и расчлененной. Другое дело то, что СССР предельно воспользовался моментом, когда Япония и так была на грани капитуляции, для быстрого захвата ряда ее сухопутных и островных владений (Сталин претендовал и на часть Хоккайдо — Трумэн отказал), чтобы включить их в состав СССР, превратить в военную базу СССР либо передать преданным себе китайским и северокорейским коммунистам. Пристегивание этого периода к «Великой Отечественной» (для характеристики действий СССР против Германии и ее союзников в Европе термин был в свое время удачно придуман и даже теперь отчасти правомерен) совершенно целогично.

В целом глубокое научное освещение правды об участии СССР во второй мировой войне находится в начальной стадии.

**НАРОД И ПРАВИТЕЛЬСТВО:
СУДЬБЫ ИСПАНЦЕВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Вопрос о позиции правительства Испании в годы второй мировой войны и судьбе испанского народа продолжает оставаться в российской историографии как источниковедческой, так и содержательной проблемой. Говоря о содержательной стороне проблемы позиции правительства Испании, важно отметить, что если сама позиция Испании в войне оценена в ряде исследований¹, то вопрос о причинах такой позиции вряд ли можно назвать изученным.

Оценивая непоследовательность действий правительства Испании в военные годы, исследователи чаще всего останавливаются на одной причине — наличие «внутреннего врага». Однако, участие «голубой» дивизии в боевых действиях на советско-германском фронте свидетельствует о том, что у Франко была и «внутренняя поддержка».

Представляется интересным посмотреть на позицию испанского народа в условиях начавшейся войны шире, чем только позиция испанцев, встретивших войну на земле Пиренеев. Испанский народ в большей степени, чем любой другой европейский этнос, оказался разобщенным. События 1932-1939 годов в Испании способствовали политической и географической разобщенности нации.

Королевская семья и сторонники монархии эмигрировали в Скандинавию. Социалисты со своими сторонниками развернули активную деятельность в Мексике. Части Каталонской республиканской армии ушли во Францию. Вместе с ними на территории Франции оказалась и большая часть беженцев. Пройдя через депортацию на территории Франции, они составят впоследствии значительную часть «маки». С 1934 года испанская эмиграция начинает формироваться в СССР. Представленная коммунистами и людьми, сопровождавшими испанских детей, она насчитывала не менее 12 тысяч человек. Особую группу испанцев составили дети республиканской Испании, вывезенные в 1936-1938 годах в ряд стран мира. В Советский Союз в этот период было вывезено около четырех тысяч испанских детей, для которых было создано 10 детских домов и два дома для испанской молодежи. Значительная часть антифашистов продолжала оставаться и на территории Испании, хотя, безусловно, официальный курс Испании отражал интересы профашистской группировки Франко. Франко не мог в условиях начавшейся войны между фашистским и антифашистским блоком не принимать во внимание позиции разбросанных по миру различных испанских политических блоков. Тем более, что каждый из этих блоков имел претензии на руководство страной. Поэтому проблема позиции и отношения франкистского режима к различным эмигрантским группировкам представляется значимой для оценки причин своеобразной политики Испании в годы второй мировой войны с точки зрения позиции «внешнего врага».

Исследование этой линии испанской истории для российских исследователей особенно затруднено недоступностью источников. Достаточно охарактеризовать хотя бы ситуацию с испанскими документами в архивах нашей страны, которые были практически полностью закрыты. В начале семидесятых годов были изъяты из открытого фонда даже архивы испанских детских домов в СССР, хранившиеся в архиве РСФСР на Бережковской набережной (Москва). Сейчас документы испанской истории рассредоточены по многим архивохранилищам, нигде не представляют целостного, значимого фонда.

Тема испанцев — участников войны все чаще начинает звучать в современных публикациях в контексте проблемы военнопленных. Участвуя в военных действиях по обе стороны фронтов, испанские граждане оказывались в тяжелейших ситуациях. Об этом свидетельствуют появляющиеся воспоминания испанцев — участников войны². Тема участия испанцев в военных действиях второй мировой войны продолжает оставаться одной из наименее исследованных. Нет исследования о месте испанского народа в войне. Не найдены до сих пор документы о судьбах воспитанников Ленинградского Дома испанской молодежи, которые во время эвакуации на юг страны в 1942 году принимали участие в борьбе с фашистами на Северном Кавказе, прорываясь в Тбилиси, где в то время находился ЦК КПИ. Не написана в силу ограниченных источников история «голубой дивизии» на советско-германском фронте.

Все это делает историю второй мировой войны и через пятьдесят лет после ее окончания малоисследованной и требует дальнейшего изучения.

Примечания:

¹Пожарская С. П. Испания и США. Внешняя политика и общество. 1936-1976.-М.: Наука, 1982. 342 с. От 18 июля — долгий путь.-М.: Мол. гвардия, 1977. 172 с.

²Красиков А. Испания и мировая политика. Полвека дипломатической истории.-М.: МО, 1989. 350 с.

ГАВРИЛОВ А. В. (Ярославль)

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Католицизм, как один из наиболее авторитетных мировых религиозных и политических институтов, оказывал значительное влияние на настроения населения и политику европейских держав перед началом и во время второй мировой войны. Конечно, оно не могло сравниться с тем, которое церковь имела в средние века, в период своего наибольшего могущества. Но, несмотря на общий кризис религиозности, рост числа выходов из лона церкви, распространение нецерковных идейных доктрин: либерализма, коммунизма и национал-социализма, позиции церкви и политического католицизма в ряде случаев оставались еще достаточно прочными. Хотя папа и не мог

выставить, как заметил Сталин, ни одной дивизии, влияние Ватикана и местного духовенства охватывало десятки миллионов католиков, составлявших большинство населения Франции, Италии, Польши, 1/3 в Германии, а после объединения с Австрией — до 40%.

В межвоенный период в Европе сложилась чрезвычайно сложная и во многом опасная для католической церкви международная обстановка. Победа большевиков в России, судьба Русской православной церкви и других религиозных конфессий, не оставляли у Ватикана никаких иллюзий о своем будущем в «мировой республике Советов». Поэтому борьба с идеями коммунизма становится основным, жизненно важным направлением деятельности церкви на всех уровнях, вплоть до внешнеполитического.

В частности, это выразилось в политике конкордатов со странами, наиболее важными для Ватикана в политическом отношении: Польшей, Литвой, Италией, Германией. Конкордаты, то есть договоры о согласии, разграничивали сферы влияния властей и церкви, определяли права, льготы католиков. Путем заключения конкордатов Римская католическая церковь стремилась юридически закрепить свои позиции, а также оказать поддержку правительствам стран, активно противодействующих большевизму.

Правительства, подписавшие конкордаты, преследовали различные цели, руководствуясь собственной партийной идеологией. Так в Польше, где католицизм исторически являлся знаменем польских националистов, церкви удалось достичь наибольшего влияния. В Германии, напротив, национальная идея культивировалась в основном в протестантской среде. Лозунгом немецких националистов со времен Реформации было: «Прочь от Рима». С приходом к власти Гитлера положение католической церкви в Германии значительно усложнилось. Поэтому германский вариант конкордата предусматривал наибольшие уступки со стороны церкви. Распускались все католические политические организации, церковным деятелям запрещалось заниматься политической деятельностью. Власти, со своей стороны гарантировали гражданам и католической церкви свободу исповедания католичества.

Несмотря на это, католическая церковь в Германии постоянно испытывала на себе давление национал-социалистических властей. Поэтому положение церкви, ее трения с властями стали объектом пристального внимания общественности и разведок стран — потенциальных противников Германии, особенно Польши и Франции. Проявилось стремление использовать католический фактор в пропагандистской подготовке собственного населения, обработке населения Германии, налаживании каналов для передачи информации через границы.

Особенно возрос интерес к проблемам католицизма после присоединения Австрии, традиционно католической страны, к национал-социалистической Германии весной 1938 года. Начавшееся после него закрытие католических монастырей, ликвидация теологического факультета универ-

ситета в Инсбруке, активно обсуждались французской прессой в 1938-1939 годах. Второй отдел Генерального штаба Польши ввел обязательную рубрику «Положение церкви» в аналитические обзоры Германии. Польская агентура в Германии получила инструкции о сборе информации по этой теме.

Широкие слои общественности во Франции, правящие круги Польши испытывали беспокойство, видя нарастающее давление национал-социалистов на церковь. Оно выражалось в попытках создания единой немецкой евангелической церкви, единых неконфессиональных общеобразовательных «имперских» школ, единых неконфессиональных профсоюзов. Финансовое давление оказывалось через введение специальных налогов на монастыри, широком использовании штрафов. Закрывались духовные учебные заведения, монастыри, католические школы, газеты, профсоюзы. СД и гестапо осуществляли тотальный контроль за деятельностью церкви. В судебном и внесудебном порядке преследовались отдельные представители церковного клира. Велась широкая пропагандистская кампания по дискредитации католических деятелей.

Не меньшее беспокойство по этому поводу испытывал и Ватикан. От протестов и заявлений по поводу тех или иных нарушений условий конкордата, святой престол переходил к более активным действиям. Так в 1938-1939 годах значительно возрастает количество католических листовок и брошюр. Основным их содержанием являлось разъяснение несовместимости вероучения католической церкви и национал-социалистического мировоззрения. Часто цитировались выдержки из энциклики папы Пия «С особой заботой» от 4 марта 1937 года, где недвусмысленно заявлялось, что абсолютизация народа, расы, крови, партии, класса противны богу и церкви. Характерной чертой листовок и брошюр, распространяемых церковью, была их двойная направленность, как против национал-социалистов, так и против коммунистов. Помимо идейных соображений это делалось с целью оградить церковь от обвинений в связи с большевизмом, что широко использовалось нацистскими пропагандистами. Церковь предостерегала от возможного начала войны и связанных с ней ужасов. Особые надежды связывались с германо-польским пактом о ненападении 1934 года и соглашениями в Мюнхене в 1938 году.

Заключение советско-германского пакта и начало войны с Польшей, поначалу подобное шоку, вызвало настоящий взрыв активности католической пропаганды в Германии. Национал-социалисты обвинялись в сговоре с большевиками, разрушителями основ религиозной жизни. Гитлер назывался тираном и зверем из бездны. Католики и все христиане призывались к выполнению христианских заповедей.

Оккупация Польши сильно подорвала позиции католической церкви, как на ее территории, так и в Германии. В Польше католическое духовенство утратило ведущие позиции во многих областях общественной и политической жизни. В Германии быстрая победа вызвала эйфорию в

широких слоях населения, усиление веры в фюрера, укрепление верно-подданических настроений.

Положение католической церкви, являясь весомым фактором международной политики в конце тридцатых годов, не обеспечивало самой церкви необходимого ей влияния на эту политику.

ЕРМАКОВ А. М. (Ярославль)

ИМПЕРСКАЯ ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5 июля 1931 г. правительство Г. Брюнинга в целях борьбы с безработицей создало организацию добровольной трудовой повинности для молодежи. После прихода национал-социалистов к власти эта организация была унифицирована: законом от 26 июня 1935 г. была введена обязательная трудовая повинность для юношей 18-25 лет. Девушки отбывали трудовую повинность добровольно. Организация получила наименование Имперской трудовой повинности (РАД). Во главе ее стоял «имперский трудовой фюрер» К. Гирль. Задачами РАД были объявлены общественно-полезные работы и воспитание немецкой молодежи.

Исследование истории трудовой повинности в Германии в годы второй мировой войны является весьма актуальным. Она играла важную роль в подготовке молодежи к военной службе. Отечественная историография пока не имеет исследований по этому вопросу. Немецкие историки акцентируют внимание в основном на процессе становления РАД и на воспитании молодежи в трудовых лагерях¹. Лишь монография Р. Абсолона рассматривает служебные отношения членов РАД и вермахта в годы войны². Статья С. Байора, посвященная анализу истории женской трудовой повинности в русле конфликта между идеологией и экономикой в «третьем рейхе», затрагивает и период второй мировой войны³.

Между тем именно завоевательная война была заветной целью национал-социалистического режима, именно в войне этот режим реализовал себя наиболее полно, что проявилось в том числе и в изменении функций многих государственных учреждений и их роли в государственном механизме. Целью данного доклада является показать место и роль Имперской трудовой повинности в 1939-1945 гг.

Мобилизация всех людских ресурсов Германии для целей ведения войны повлекла за собой изменение областей применения РАД. Прежде всего это изменение коснулось трудовой повинности для мужской молодежи. Уже осенью 1939 г. подразделения РАД стали привлекаться к выполнению вспомогательных работ в вооруженных силах сначала в составе смешанных строительных батальонов, а позднее — в так называемых «строительных союзах» РАД. Эти «союзы» применялись на всех европейских театрах войны за исключением итальянского. Хотя они

официально не предназначались для участия в боях, военное командование на Восточном фронте часто отправляло их на передовую. Например, в 1942 г. в боях под Ржевом активное участие принимал «строительный союз» под командованием барона фон Ботмера. В 1943 г. по требованию «имперского трудового фюрера» Гирля подразделения трудовой повинности были удалены с Восточного фронта «из-за связанных с этим слишком больших физических требований к молодым работникам»⁴.

После поражения вермахта под Сталинградом в 1943 г. РАД взяла на себя обслуживание 400 зенитных батарей, чтобы высвободить солдат для фронта. Наконец, в 1944 г. срок отбывания трудовой повинности для юношей сократился с шести до двух месяцев, многие «трудовые фюреры» были призваны в армию, а трудовые лагеря закрыты. РАД было вменено в обязанность обучать «работников» обращению с оружием.

Таким образом, к весне 1944 г. РАД для мужской молодежи была полностью поставлена на службу вермахту. Этот процесс был облегчен милитаристскими элементами, изначально заложенными в организации трудовой повинности (системой призыва на службу по типу военной, военизированной структурой, жесткой дисциплиной, отбыванием службы в лагерях) и представляется закономерным. В войне эти элементы получили дальнейшее развитие, вышли на передний план и совершенно вытеснили главные задачи трудовой повинности: общественно-полезный труд и воспитание молодежи.

На развитие РАД для женской молодежи в годы второй мировой войны оказывало непосредственное влияние положение на рынке труда. Осенью 1939 г. 80 тыс. «работниц» трудовой повинности представляли собой значительный резерв рабочей силы. В государственном руководстве Германии шла борьба по вопросу о его использовании. «Имперский трудовой фюрер» Гирль, отстаивая интересы идеологии, настаивал на сохранении воспитательной направленности организации. Руководители военной экономики, прежде всего Г. Геринг, добивались включения «работниц» трудовой повинности в военное производство.

На первом этапе этой борьбы Гирлю удалось одержать победу. 9 сентября 1939 г. была введена всеобщая обязательная трудовая повинность для девушек. Тем самым контингент РАД для женской молодежи увеличился до 100 тыс. человек. «Работницы» продолжали заниматься малопродуктивным трудом в сельском хозяйстве. «Имперский трудовой фюрер» с успехом противостоял попыткам военного командования и руководителей органов военной экономики привлечь РАД для женской молодежи к работе в военной промышленности.

29 июля 1941 г. вышел указ Гитлера о «военной вспомогательной службе» (КХД). Часть отбывших трудовую повинность «работниц» задерживалась в трудовых лагерях еще на шесть месяцев для исполнения службы в военных учреждениях, в органах власти, в социальном обеспе-

чений и в многодетных семьях⁵. Гирль отказался предоставить «девушек КХД» для работы на военных предприятиях.

Указ о КХД был последней крупной победой «имперского трудового фюрера» над прагматиками в руководстве «третьего рейха», которая была возможна только в условиях успешно развивавшейся «молниеносной войны». Но по мере того, как война на Востоке приобретала затяжной характер, потребность в женской рабочей силе становилась все острее. Уже в январе 1942 г. РАД для женской молодежи была вынуждена заключить соглашение с министром вооружения и боеприпасов Ф. Тодтом о предоставлении 25-30 тыс. «работниц» для нужд военной промышленности. Это соглашение было первым крупным поражением РАД, которое означало «начало конца иллюзий о возможности восстановления доиндустриального крестьянского мира⁶. Уже зимой 1942—1943 гг. труд «работниц» и «девушек КХД» в военной промышленности стал правилом, а работа в органах власти и в социальных учреждениях — исключением.

С 1943 г. «работниц» трудовой повинности стали использовать в люфтваффе как связисток, а с 1944 г. — в качестве обслуживающего персонала прожекторных батарей.

Следовательно, в 1944 г. женская трудовая повинность, как и мужская, вопреки сопротивлению Гирля, была поставлена на службу практическим задачам ведения войны.

Несмотря на потерю своей идеологической направленности, РАД в первые годы войны добилась численного роста организации и расширения административной структуры. На завоеванных восточных территориях были учреждены четыре новых «арбайтсгау», для контроля за этой обширной территорией у «имперского трудового фюрера» Гирля появилось пять заместителей. После того, как 24 августа 1943 г. пост министра внутренних дел занял Г. Гиммлер, имперское управление РАД было выведено из МВД, а Гирль получил ранг рейхсминистра.

РАД стремилась распространить свое влияние на оккупированные и союзные с Германией государства (Бельгию, Голландию, Норвегию, Румынию, Хорватию), поддерживая созданные там организации трудовой повинности. После победы Германии Гирль планировал создать «европейскую трудовую повинность» как «союз самостоятельных европейских организаций трудовой повинности». После установления «нового порядка» в Европе «имперский трудовой фюрер» хотел взять реванш у сторонников рационального использования людских ресурсов и восстановить ориентацию РАД на идеологические задачи. История показала, что планы Гирля были столь же утопичны, как и гитлеровские планы «тысячелетнего рейха»: 7 мая 1945 г. РАД прекратила свое существование.

Итак, в годы второй мировой войны «имперскому трудовому фюреру» удалось спасти свою организацию от роспуска и даже добиться ее расширения. Трудовая повинность для девушек превратилась из добро-

вольной в обязательную. Но при этом РАД потеряла свое значение как «незаменимое воспитательное учреждение» и как ориентированная на достижение идеологических целей режима (возвращение немецкого народа к земле) трудовая армия. Работа по улучшению культуры земледелия и воспитание девушек для роли домохозяйки и многодетной матери уступили место службе наравне с вермахтом или милитаризованному труду на военных предприятиях под командованием «трудовых фюреров». Идеология на фазе радикализации национал-социалистического режима пробивала себе дорогу в «борьбе мировоззрения на Востоке», в «окончательном решении еврейского вопроса», в «чудовищном проекте социальной и расовой санации немецкого общества»⁷. РАД, которая и до войны была вынуждена вести борьбу за существование, не смогла органично вписаться в эту динамику. Поэтому в годы второй мировой войны она оказалась такой же не нужной национал-социализму, как и «сельская идиллия».

Примечания:

¹ Kohler H. Arbeitsdienst in Deutschland. Plane und Verwirklichungsformen bis Einführung der Arbeitsdienstpflicht im Jahre 1935. Berlin, 1967; Benz W. Vom freiwilliger Arbeitsdienst zur Arbeitsdienstpflicht.// Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 16.Jg/1968, Heft 4, S.317–346; Mager B. Arbeitserziehung im Faschismus.// Alt R. (Hg). Zur Geschichte der Arbeitserziehung in Deutschland. Teil 2. Von 1900 bis zur Gegenwart. Berlin. 1971, S. 135–152; Dudek P. Erziehung durch Arbeit. Arbeitslagerbewegung und freiwilliger Arbeitsdienst 1920–1935. Opladen, 1988.

² Absolon R. Der Einsatz des Reichsarbeitsdienstes im Kriege. Die Dienstverhältnisse der Angehörigen des RAD im Wehrmachtseinsatz. Kornelimünster, 1958.

³ Bajohr S. Weiblicher Arbeitsdienst im «Dritten Reich». Ein Konflikt zwischen Ideologie und Ökonomie.// Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 28.Jg./1980, Heft 3, S. 331–357.

⁴ Hierl K. Im Dienst für Deutschland 1918–1945. Heidelberg, 1954, S. 108.

⁵ Reichsgesetzblatt, 1941, Teil 1, S. 463.

⁶ Bajohr S. Weiblicher Arbeitsdienst im «Dritten Reich», S. 356.

⁷ Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933 bis 1945. München, 1993, S.8.

ПОДДУБНЫЙ В. К. (Рязань)

ИНДИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. К ВОПРОСУ О РОЛИ В РАЗГРОМЕ ДЕРЖАВ «ФАШИСТСКОЙ ОСИ»

Как известно, Индия не имея политической независимости, участвовала в боевых действиях на стороне Объединенных Наций и внесла большой вклад в военно-политический разгром противников метрополии.

Но в борьбе двух блоков Индия имела свой интерес, считая, что победа прогрессивных сил ускорит достижение ее собственной независимости.

После публикации книги А. М. Дьякова в начале 50-х годов у нас не было издано ни одного сколько-нибудь заметного труда по этой проблеме. Развитие отечественной индологии поставило задачу целого комплекса исторических проблем, требующих своего разрешения многими исследователями. Прежде всего это вопрос об использовании военного потенциала Индии союзным командованием как в боевых действиях на Тихом океане, так и в Западной Европе и в Северной Африке. Заслуживает внимания специалистов внутривосточное положение в Индии, развитие национально-освободительного движения в период второй мировой войны. В чем была причина жесткого противостояния крупнейшей националистической партии страны Индийский Национальный Конгресс (ИНК) и колониального англо-индийского правительства.

Проявляется целый ряд международных проблем вокруг Индии и ее стремления к независимости. К примеру — отношение США к освободительной борьбе индийского народа? Как это сказалось на развитии американо-британских противоречий по этому вопросу? Малоизвестно, что индийская территория и коммуникации использовались союзным командованием для доставки грузов по ленд-лизу через Иран и Среднюю Азию продовольствия и военных материалов в СССР. Заслуживает также более объективного исследования политическая роль в годы войны видных деятелей национально-освободительного движения Индии — М. К. Ганди и особенно такой противоречивой личности как С. Ч. Бос, создавший в союзе с Японией эмигрантское правительство в ЮВА и воевавший против британских войск в Бирме. В распоряжении исследователей будет достаточно первоисточников и необходимой литературы. За последние годы нашими британскими коллегами опубликованы сборники документов и материалов британского МИД, министерства колоний, канцелярии вице-короля Индии. Все это дает возможность разнопланового подхода к проблеме участия Индии во второй мировой войне. Доступна для российских индологов и индийская пресса за интересующий нас период. Наверняка найдутся новые материалы для пытливого ученого в отечественных военных архивах и особенно в архиве Советской Армии в г. Подольске.

К сожалению, в Москве и Санкт-Петербурге российские индологи не занимаются проблемой участия Индии во второй мировой войне, упор делается на изучение современных проблем древней страны. В настоящее время при наличии индологической аспирантуры в Рязанском государственном педагогическом университете появилась возможность планировать написание кандидатских работ, отражающих исторические и политологические аспекты участия Британской Индии на стороне союзников в крупнейшей войне эпохи. Привлекает к себе внимание возможность изучения совоеенно-политического и военного сотрудничества

колониального правительства Индии с Советским Союзом в этот трудный для обоих народов период исторического противостояния сил прогресса и международной реакции. Интерес представляет также вопрос о влиянии пацифистских взглядов Махатмы Ганди на движение сторонников мира и прекращения разрушительных войн в Западной Европе и США. Невозможно обойтись без пытливого изучения социально-политических аспектов национально-освободительного движения Индии. Это даст возможность более объективно представить роль формировавшихся в Индии новых политических структур в разрешении проблемы индийской независимости. Эти и другие исследования могут быть осуществлены в ближайшие годы за счет аспирантского состава кафедры всеобщей истории РГПУ. Тем более, что на историческом факультете университета будущие кандидаты в аспиранты имеют высокий уровень подготовки по английскому языку и получают после окончания университета право преподавания этого языка в средней школе. А без такой подготовки невозможно серьезно заниматься индологическими проблемами.

АРХИПОВА Л. И. (Рязань)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИНДИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА ПАЦИФИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В идейных построениях таких религиозно-общественных организаций, как Миссия Рамакришны в Калькутте, в воззрениях сочувствующих им общественных и политических деятелей Индии (Ауробиңдо Гхош, М. К. Ганди, Р. Тагор, Виноба Бхаве) рассматривались ненасильственные идеи индуизма в качестве своеобразной, всеобъемлющей метарелигиозной системы, призванной примирить все существующие религии, идеологии и установить мир и благоденствие во всем мире. Утопический характер этих теорий на фоне нагнетания фашистской агрессии в 30-е годы вполне очевиден, тем не менее, в силу гуманистического истолкования некоторых положений религиозной догматики, они оказались весьма привлекательными для западной молодежи и интеллигенции, более того, оказали влияние на пацифистское движение в этих странах.

Известно о том, какую высокую оценку деятельности М. К. Ганди, Дж. Неру давал Р. Роллан, были установлены тесные контакты с представителями американской демократической общественности, а именно, американским обществом защиты гражданских прав (секретарь Роджер Болдуин), влиятельным религиозным деятелем Дж. Холмсом и др. Английский писатель Альдус Хаксли, пастор Ч. Ф. Эндрюс также уделяли большое внимание распространению миролюбивых идей лидеров Индийского Национального Конгресса (ИНК) у себя на родине и за океаном.

Несмотря на желание сторон крепить сотрудничество на неправительственном уровне, обстоятельства спада производства и политическое кризиса в западных странах в середине 30-х годов, тенденции к мировой войне далеко не способствовали этому.

Попытки ИНК поставить вопрос о достижении Индией независимости, опираясь на поддержку американского правительства, потерпели полный провал. О прямо враждебном индийским патриотам внешнем курсе правительства демократов говорит известная в дипломатических кругах трактовка всемирной роли Британской империи, принадлежащая американскому государственному секретарю К. Хеллу. В беседе с канадским дипломатом, состоявшейся в феврале 1937 г., глава американского внешнеполитического ведомства сделал разъяснение о позиции своего правительства. «Я повторил ему, — писал Хелл в официальном отчете о встрече, — что ни я, ни моя страна не скажут и не сделают ничего такого, что ослабит хотя бы одно звено Британской империи, которая остается величайшим стабилизирующим фактором в современном мире и которая должна существовать для будущего гуманизма, прогресса и цивилизации на благо человечества и самой себе».

Как известно, общественные организации, поддерживающие на протяжении достаточно длительного времени отношения с ИНК, активно способствовали приходу к власти в США демократов. Итак, в глазах левых лидеров ИНК, они были ответственны за внешнюю политику, проводимую кабинетом Ф. Д. Рузвельта. Постепенно эти отношения пошли на убыль.

Будучи поборниками миролюбивых идей и их претворения в практику международных отношений, лидеры ИНК однако понимали, что в условиях надвигающейся катастрофы механизмы ненасилия и сатьяграхи не может быть признан действенным политическим средством. Постоянной темой в публицистических произведениях Дж. Неру стало осуждение «нейтрализма» США, способствовавшего расправе фашистской Италии над Эфиопией. Взгляды Неру разделял М. К. Ганди и другие деятели ИНК. Инициатива «морального разоружения» Ф. Д. Рузвельта перед лицом вооруженного до зубов агрессора не нашла сочувствия в конгрессиистских кругах. Общее мнение выразил Махатма Ганди в газете «Жариджан». Ганди считал, что такое обращение к фашистским державам только развяжет последним руки. Прежде чем начинать переговоры о разоружении и уменьшении международной напряженности следует предоставить независимость и право голоса колониальным и зависимым народам, и индийскому в том числе.

История пацифистского движения на Западе и его роль накануне второй мировой войны, на наш взгляд, не может быть оценена однозначно. Попытки индийцев вбить клин в англо-американские отношения и их страстная пропаганда мира между народами ни в коем случае не должны рассматриваться как пособничество «державам оси» в развязывании мировой войны, а лишь как тактический ход в достижении собственной независимости ненасильственным путем.

К ВОПРОСУ О ПОСТАВКАХ В СССР МАТЕРИАЛОВ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ ЧЕРЕЗ ИНДИЮ

Историки второй мировой войны и индологи незаслуженно забыли вопрос о поставках вооружений и других материалов в страны союзников, в том числе и в СССР из Индии и через Индию. Данная проблема затрагивалась, но только на журналистском уровне (Митрохин Л. В., Щуров И. М.).

Стратегическое значение Индии определялось не только ее географическим положением, но главным образом ее людскими и экономическими ресурсами. Все большую роль Индия начала играть во второй мировой войне после нападения Японии на владения США и Англии как военная и экономическая база союзников.

3 сентября 1939 г. Индия без консультаций с индийскими политическими партиями, что противоречило даже колониальной конституции, официально вступила в войну на стороне Великобритании. Это привело к массовому движению против участия в войне за интересы метрополии. Ведущая партия — Индийский Национальный Конгресс (ИНК) выступила с осуждением фашизма, но отказалась сотрудничать с английским правительством до тех пор, пока Индия не получит самостоятельности и независимости. Одновременно ИНК и другие политические партии поддерживали усилия Советского Союза и Китая в их борьбе против фашистской агрессии. Индия послала самую большую армию добровольцев в мире на поля сражений. Около 2,5 млн. индийцев были призваны в армию в годы войны.

Многие в Индии со вступлением в войну СССР стали считать, что характер войны изменился и что Индия должна оказать возможную помощь СССР в борьбе с гитлеровской Германией. Было создано общество друзей Советского Союза. Повсюду ширилось движение с требованием немедленного открытия второго фронта.

В 1942 г. были опубликованы секретные планы Германии о захвате Индии. Стало ясно, что судьба Индии решается в битвах за Кавказ и под Сталинградом, что только Советский Союз сможет спасти Индию от гитлеровского вторжения. Тысячи индийцев в те дни горели желанием отправиться добровольцами на советский фронт. Начался сбор средств для оказания помощи героической борьбе советского народа. Было отправлено около 15 млн. метров брезента, из которого были пошиты палатки, использовавшиеся во втором эшелоне обороны Сталинграда.

Огромную роль в победе советских войск под Сталинградом и на Кавказе сыграли военные поставки из Индии. В эти трудные дни шло строительство дороги, которая проходила вдоль древнего караванного тракта. Путь длиной около 3 тыс. миль проходил через горные массивы высотой около 7 тыс. футов, через быстрые полноводные реки и безвод-

ные иранские пустыни. Температура колебалась от +130° по Фаренгейту днем до -40° ночью. Основной участок этой дороги, известный как Восточно-Персидский путь, был полностью закончен в течение 8 месяцев. 30 тыс. человек, в основном женщины и дети, представляющие 15 национальностей, под порывами ледяного ветра и по раскаленной пустыне продвигались каждый день в среднем на 3 мили. Вода и еда доставлялись из оазисов верблюдами за десятки и сотни километров, сносного жилья не строилось из-за нехватки времени. Гитреловцы рвались к Кавказу и здесь решалась судьба не только Советского Союза, но и Индии. Количество военных материалов, остро необходимых Советской Армии, которые могла поставить Индия: джут, резина, дерюга, медь, олово, ртуть, — было ограничено только транспортными возможностями. К январю 1944 г. около 1000 грузовиков, в большинстве предоставленных Индией, были заняты перевозками грузов и днем, и ночью. От границы Индии до Советского Союза путь занимал целые недели. Рекордно коротким сроком считалось 28 дней. К 1944 г. каждый месяц перевозилось около 5 тыс. тонн грузов. Количество грузов, перевозившихся через эту дорогу, постоянно возрастало. Индийские солдаты, обеспечивавшие поставки в СССР, проявили мужество и героизм при защите пути.

Британские власти послали специальную съемочную группу для подготовки фильма о дороге из Индии в Россию.

Советское правительство высоко оценило вклад Индии и индийцев в общие усилия победы над странами ОСИ. Бюллетень Информационной службы правительства Индии от 1 сентября 1944 г. сообщал, что «во время впечатляющей церемонии в советском посольстве в Тегеране советский посол М. Максимов от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил награды офицерам и солдатам британской и индийской армий за отличную службу по транспортировке вооружений, материалов и продовольствия в Россию». В соответствии с этим указом советского правительства Нараян Рао Никкам и Ганжеन्द्रа Сингх были награждены орденом Красной Звезды за участие в перевозке грузов. Несомненно, что помощь Индии можно считать одной из составляющих общей победы над фашистской Германией, а затем и Японией.

Этих фактов недостаточно для серьезного исследования. Превентивное знакомство с английской литературой и источниками показало, что материала для разработки данной проблемы достаточно. Имеются необходимые документы и в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории, и в военном архиве в Подольске, и в индийской печати. Поэтому исследование проблемы поставок в СССР материалов по ленд-лизу через Индию будет продолжено и в дальнейшем.

ЯПОНСКИЙ ФАКТОР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ

Новые архивные документы и материалы позволяют по-новому взглянуть на роль Японии во второй мировой войне и ответить на некоторые вопросы, связанные с принятием японским правительством решения не выступать против СССР, ориентировать свою политику на Юг и объявить войну США. В этой связи необходимо еще раз проанализировать деятельность разведывательной группы «Рамзай» под руководством Р. Зорге, которая оказала существенное влияние на развитие советско-японских отношений в период второй мировой войны, а в конечном итоге — и на ее ход и исход.

События на р. Халхин-Гол и пакт Молотова-Риббентропа

Начиная с середины 1938 г., в японском правительстве чрезвычайно усилилось влияние «квантунской группировки», представленной генералами Итагаки и Тодзио, которые требовали наращивания военных приготовлений против СССР, несмотря на войну в Китае. В начале 1939 г. по инициативе японцев активизировались переговоры Германии, Италии и Японии относительно заключения военного пакта. Японское правительство предлагало заключить пакт, по которому в любом варианте вовлеченности СССР в войну с кем-либо из союзников по «оси» следовало автоматическое подключение Японии к войне против Советского Союза.

Примерно в то же время (май 1939 г.) советскому руководству начала поступать информация о планах Германии в отношении Польши — о планировавшемся в сентябре захвате Данцига. Тогда же от группы Р. Зорге поступило сообщение о высказываниях германского ВАТ в Москве Кестринга: «Германия не имеет прямых интересов на Украине. В случае войны Германия с целью получения сырья захватит и Украину. Главный противник — Польша, затем — Украина». Это было одним из первых донесений советских разведчиков о вероятности нападения Германии на СССР.

На этом историческом фоне начались события на монголо-маньчжурской границе в районе р. Халхин-Гол (Номон-Хан-Бурд-Обо по-монгольски), которые из мелких стычек на границе в середине мая 1939 г. переросли в ожесточенные бои с применением крупных контингентов войск и тяжелого вооружения, в которых японские войска первоначально добились значительных успехов. Эти бои продолжались вплоть до сентября 1939 г. и завершились разгромом вторгнувшейся группировки 6-й японской армии. Положение на Дальнем Востоке стало очень напряженным, явственно обозначилась угроза войны. Квантунская армия изготавилась к новому броску.

Почему же не последовало приказа из Токио о переходе в наступление? Согласно прежней версии, существовавшей длительное время в

отечественной историографии, разгром японских войск в районе р. Халхин-Гол «отрезвил зарвавшихся японских милитаристов» и сорвал планировавшийся Западом «дальневосточный Мюнхен». Однако, как показывают новые документы, все было не совсем так.

Токио был в полной растерянности. Его ближайший союзник, с которым он связывал свои самые сокровенные планы и надежды, пошел на соглашение с его злейшим врагом: в Москве 26 августа был заключен советско-германский договор о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа). По донесениям Зорге и советского военного атташе в Японии, японское правительство было в шоке, ряд его членов стали обвинять Германию в предательстве и даже выступать за расторжение Антикоминтерновского пакта. Произошло охлаждение японо-германских отношений по всем линиям. Одновременно выявилось явное стремление Японии урегулировать японо-советские отношения на основе двустороннего договора о ненападении, отказаться от планов совместного с Германией выступления против СССР и вообще коренным образом пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза.

Рамзай и советско-японский пакт о нейтралитете

Большую роль сыграла информация Зорге в деле заключения советско-японского пакта о нейтралитете. В его донесении от 10 марта 1941 г., т. е. накануне заключения этого пакта, содержалась чрезвычайно важная информация, касавшаяся предстоявшей в то время поездки министра иностранных дел Японии Мацуоки в Германию, Италию и СССР. Перед Мацуокой была поставлена задача через личные беседы с Гитлером и другими нацистскими руководителями выяснить действительные намерения Германии в отношении Великобритании (руководители Японии опасались возможности англо-германского компромисса в случае, если немцам не удалось бы вторгнуться на Британские острова). Мацуоке были также даны большие полномочия в отношении переговоров с советским руководством. Р. Зорге сообщал, что хотя сам премьер-министр Коноэ не верил в возможность заключения с СССР пакта о ненападении, однако он надеялся, что «кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать». О том, насколько важной была эта информация, можно судить по резолюции на телеграмме начальника Разведуправления Ф. И. Голикова, обычно скупого на похвалу в отношении Р. Зорге: «Рамзаю ответ: «Ваши... (далее следовали номера радиogramм) имеют значение».

Сведения, полученные от Р. Зорге, наряду с другой информацией позволили советскому руководству просчитать ход переговоров с японской стороной и в конечном итоге заключить пакт о нейтралитете на весьма выгодных для СССР условиях (Мацуока в конце концов снял свое предложение, касавшееся продажи Северного Сахалина Японии).

Впоследствии этот пакт имел весьма существенное значение для победы СССР в Великой Отечественной войне, обусловив нейтралитет Японии в самые критические для нашей страны дни.

Нападение Японии на Перл-Харбор и «вина» доктора Зорге

После нападения Германии на СССР группа Р. Зорге сосредоточила свои усилия на добывании информации о военных планах японского правительства. С началом войны перед советским руководством встала дилемма: нападет Япония на СССР или нет? Поэтому донесения советских разведчиков из Токио приобрели чрезвычайно важное значение, особенно в связи со стремительным развитием немецкого наступления.

Японское правительство постоянно колебалось в выборе направления первого удара: Север или Юг? Еще 18 апреля 1941 г. Рамзай передал, что Отто (Х. Одзаки) «имеет некоторое влияние на Коноэ и других лиц и может поднимать вопрос о Сингапуре, как острую проблему». Поэтому Р. Зорге запрашивал, заинтересовано ли советское руководство, «чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура». Далее он сообщал, что имеет «некоторое влияние на германского посла Отта и может подталкивать или сдерживать его от оказания давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура».

Однако, Центр отреагировал резко и категорично, указав Рамзаю, что его основной задачей является сбор своевременной и достоверной информации. «Влиять и подталкивать Коноэ и других влиятельных лиц в Вашу задачу не входит и заниматься этим не следует», — сообщалось в ответной радиограмме.

Уже 28 июня от Р. Зорге поступила информация о принятии японским правительством решения начать наступление на Сайгон и временно воздержаться от выступления против СССР. Ходзуми Одзаки сообщил, что Япония выступит в том случае, если Красная Армия потерпит поражение.

В течение июля-августа Рамзай постоянно передавал в Центр, что, по сведениям Инвеста (Х. Одзаки) и германского ВАТа, Япония стремится занять выжидательную позицию в отношении советско-германской войны.

Критический момент наступил в середине августа, когда от Рамзая пришла шифровка от том, что «японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа». В связи с этим войска Дальневосточного фронта были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Однако, затем вскоре последовало сообщение о том, что руководители Японии медлят с выступлением против СССР в связи с сильным сопротивлением Красной Армии, ростом американо-японских противоречий и усилением экономической блокады Японии.

Между концом августа и серединой сентября произошли кардинальные изменения в позиции японского правительства. По данным Х. Одаки, оно приняло решение в 1941 г. не вступать в войну на стороне Германии. В Москву ушла шифровка: «После 15 сентября СССР может быть совсем свободен». В своих дальнейших сообщениях Р. Зорге подтвердил этот вывод конкретными доказательствами, которые дали основание руководству в Москве принять решение о начале массовой переброски войск с Дальнего Востока на Западный фронт.

На одном из последних донесений Р. Зорге, которое он прислал за 15 дней до своего ареста, его направлонец наложил резолюцию: «К учету. Поблагодарить Инсона за последнюю информацию. Колганов». 18 октября Р. Зорге был арестован японской контрразведкой.

ЖБАНКОВА Е. В. (Москва)

ИСКУССТВО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глубочайшая драма, пережитая человечеством в XX в., — нашествие фашизма и вторая мировая война — поставила историко-художественные процессы в самую прямую связь и зависимость от нее.

Тенденции эволюции мирового искусства в годы войны особенно четко прослеживаются на примере изобразительного искусства и кинематографа, основные направления развития которых были заложены еще в 30-е годы XX в. В это время утвердились фашистские режимы в странах Европы, стремившиеся поставить художественную культуру на службу официальной пропаганде и прославлению своих идеалов и власти, что заставило многих художников занять активную антифашистскую позицию, что в конечном счете и определило основное содержание произведений искусства почти во всем мире в 1939-1945 гг.

Эмиграция художников из стран, захваченных фашизмом, внесла изменения в демографию художественной культуры мира. Деятельность испанца Ф. Каудела в Мексике, а особенно немцев В. Гропиуса и Л. Мис ван дер Роэ в США существенным образом повлияла на развитие архитектуры этих стран. Художники «парижской школы», нашедшие в годы оккупации Франции убежище в США, способствовали постепенному превращению Нью-Йорка в международный художественный центр.

Выдающиеся деятели кинематографа Германии Ф. Ланг, Дж. Штернберг, Марлен Дитрих; Франции Р. Клер, Ж. Ренуар плодотворно работали в эмиграции.

Бегство от фашизма, неприятие его художниками, замкнувшимися в своем внутреннем мире, сберегавшем образы и духовные идеалы их творчества, явилось актом нравственного сопротивления фашистской агрессии.

Антифашистское сопротивление, предпринятое средствами искусства — такова программа, соединившая различных по эстетическим позициям художников, творивших в период второй мировой войны. В это время в искусстве стран Европы наиболее интенсивно развивается агитационное искусство плаката и политической сатиры (Д. Лоу в Англии, Кукрыниксы в СССР, Ж. Карлю во Франции и др.). В СССР создаются также капитальные произведения станкового искусства.

В области кинематографа наибольшее развитие получила хроника. В рядах французского Сопротивления сражались несколько кинооператоров; их документальные съемки вошли в картину Р. Клемана «Битва на рельсах» (1946).

Английские документалисты создали несколько фильмов об участии в обороне страны гражданского населения («Слушайте Британию», 1942; «Начались пожары», 1943).

Нападение Японии на Перл-Харбор вынудило и Голливуд откликнуться на войну. Режиссеры У. Уайлер, Ф. Капра и др. ушли в хронику. Участвуя в воздушных налетах, в боях в Африке, а затем и в Европе, они создали несколько серьезных документальных лент.

Советские кинематографисты увековечили войну с момента битвы под Москвой до взятия Берлина, составив документальную летопись Великой Отечественной войны, заключающей в себе более 3 млн. метров пленки.

Документальное кино явилось одним из самых мощных средств антифашистской пропаганды средствами искусства, но и художественная кинематография не осталась в стороне от военных событий. Она пополнилась рядом полнометражных лент антигитлеровской и антивоенной тематики («Радуга» (1941) СССР, «Седьмой крест» (1944) США).

В странах, захваченных фашизмом, образовалось целое искусство Сопротивления — художественное движение, наделенное активной политической действенностью и имеющее свои собственные особенности содержания и стиля. Это искусство является своего рода откликом на трагедию войны (автопортрет Ж. Вийона, 1942), воплощает в аллегорических композициях кошмары фашизма. Подобные произведения создают в эмиграции или конспиративным порядком немцы А. Франк, Х. Грундинг, австриец О. Кокошка, француз А. Фужерон, болгарин И. Бешков, поляк К. Дуниковский и др. В Италии Дж. Манцу создает композицию «Распяtie и генерал» (1939-1943), а Р. Гуттузо — посвященную памяти убитого фашистами поэта Ф. Гарсиа Лорки картину «Расстрел» (1939).

Характерной тенденцией искусства Сопротивления является творчество художников, обращающихся к мотивам народного искусства (распространившиеся нелегально гравюры греческого художника С. Василиу) и мастеров документально правдивой графики. Такие рисунки выполняют советский художник Д. Шмаринов, французский художник Б. Таслицкий

в Бухенвальде, а английский скульптор Г. Мур — в бомбоубежище лондонского метрополитена. Такие же произведения создают художники-партизаны Греции (В. Семерцидис), Югославии (Дж. Андреевич-Куи, Б. Якаи), формируя эстетические представления о мужественном, сильном человеке и о суровой действительности военного времени.

Искусство второй мировой войны в общем является органичной составной частью общей истории искусства XX в. В нем содержатся источники так называемого неореализма, образовавшего мощное течение в послевоенном искусстве многих стран мира и оказавшем сильное влияние на эволюционное развитие всей мировой культуры.

ПОЧТАРЕВ А. Н. (Москва)

ВОЕННО-МОРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И США В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Военно-морское сотрудничество СССР и США в годы второй мировой войны представляло собой сложное, многоплановое и неоднозначное явление.

С установлением в 1933 г. дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки были созданы предпосылки для становления советско-американских связей по многим направлениям, в том числе и в военной области. Однако ни по форме, ни по содержанию они не достигли своего пика в связи с ярко выраженным их прагматическим характером. Обе стороны преследовали прежде всего свои собственные цели и шли на контакты лишь до тех пор, пока ощущали их выгодность для себя, но не более. Ввиду того, что СССР и США представляли собой государства с разными социально-политическими устройствами, их политические приоритеты не совпадали. Со вступлением СССР и США во вторую мировую войну в 1941 году перед лицом общей для них угрозы в лице германского нацизма их военно-политические отношения достигли своего высшего уровня и приобрели форму сотрудничества, в том числе и в военно-морской области.

Советско-американское военно-морское сотрудничество таким образом представляло собой комплекс совместных мероприятий двух стран в ходе войны по подготовке своих флотов, а также отраслей военной экономики, обеспечивающих их нужды, в интересах победы над общими противниками в лице Германии и Японии.

Как система военно-морское сотрудничество СССР и США во второй мировой войне включало в себя основные виды и направления развития сотрудничества флотов двух государств и имела под собой общие политическую, экономическую и военно-стратегическую основы. Для достижения победы оба государства-союзника постепенно создали и соответствующие двусторонние структуры органов военно-морского со-

трудничества, включавшие в себя правительственные министерства, парламенты, администрации, управления, военные миссии и отделы, взаимодействовавшие между собой по военно-морским вопросам.

В обобщенном плане система советско-американского военно-морского сотрудничества включала в себя два основных вида сотрудничества: военно-техническое и боевое. В свою очередь, каждый вид сотрудничества имел несколько направлений своего развития, которые в течение военных лет имели различное содержание и соответствующие формы.

В этой связи следует особо подчеркнуть и отметить, что в годы войны в силу ряда причин (главными из них являлись: осознание руководителями обоих государств ведущей роли Советского Союза в войне с Германией и его слабые промышленные возможности в сравнении с США с их развитой военно-экономической базой и производственными мощностями) Америка, скованная лишь войной с Японией на Тихом океане, выступила основным источником предоставления помощи советской стороне. СССР же являлся в этот период больше получателем этой помощи, хотя и осуществлял ее в качестве обратного ленд-лиза тоже.

Юридической основой военно-технического сотрудничества флотов СССР и США послужили соглашения между двумя странами о торговле и кредитах, заключенные как до войны, так и с ее началом, и, главным образом, протоколы союзников о поставках ленд-лизовских грузов в Советский Союз и советско-американское Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессора, подписанное в Вашингтоне 11 июня 1942 года.

Анализ военно-технического сотрудничества Военно-Морского Флота СССР и Военно-Морских Сил США в годы войны показывает, что оно развивалось по следующим основным направлениям: военно-техническая помощь со стороны Соединенных Штатов в оснащении советского ВМФ (организация морских и авиационных поставок); помощь в подготовке и обучении личного состава советских экипажей боевых кораблей и самолетов; обмен военными специалистами и помощь в подготовке инженерно-технических кадров; обмен военно-технической информацией.

К примеру, только общее количество кораблей и судов, переданных США ВМФ СССР составило на 1.12.1945 г. — 517 ед. или 24,6% от количества кораблей и судов аналогичных классов, поставленных флоту отечественной промышленностью за годы Великой Отечественной войны (или 19,2% от кораблей и судов всех классов, произведенных в СССР до 9.05.1945 г. — 2694 ед). Это самый высокий процент среди других видов вооружения и боевой техники, поставленных в годы войны союзниками в СССР. К тому же необходимо подчеркнуть, что начиная с 1942 г. постройка всех боевых катеров, катеров-тральщиков, малых охотников и др. обеспечивалась в основном импортным оборудованием.

За годы войны около 14 тысяч советских адмиралов, генералов, офицеров и краснофлотцев прошло обучение в учебных центрах и шко-

лах ВМС США, что составило около 3,6% списочной численности личного состава действующих флотов ВМФ СССР (на 9.05.1945 г.). Полученные знания и навыки они умело использовали в боевых действиях с противником. Успехи советского Военно-Морского Флота в войне с Германией не могли не сказываться на самих Соединенных Штатах, так как это позволяло им перебрасывать часть соединений своих Вооруженных Сил, в том числе и ВМС, на другие ТВД. Кроме того, за счет обкатки своей техники и вооружения в боевых действиях на советско-германском фронте американские промышленники получали возможность совершенствовать их образцы и технологии производства, накапливать на поставках прибыли и использовать в оборонных целях советское стратегическое сырье, поступавшее по условиям ленд-лиза.

Другим важным видом военно-морского сотрудничества советского и американского флотов являлось боевое сотрудничество, развивавшееся по следующим направлениям: организация взаимодействия отрядов кораблей и судов СССР с ВМС США на маршрутах их переходов в порты и базы Советского Союза из Америки; деятельность советских военных миссий связи при американских штабах; обмен разведывательными и другими сведениями; оказание в ходе боев и по их окончании взаимной помощи в поиске, освобождении и обмене военнопленными и интернированными лицами.

Полномасштабное боевое сотрудничество реально имело все возможности развиваться непосредственно на Тихом океане с участием СССР в войне против Японии. Именно здесь были сосредоточены в годы войны основные силы американских ВМС, соприкасавшиеся с советским Тихоокеанским флотом. В течение 4-х военных лет политические руководители и представители штабов Вооруженных Сил обоих государств периодически вели подготовительную работу по вопросам организации военного сотрудничества в этом регионе, что не могло не сказаться на развитии этого процесса между ВМФ СССР и ВМС США с началом советско-японской войны в августе 1945 г. Скоротечность дальневосточной военной кампании и переход взаимоотношений двух стран в критическое состояние, вызванное обострением противоборства СССР и США за влияние в послевоенном мире, не позволили советскому и американскому флотам расширить рамки военно-морского сотрудничества. Более того, с окончанием второй мировой войны, когда мир втянулся в затяжное состояние «холодной войны» почти на пять десятилетий с атомным противостоянием СССР и США, именно их флоты стали в ней наряду с ракетными войсками и стратегической авиацией основными ударными силами соперничавших сторон.

Ныне опыт советско-американского военно-морского сотрудничества в годы второй мировой войны имеет непреходящее практическое значение и заслуживает внимательного изучения как специалистами, так и представителями наших великих народов.

Подсекция
**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

МОРКОВКИН Ю. М., ДОСИНА Н. В. (Ярославль)

**О РОЛИ СОВЕТСКОГО ТЫЛА
И ПОСТАВОК ПО ЛЕНД-ЛИЗУ
В РАЗГРОМЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

За 50 лет, прошедших с момента безоговорочной капитуляции фашистской Германии, в разных странах опубликовано большое количество работ по истории второй мировой войны. Среди них:

- 85-томная серия «Армия США во второй мировой войне»;
- 6-томное издание У. Черчилля «Вторая мировая война»;
- 80-томное издание в Великобритании «История второй мировой войны»;
- 96-томная «Официальная история войны в Великой Восточной Азии» в Японии;
- 10-томное издание «Германский рейх и вторая мировая война»;
- обширная мемуарная литература, авторами которой являются военные деятели США, Великобритании, Германии;
- многочисленные военно-исторические исследования, претендующие на объективное освещение событий второй мировой войны, вышедшие в этих странах.

Во всем этом потоке литературы наряду с объективными оценками имеет место и искаженное освещение истории второй мировой войны.

В последнее время участились случаи, когда и российские «историки», не нюхавшие пороха и не являющиеся специалистами в военном деле, изощряются в принижении роли СССР в войне, в извращении характера вооруженной борьбы на советско-германском фронте и причин поражения фашистской Германии.

Одним из направлений искажения исторических фактов является утверждение, будто поставки в СССР техники и продовольствия из США и Великобритании сыграли решающую роль в разгроме фашистской Германии.

Бесспорно, поставки из США и Великобритании сыграли важную роль в героической борьбе советского народа, которую он вел за себя и за своих союзников. Но дело в том, что основная часть поставок приходится на 1944-1945 гг., когда самые трудные месяцы войны были далеко позади. Даже гитлеровский генерал Меллентин отмечал, что в первые два года войны поставки из США и Великобритании мало влияли на соотношение сил на советско-германском фронте. (См.: Меллентин Ф. А. Танковые сражения 1939-1945 гг. — М., Изд. ин. лит., 1957, с. 291). А

английский военный историк Фуллер утверждал, что «... осенью 1942 г. экономическое положение России было отчаянным, и, если бы не постоянный приток англо-американских материалов через Архангельск, сомнительно, чтобы русские могли воспользоваться тем нелепым положением, в которое Гитлер поставил свои армии». (Цит. по: Против фальсификаторов истории второй мировой войны. Сб. статей. — М.: Воениздат, 1969, с. 27).

А между тем в период Сталинградской битвы поставки вообще были приостановлены. Союзники пытались объяснить это тем, что караваны судов, направлявшихся в СССР с севера, не могут быть защищены от противника. При этом У. Черчилль ссылался на трагическую судьбу конвоя «RQ-17», брошенного 4 июля 1942 г. по приказу Британского Адмиралтейства кораблями прикрытия. Мужественные английские моряки 24 транспортными судами из 34, погибшие в холодных водах Севера, стали жертвами политических комбинаций.

Возобновление поставок ставилось в зависимость от согласия Советского правительства на требования США и Великобритании о вступлении их войск в Закавказье. А правительство США, сверх того, требовало предоставления ему важных позиций в Сибири и на Дальнем Востоке.

Историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне была завоевана в основном с помощью отечественного оружия. Вот как выглядит соотношение производства вооружения промышленностью СССР и поставок из США и Великобритании за годы войны. (См.: Жилин П. А. Проблемы военной истории. — М.: Воениздат, 1975, с. 319):

Виды вооружений	Произведено в СССР	Поставлено из США и Великобритании	
		кол-во	в % к советскому произв-ву
Артиллер. орудий	489,9 тыс.	9,6 тыс.	менее 2%
Самолетов	136,8 тыс.	18 тыс.	около 12%
Танков и САУ	102,5 тыс.	10,8 тыс.	около 10%

В то же время следует признать, что поставки имели немаловажное значение, особенно в обеспечении войск и их тылов автотранспортом, нефтепродуктами. Из США и Великобритании было получено 401,4 тыс. автомашин и 2599 тыс. т нефтепродуктов. Но если говорить об общем объеме поставок, то он составил всего 4 процента к отечественному производству. (См.: Жилин П. А. Проблемы военной истории, с. 319).

Конечно, начало войны сложилось драматично для Советского Союза. Глубокое вторжение врага в пределы СССР сорвало планомерную мобили-

защиту людских и материальных ресурсов для ведения войны. На оккупированной территории до войны проживало 80 млн. человек, выплавлялось 71% чугуна и 58% стали, добывалось 63% угля, вырабатывалось 42% электроэнергии и находилось 47% посевных площадей государства. Потребовались титанические усилия, чтобы выйти из этого трудного положения. И уже в середине 1942 г. военное производство по сравнению с 1940 г. увеличилось на Урале более чем в 5 раз, в Поволжье — в 9 раз, а в Западной Сибири — в 27 раз. (См.: История военного искусства. — М.: Воениздат, 1966, с. 394).

И еще один знаменательный факт. СССР, имея в 3-4 раза меньше станков, металла, угля, электроэнергии по сравнению с Германией и своими союзниками, произвел за годы войны боевой техники значительно больше, чем фашистская империя и наши союзники:

— самолетов в 2,6 раза больше, чем Германия, в 1,5 раза больше, чем Англия и в 3,2 раза больше, чем США;

— бронетанковой техники больше соответственно в 3 раза, в 3,8 раза и в 6,3 раза;

— орудий и минометов больше соответственно в 4,1 раза, в 5,4 раза и в 7,7 раза. (См.: Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. — М.: Мысль, 1970, с. 185).

Жесткая централизация управления тоталитарного режима в экстремальных условиях играет позитивную роль в деле мобилизации людских и материальных ресурсов для нужд войны.

Неопровержимые исторические факты и статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что 50 лет назад Великая Победа досталась нам не благодаря поставкам по ленд-лизу, а главным образом — ценой героических усилий советского народа на фронте и в тылу.

ЛИМОНОВ Ю. А. (Санкт-Петербург)

ОБРАЗ АМЕРИКИ В СОЗНАНИИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В 1941-1945 гг.

«Америка», «США», «союзники» — понятия весьма популярные в русском обществе эпохи Великой Отечественной войны. Это вполне закономерно. Подавляющее большинство русского общества участвовало в войне или было к ней причастно. Подобный феномен — борьба против нацизма, был тесно связан с усилиями всей антигитлеровской коалиции, в которую входил ряд великих держав, в том числе и США. Как к Америке, к ее правительству, населению, армии относились в период войны русские, русское общество? Ответы на подобные вопросы во многом позволят определить имидж США в сознании русского человека периода второй мировой войны.

Решение поставленной проблемы базируется на исследовании ряда источников. Это газетная и журнальная пресса, публикации американской литературы, художественное и документальное кино, фотографии, и, наконец, воспоминания и высказывания. Необходимо учитывать, что восприятие обществом проблем, связанных с отношениями США к войне, с американцами, с общим обликом Америки проходит несколько этапов. Образ заокеанского союзника эволюционирует за годы войны в русском обществе.

Первая стадия восприятия обществом Америки — это создание имиджа союзника. Этот процесс датируется довольно точно от 24 июня 1941 г., когда Ф. Рузвельт заявил, что США предоставят помощь СССР и Вашингтонской Антифашистской Декларации (январь 1942 г.) примерно до ноября 1942 г. (до Сталинграда). В этот период действия США, их вступление в борьбу против нацизма было, естественно, воспринято русским обществом с воодушевлением. Объяснение этому простое. Больше союзников — больше силы, а следовательно, скорее победа, скорее заканчивается эта страшная война. Видимо, надо отметить факторы государственной политики, которые влияли на становление облика Америки. Это отношение к США официальной прессы, государственного радиовещания, документальной кинохроники. Указанные отрасли пропаганды и информации почти всегда давали образ Америки лояльно и даже доброжелательно. Во многом способствовало дружескому отношению к Америке у многих миллионов русских читателей публикации произведений американской литературы (Джек Лондон, Марк Твен, Теодор Драйзер). Они издавались массовым тиражом.

Начиная с середины 1942 г. наблюдается вполне закономерное стремление русского общества услышать об открытии второго фронта. Настроение общества выражалось вполне конкретным вопросом: «Когда же откроется второй фронт?» Постоянная критика, затем перешедшая в насмешку над союзниками, основывалась на очевидных фактах. Большая тяжесть войны, по мнению русского общества, ложилась на плечи России. Красная Армия сражалась с Германией один на один и в 1941, и в 1942, в период Сталинграда, и в 1943 г. во время Курской дуги, и в 1944 г., вплоть до высадки в Нормандии. Подобные оценки действий союзников и США не были поколеблены ни поставками по ленд-лизу, ни боями в Италии и Северной Африке. В этот период (1942-1944 гг.) напряженных между союзниками отношений имидж Америки во многом поддержала умелая пропаганда действий заокеанского соседа. Самое большое влияние на сохранение положительного облика Америки сыграла официальная пресса. Она выходила миллионными тиражами на протяжении 4 лет войны. Пресса регулярно, практически каждый день давала информацию о важнейших политических событиях в Америке, о боевых действиях американских войск, о союзнических контактах России и США.

Высадка союзников в Нормандии в 1944 г. во многом способствовала увеличению авторитета «Америки» в русском обществе. Эти акции англо-американских войск усилили симпатии к союзникам. Начался новый этап отношений в России к Америке (1944 — 1945 гг.). Каждый русский понимал, что военные действия во Франции приближают окончание войны, сохраняют большое число человеческих жизней. Даже временные неудачи союзников в Арденнах не поколебали в общем доброжелательное отношение русских к американцам. Именно с этим чувством относилась Россия к Америке, к США в праздничные дни победы 1945 г.

АЛЕКСАНДРОВ К. М. (Санкт-Петербург)

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ
(октябрь 1944 – 12.05.1945 г.)**

Только последние несколько лет дали первые попытки российских историков проанализировать один из важнейших пропагандистских постулатов советской историографии — мифологему о «невиданном морально-политическом единстве советского общества» в годы Великой Отечественной войны. Остается фактом, что в 1941-1945 гг. более, или, во всяком случае, не менее 1000000 советских граждан воевали в составе вермахта и Ваффен-СС. Один подобный факт уже заставляет если не пересмотреть, то хотя бы проанализировать вновь истоки, механизмы, факторы влияния этого невиданного в мировой истории «великого предательства». Хотя первые звонки, свидетельствующие именно о неблагополучности «морально-политического монолита советского общества», прозвенели еще в 1939-1940 гг. на советско-финляндском фронте, когда «внезапно» Особые отделы НКВД Союза ССР 8-й и 9-й армий выявили высказывания типа: «Наконец-то пришла пора рассчитаться с коммунистами за троих детей, потерянных в 1933 году» или «Дайте мне комиссара батальона, я его застрелю»¹.

Автор не имеет возможности ни в своем предполагаемом сообщении, ни в тезисах к нему развернуть полномасштабную картину того феномена, который западные историки именуют Обтекаемо Освободительным Движением народов России (ОДНР), а в отечественной историографии «РОА», «Власовским движением», и другими неверными терминологическими определениями. Поэтому нам бы хотелось сосредоточить внимание лишь на одном, немаловажном сюжете, который имеет важное значение для освещения всего процесса сотрудничества с Германией советских граждан, поскольку явился одновременно и кульминацией и концом Власовского движения, связанного с именем генерал-лейтенанта А. А. Власова, бывшего командующего 2-й Ударной армией и заместителя

командующего Волховским фронтом, взятого в плен 12.07.1942 г. немецким патрулем в дер. Туховечи, по доносу местного старосты. Вооруженные Силы КНР оказались логическим концом и для ближайшего окружения ген.-л. А. А. Власова, в лице ген.-м. Ф. И. Трухина, ген.-м. В. Ф. Малышкина и др, а также тех кругов вермахта, которые с июля 1942 года оказывали поддержку и покровительство Власовскому движению. (Впрочем, их конец наступил ранее — 20.07.1944 года после разгрома заговора ген. Л. Бека — полк. К. Ш. фон Штауффенберга, одного из главных организаторов и вдохновителей Власовского движения с немецкой стороны.)

Советские историки, при «изучении» феномена ОДНР допускали, на наш взгляд, две кардинальных, тактических ошибки. Во-первых, именуя все формирования в вермахте СС «власовскими», хотя первая русская часть под бело-сине-красным флагом и под командованием полк. И. К. Сахарова появилась на советско-германском фронте в июле 1941 г., когда 4-й мех. корпус ген.-л. А. А. Власова успешно контратаковал под Бердичевом. Во-вторых, используя для всех этих частей общий термин «РОА — Русская Освободительная Армия», которая никогда не существовала и всегда являлась фантомом. С 02.08.1942 года, когда ген.-л. А. А. Власов сделал свой выбор в плену до сентября 1944 года, когда начались практические мероприятия по созданию ВС КОНР с ген.-л. А. А. Власовым были связаны лишь ближайшая группа его единомышленников и «пропагандистские курсы» в Дабендорфе под командованием сначала ген.-м. И. А. Благовещенского, а затем ген.-м. Ф. И. Трухина. А картина с «инонациональными» формированиями складывалась следующая. К лету 1943 г. одиночками на штатных должностях в вермахте служило ок. 450000 человек из советских граждан. Офицерами вермахта было сформировано 90 полевых и 90 восточных батальонов, более 140 формирований уровня «взвод-рота», а также 176 общевойсковых и 38 строительно-охранных батальонов. К крупным частям относились Русская Национальная Народная Армия полк. В. И. Боярского (10000 чел.), 29-я штурмбригада Ваффен-СС «РОНА» (20000 чел.) бр. ген. Б. В. Каминского, 1-я каз. кав. дивизия ген.-м. Х. фон Панивица (18000 чел.), 3 отдельных каз. полка (ок. 8000 чел.), 600-й полк донских казаков подполк. И. Н. Кононова (ок. 3000 чел.), запасной полк «Центр» подполк. Яненко (ок. 4000 чел.), Калмыцкий кав. корпус, бригада СД «Дружина» подполк. В. В. Гиля, 1001-й полк абвера (ок. 6000 чел.) подполк. Б. А. Смысловского.

Добавим сюда 14-ю, 15-ю, 20-ю «интернациональные» дивизии Ваффен-СС, белый Русский Корпус ген.-л. Б. А. Штейфона на Балканах и прочие мелкие вкрапления типа Российского Народного Ополчения (РНО) в 59-й штурмбригаде Ваффен-СС «Валлония» в 200 чел. под монархическими лозунгами². В апреле 1943 года кап. РОА А. Родзевич разработал известную эмблему РОА, а к июлю 1943 г. все добровольче-

ские части получили свои нарукавные шевроны, особые петлицы и погоны на немецкой форме. Мифически они (кроме частей, подчиняющихся Главному Управлению войск СС) и образовывали некую РОА, которой не существовало.

Формирование частей, подчинявшихся непосредственно ген.-л. А. А. Власову и получивших название Вооруженных Сил КОНР, началось формально 21.11.1944, когда орготдел штаба ОКХ отдал приказ о формировании 1-й русской дивизии полк. С. К. Буняченко в Мюнзингене. Однако формирование любой воинской структуры начинается с создания штаба. Штаб ВС КОНР под руководством ген.-м. Ф. И. Трухина начал складываться с октября 1944 года и правильнее будет считать этот месяц датой рождения действительно Власовской армии. Кстати, всю практическую работу по формированию ВС КОНР вел ген.-м. Ф. И. Трухин, так как ген.-л. Власов был слишком занят в КОНРе, чей Манифест от 14.11.1944 стал политической декларацией Власовского движения³.

Реально ген. Трухин организовал 20 отделов штаба ВС КОНР, который выполнял по мнению Й. Хоффманна «функции военного министерства». В штабе служили 3 советских ген.-м., 27 полк. и подполк., 12 майоров и т. д. Большинство окончили Военную академию им. М. В. Фрунзе, а начальник оперативного отдела штаба полк. А. Г. Нерянин в 1940 г. блестяще окончил Академию Генерального штаба, и был, по мнению ген. Б. М. Шапошникова, «одним из лучших офицеров Красной Армии». Ген. Трухину удалось организовать действовавшую военную разведку и контрразведку, что особенно жестко было ему поставлено в вину на следствии в 1945-1946 гг. Формирование непосредственно ВС КОНР протекало вплоть до начала мая 1945 года. По состоянию на конец апреля 1945 г., согласно «Боевой ведомости», составленной полк. А. Г. Неряниным, состав ВС КОНР выглядел так: 1-я пехотная дивизия ген.-м. РОА С. К. Буляченко (22000 чел.), 2-я пех. дивизия ген.-м. РОА Г. А. Зверева (13000 чел.), 3-я, невооруженная, дивизия со штатами в 10000 чел. ген.-м. М. М. Шапошникова, запасная бригада полк. С. Т. Койды (7000 чел.), противотанковая бригада (1200 чел.), Военно-Воздушные Силы ВС КОНР ген.-м. РОА В. И. Мальцева в составе 1-го авиаполка, зенитно-артиллерийского полка, парашютно-десантного батальона и т. д. общей численностью в 5000 чел., офицерская школа ген.-м. РОА М. А. Меандрова, вспомогательные части, Русский Корпус ген.-л. Б. А. Штейфона (более 4500 чел.), Казачий Стан ген.-м. Т. И. Доманова (ок. 8000 чел.), Казачья группа ген.-м. А. В. Туркула, полк «Варяг» полк. М. А. Семенова, отдельный полк полковника Кржыжановского (всего более 5000 чел.), 15-й Казачий кавалерийский корпус ген.-л. Х. фон Паннвица в составе 3-х дивизий, 1 отдельного полка и корпусных частей (ок. 45000 чел.) и несколько мелких формирований численностью менее 1000 чел. Таким образом, общая численность ВС КОНР по оценке автора к концу апреля 1945 года составила более 133000 человек. Сюда необ-

ходимо добавить, что очень многие добровольческие формирования не-
мцы не передали под командование ген.-л. А. А. Власова¹, да и эти
оказались разбросаны очень далеко друг от друга, что стало залогом их
трагической судьбы.

На советско-германском фронте, и в истории ВС КОНР, главную роль
суждено было сыграть 1-й дивизии ген.-м. С. К. Буняченко. В феврале
1945 г. на Одере под Карлсбизе Ней-Левином состоялось 3 усилен-
ных взвода под общим командованием полк. И. К. Сахарова, ставшие
впоследствии основой 4-го пех. полка 1-й дивизии. 26.03.1945 г. вся 1-я
дивизия прибыла в группу армий «Висла» и вошла в состав 9-й армии
вермахта ген. Буссе. 13.04.1945 г. с 4.45 до 10.00. 2-й и 3-й полки под
командованием подполк. А. Д. Архипова и полк. В. П. Артемьева атакова-
ли советский плацдарм «Эрленгоф», продвинувшись в глубь советской
обороны до 800 метров. 16.04.1945 ген.-м. РОА С. К. Буняченко отка-
зался фактически подчиняться немецкому командованию и увел дивизию
маршем в Богемию. На рассвете 06.05.1945 г. 4 полка 1-й дивизии с
четырех сторон ворвались в Прагу и в боях, которые продолжались до
рассвета 08.05.1945 г., спасли город от разрушения и жизни многих
жителей восставшей Праги. В боях за город погибло ок. 300 власовцев,
а еще более 600 тяжелораненых были расстреляны «СМЕРШем» в май-
ские дни 1945 г.

В 12.00 12.05.1945 г. в буферной зоне между 25-м советским
танковым корпусом ген. Фоминых и частями 3-й танковой американской
армии ген. Паттона, ген.-м. РОА С. К. Буняченко распустил свою дивизию,
и этот день считается концом ВС КОНР, хотя в этот же день в
Южной группе ВС КОНР состоялся второй и последний выпуск офицеров
с вручением погон поручиков ВС КОНР.

Дальнейшая история власовских и казачьих частей ВС КОНР — это
история колоссальной трагедии десятков тысяч людей, получившей назва-
ние насильственных выдач, из лагерей Платтлинг, Форт-Дикс, Дахау,
Ландсхут, Лиенц, Обердраубург и др. Это тема отдельного разговора,
ждущая своих исследователей.

Примечания:

¹ Из доклада ОСО НКВД «О политико-моральном состоянии частей» —
Российский Государственный Военный Архив, Ф. 34980, оп. 5с, д. 18, л. 102.

² Личная картотека автора по формированиям ОДНР. Среди основных
источников — данные Р. Гелена, Й. Хоффманна, В. Г. Науменко, К. Черкес-
сова, Б. Мюллер-Гиллебранда, С. Стеенберга, а также — Центральный Архив
Министерства Обороны СССР (Российской Федерации), НСБ № 858, перио-
дика Русского Зарубежья («Борьба», «Посев», «Казачий вестник», «Часовой»
и пр.).

³ Впервые в России полностью опубликован в № 2 военно-исторического
журнала «Новый часовой» с источниковедческим комментарием.

⁴ Например: 1-я национальная армия ген. Б. А. Хольмстон-Смысловского, 599-я пех. бригада, Добровольческий полк № 700, 25 отдельных батальонов и т. А.

МАИН В. Н., проф. (Кострома)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТЫ В 1941-1945 гг.

Под натиском гитлеровской военно-политической машины в годы второй мировой войны рухнули многие общественно-политические системы. Как бы мы не меняли ныне свои ракурсы исследования, бесспорным остается одно: Советы рабочих и крестьянских депутатов в условиях военного времени оказались одними из самых жизнеспособных.

Взятый в предвоенные и военные годы курс на расширение их социальной базы, обращение к историческим традициям освободительной борьбы, значительно укрепили в нашей стране государственные органы всех уровней. Важной формой работы в этом направлении стало привлечение широких слоев отечественной интеллигенции в помощь Советам.

Опираясь на общественный актив, они смогли существенно расширить военно-организаторские, социально-политические возможности деятельности многих государственных учреждений, значительно подняли ее эффективность. Патриотизм, самоотверженное служение Родине, бескорыстие — эти и другие качества издавна присущие нашей интеллигенции стали движущей силой таких решающих акций, как военно-мобилизационная работа, формирование в кратчайшие сроки частей и соединений народного ополчения, общенациональная перестройка работы на военный лад, организация поточного выпуска новейших образцов вооружения и боеприпасов, военно-патриотическое воспитание советских людей и многое другое.

Значительная часть нашей интеллигенции, оставленная в тылу для выполнения работы по наращиванию мощности военного производства, не только расширила зоны сотрудничества с органами Советской власти, но и, воодушевленная идеями освободительной борьбы, возглавила целый ряд ее учреждений. Выдвижение ученых, инженеров, писателей, учителей на ответственные участки советской работы стало в годы Великой Отечественной войны направлением государственной кадровой политики, которое во многом разрушило военно-политические планы фашистских захватчиков. Это неоднократно признавалось как в секретных директивах верха оккупационным частям, так и в публичных выступлениях его лидеров в конце войны и после нее.

Как о важном стратегическом факторе войны о возросшем участии интеллигенции в деятельности советских государственных органов отзывался Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин на торжественных

заседаниях, посвященных военным годовщинам, Октябрьской революции и в целом ряде своих приказов.

Что было наиболее характерно для участия интеллигенции в работе Советов военного времени? Прежде всего отметим, что та ее часть, которая была избрана в состав депутатского корпуса, отличалась наибольшим чувством ответственности, высокой общественно-политической активностью в разрешении острейших военно-социальных проблем. Уровень работы депутатов — ученых, артистов, инженеров, учителей — со своими избирателями газета «Известия» 12 апреля 1945 г. определила следующей рубрикой: «Депутат — слуга народа». Все выступавшие в этом номере народные избранники, в том числе академик В. Образцов, профессор А. Нестеров и другие, рассказывали, что в течение войны они определили для себя такую меру ответственности, как систематическое проведение собеседований с теми, кто доверил им свое представительство.

Большинство депутатов из среды интеллигенции вели для себя в качестве обязательной такую практику, как систематический анализ через средства массовой информации, поступивших в их адрес писем, просьб и предложений избирателей. Причем, нередко оппонентами депутатов в тех же номерах и передачах по их просьбе выступали активисты делегировавших их округов. Это позволило, как отмечалось на сессии Новосибирского облсовета 12 июля 1943 г., большинство возникающих проблем решать в рабочем порядке, постоянно контролировать работу исполнительных органов по оперативной реализации принимаемых социально значимых применительно к условиям военного времени решений¹.

Многие местные Советы с целью повышения действенности и укрепления в годы войны зоны своего влияния применяли и такой ракурс своей работы, как кооптация взамен выбывших депутатов наиболее авторитетных ученых, учителей, специалистов производства. Для фиксации их полномочий в государственных учреждениях, при Советах, как это было в Саратовской области, создавали такие рабочие органы, как оргкомитеты².

Несомненной заслугой депутатов из среды интеллигенции, а также учителей, инженеров, врачей, которым в условиях военного времени доверили их статус, стало выдвижение больших общественно значимых инициатив, таких, как развертывание донорского движения, возрождение изб-читален, шефство над инвалидами войны, детьми-сиротами. Деятельность в рамках каждой из них повышала авторитет Советов как представительных органов власти.

Характерной чертой функционирования Советов как властных учреждений стало в годы войны широкое представительство интеллигенции на сессиях областных, районных и сельских Советов. Как правило их приглашали при этом не только в качестве экспертов по тем или иным

обсуждаемым вопросам, но и для того, чтобы помочь депутатскому корпусу раскрыть социальные резервы принимаемых постановлений.

Высокий социально-политический престиж, завоеванный в деле самоотверженного служения Родине и авторитет стали основой того, что четыре тысячи представителей интеллигенции, возглавив в годы войны постоянно действующие комиссии местных Советов, около 50 тысяч стали их специальными уполномоченными. Эта практика получила такое большое распространение, что факт участия в ней городской и сельской интеллигенции был в годы войны едва ли не одним из основных критериев при оценке действенности работы органов государственной власти³.

Констатируя эту тенденцию, газета «Правда» в передовой статье «Сельский учитель» 18 июня 1944 г. писала: «По ленинскому завету наш учитель — опора советского строя». А «Известия» этой проблеме посвятили в конце войны специальную редакционную статью: «Актив местных Советов»⁴. Сегодня, когда Россия, отмечая 50-летний юбилей нашей Победы, все еще находится на историческом перепутье, хотелось бы напомнить ее обюрокрачивающимся парламентариям, как важно было для их выигравших кровопролитнейшую войну коллег содружество с интеллигенцией. Тогда о нем с трибуны главного печатного органа законодателей страны говорили так: «На убедительный и сердечный призыв депутата всегда придет и врач, и учительница, и агроном и инженер».

Примечания:

¹ Государственный архив Новосибирской области, ф. 1020, оп. 2, д. 221, л. 27.

² Ванчинов Д. П. Военные годы Поволжья (1941-1945). — Саратов: Изд-во СарГУ, 1980, с. 60.

³ Горьковская коммуна. 1941, 14 ноября; Московский большевик. 1942, 18 ноября.

⁴ Известия. 1945, 7 марта.

ВОЛКОВА Е. Ю. (Кострома)

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Начало Великой Отечественной войны показало, что моральный потенциал советских женщин был высок. Он основывался на патриотизме, дружбе народов и вере в превосходство социализма. Этому способствовала и жесткая государственная идеологическая дисциплина в предвоенные годы.

Война требовала срочной перестройки всех форм работы общественных организаций и прежде всего в области идеологии. Массово-политическая работа среди женщин приобретала специфические черты. На

производство пришли тысячи домохозяек и школьниц, которые должны были в короткое время не только овладеть квалификацией, но и стать политически грамотными патриотками. Требовалось обеспечить достаточно высокий моральный тонус тружениц для обеспечения победы над врагом, «несмотря ни на что». Особое значение придавалось оперативности в изложении информационного материала, его наглядности. Поскольку в военных условиях сократились тиражи многих газет, было увеличено количество газетных витрин, стенных газет и многотиражек, развернулся выпуск боевых листовок, плакатов, «молний», лозунгов, чтобы женщины могли оперативно узнавать о текущих событиях. Важное место в устной пропаганде среди женщин отводилось радио.

Несмотря на резкое сокращение числа выпускавшихся изданий, продолжали выходить журналы «Работница» и «Крестьянка». Весь их материал, за исключением первых нескольких страниц, где публиковались постановления партии и правительства в отношении женщин, содержал ура-патриотические статьи о женских форумах, давались практические советы, а также статьи художественно-публицистического содержания, которые были рассчитаны на работниц и крестьянок с самым низким интеллектуальным уровнем.

Материалы газетных передовых статей оценивали роль женщин на производстве и в сельском хозяйстве, их вклад в патриотические начинания, а также содержали призывы к новым трудовым свершениям. Женщины знакомились с материалами конференций, совещаний партийных и советских организаций, резолюциями митингов и собраний, узнавали о новых починах. Но эти материалы не давали представления о действительном положении на производстве, в колхозах, в быту.

Трагическое развитие событий на фронте, обостренная тревога за близких-фронтовиков, определили перелом в сознании женщин буквально за дни. Вопрос о существовании государства задел патриотические струны всех тружениц. Поэтому, в начальный период войны многочисленные собрания обсуждали роль женщин в войне, намечали пути помощи фронту. В дальнейшем женские форумы стали делать акцент на заботу о детях, оставшихся без родителей (1942 г.), о семьях фронтовиков (1943 г.), о значении Указа от 8 июля 1944 г. об усилении охраны материнства и детства для тружениц тыла.

Проявлением высокой политической сознательности явились Всесоюзные антифашистские митинги женщин, где участвовали представительницы всех регионов страны. 7 сентября 1941 г. на первом из них в Москве был избран Антифашистский комитет советских женщин. Д. Ибаррури с восхищением говорила, что советские патриотки «являются нашей гордостью, гордостью своего народа, гордостью и примером для женщин всего мира»¹.

Особое воздействие оказывали на женщин празднование дня 8 Марта. По требованию ЦК ВКП(б) празднование выливалось в проведение

массовой политической кампании. На торжественных собраниях выступали секретари обкомов, райкомов партии, женщины-воины, героини трудового фронта и представители семей фронтовиков. Однако подобные крупномасштабные мероприятия давали разовый всплеск настроения. А трудиться до изнеможения надо было изо дня в день, бороться с лишениями, болезнями, преодолевать физическую и моральную усталость. Эту повседневную работу среди женщин проводили тысячи агитаторов. Однако, несмотря на резкое увеличение их количества, в целом качество работы было невысоким, так как большинство не имело достаточного опыта работы и профессиональной подготовки. Часто агитация проводилась поверхностно, слабо использовалась наглядность и печать.

В 1943-1944 гг. в массово-политической работе среди женщин получили распространение новые формы: возобновилось проведение политедней с участием руководителей предприятий и организаций, Эта форма была более эффективной, чем простые беседы или лекции, но руководству было трудно выкроить время для таких встреч, поэтому политедни были единичным явлением.

К концу войны агитаторы стали шире практиковать встречи с воинами-земляками, Героями Советского Союза, обмен делегациями.

Одним из направлений идеологической работы с женщинами являлось вовлечение их в ряды партии и комсомола. В целом по стране число коммунисток за войну возросло почти в два раза. Если на 1 января 1941 г. в ВКП(б) было 575853 женщины (14,9%), то к 1 января 1946 г. их стало 1033115 (18,7%)². Комсомольские организации тыловых районов страны приняли в свои ряды свыше 5 миллионов юношей и девушек³.

Массовое вступление женщин в партию и комсомол свидетельствовало, с одной стороны, об их высокой политической активности, их способности в экстремальных условиях укрепить свое самосознание. С другой стороны, миллионы рядовых коммунистов и комсомольцев, честных, искренне исполнявших свой гражданский и патриотический долг, сражаясь на фронтах и самоотверженно работая в тылу, подняли авторитет этих общественных организаций. Все это позитивно сказалось на морально-политическом состоянии тыла в условиях войны.

Итак, в годы Великой Отечественной войны главная направленность всей идеологической работы общественных организаций среди женщин заключалась в мобилизации их в активную борьбу с фашизмом, вовлечении в самоотверженный труд, всестороннюю помощь фронту, в создании мощного надежного тыла во имя победы над врагом. В массово-политической работе среди женщин достаточно быстро произошел перенос центра тяжести от репрессивных мер к разъяснению целей и характера войны, стремлению мобилизовать все силы тружениц на отражение врага. Однако партийные и комсомольские организации не всегда учитывали особенности женской психологии, не видели специфики работы с женщинами. Многие общественные организации ограничивались прове-

дением лишь крупных разовых мероприятий, мало внимания уделялось небольшим группам женщин, не придавалось особого значения их профессиональным и возрастным особенностям. С другой стороны, перед лицом смертельной опасности буквально за дни у самих женщин произошла психологическая перестройка, стремительно возросла их политическая активность, усилился интерес к событиям на фронте и в тылу. Женщины стали активными участницами политических мероприятий, проводимых партийными и общественными организациями страны.

Примечания:

¹ Правда. — 1941. — 10 сентября.

² Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. 1941-1945. — 2-изд., перераб. и доп. — М., 1979. — С. 111.

³ Великая Отечественная война: энциклопедия. — М., 1985. — С. 187;

Славный путь Ленинского комсомола: История ВЛКСМ. — М., 1978. — С. 357.

ДУНАЕВ Е. А. (Вологда)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Изучение исторических событий периода Великой Отечественной войны с точки зрения соотнесения социологического и нравственного подходов представляется достаточно актуальным. Необходимость обращения к материалам и документам, отражающим действия и поступки, нравственность или аморальность поведения людей в тот период возможна лишь с условием не осуждения, а стремления понять и сделать выводы для того, чтобы в нынешнем и будущем времени память истории помогала всем нам поступать в соответствии с этическими ценностными ориентациями.

Анализ материалов пленумов, заседаний бюро обкома ВКП(б), совещаний партийно-хозяйственного актива области, проходивших во время войны, письма с фронта и на фронт позволяют выделить некоторые факторы, во многом определявшие формирование «моральной упругости войск»¹, способствовали сохранению нравственных категорий в сознании людей как важнейших качеств личности.

Во-первых, любой труд, приближающий победу, считался престижным, хорошо трудиться — в общественном сознании отождествлялось с моральным долгом. Многочисленные примеры «стахановской работы», вахты двухсотников и трехсотников (то есть тех, кто выполнял нормы на 200 и 300 процентов), новых обязательств поднять выше производительность труда, освоить новые виды специальной продукции, досрочно выполнить производственные задания подтверждают тезис о том, что труд

являлся моральной категорией. Например, на заводе имени Нацфлота и эвакуированном Шлиссельбургском судоремонтном заводе освоили и приступили к изготовлению вооружения для Красной Армии: гранат РГД-33 и мин к ротному и батальонному минометам. На заводе имени Нацфлота количество стахановцев-двухсотников возросло с 40 человек в сентябре до 60 человек в ноябре. На ВПРЗ (Вологодском паровозо-ремонтном заводе) число рабочих стахановцев-двухсотников возросло до 347 человек, вместо 280 человек в сентябре. Таких примеров очень много и по Череповцу, по лесозаготовительным, транспортным, машиностроительным и ряду других предприятий области².

Необходимость решения любых проблем, помочь фронту в победе над фашизмом, приводила к тому, что даже по второстепенным, на первый взгляд, проблемам принимались постановления ЦК ВКП(б). Например, от 9 апреля 1943 года «О стирке и ремонте теплого обмундирования для Красной Армии».

Аналогичное решение было принято бюро обкома ВКП (б) и облисполкома с обязательными заданиями и отчетностью о выполнении, то есть труд каким бы сложным и, возможно, с нынешних позиций непрестижным ни был, он оставался нравственной категорией³.

Во-вторых, преодоление экстремальных условий военного времени возможно было лишь при наличии высокой ответственности за порученное дело, строжайшей дисциплине, осознании долга перед государством, обществом, коллективом.

Например, в телеграмме, подписанной Берией и Маленковым предлагалось в кратчайшие сроки построить дополнительно 5 аэродромов до 1 августа, 14 аэродромов до 1 сентября, 1 аэродром со взлетно-посадочными полосами до 1 октября. Дата ознакомления стоит 20 июля 1941 года. Руководство строительством возлагалось на УНКВД области. Предписывалось привлечь в порядке трудгужповинности населения сел и городов, транспорт, инженерно-технические кадры, квалифицированных рабочих, оборудование, инвентарь. Ответственность за строительство возлагалась на первого секретаря обкома, председателя облисполкома и начальника НКВД⁴. В данных сложных условиях, кратчайших сроках только высокая организация труда и дисциплина могли помочь выполнить задачу.

В-третьих, преодоление тяжелых испытаний, особенно для тружеников села, стало возможным благодаря осознанию необходимости и веры в конечную победу, в нравственную правоту своего дела. В условиях оккупации важнейших сельскохозяйственных регионов — Украины, Дона, Кубани основная тяжесть легла на области и регионы северной и средней полосы России, Сибирь. В то же время архивные материалы свидетельствуют о высокой оценке работы сельских тружеников тыла, где отмечается, что колхозы и совхозы снабжали без серьезных перебоев армию и страну продовольствием. При этом отмечается, что наличие колхозов и совхозов, широкой сети машинно-тракторных станций дали

возможность колхозному крестьянству на всей свободной территории не только сохранить на прежнем уровне посевные площади, но и значительно увеличить их.

В-четвертых, следует отметить бескорыщность в формировании Фонда обороны страны для производства вооружения и обмундирования. По состоянию на 21 ноября 1941 года в Фонд обороны поступило 9289 тыс. рублей деньгами, 16230 тыс. рублей облигациями, 1046 граммов золота, 36705 граммов серебра. Тысячи центнеров мяса, десятки тонн зерна, молоко, яйца и другие продукты сельского хозяйства были направлены тружениками села в Фонд обороны в первые месяцы войны. Для Красной Армии собирались теплые вещи: валенки, полушубки, фуфайки, ватированные брюки, шапки-ушанки, меховые рукавицы и т. п. — все это исчислялось десятками тысяч и отдавалось действительно с осознанием веры в доброе дело.

В-пятых, приоритет этических, духовных ценностей над материальными обусловил многие поступки, неосознаваемые нами до конца в хаосе современных суждений. В перестроечной и постперестроечной прессе иногда встречаются идеи о якобы тактических просчетах в оборонительных действиях по защите российских городов. Авторы материалов считают, что материальные и, прежде всего, людские потери были бы меньше, если бы без боя был сдан, например, Ленинград, по примеру западной Европы. Но в данном случае материальный (не всегда реально оцениваемый) и моральный аспекты вступают в противоречие. В этой ситуации не учитываются такие нравственные категории, как безграничная любовь к родной земле, готовность защищать ее, не жалея своей жизни, которые отличали большинство россиян, многих советских людей, откуда бы ни приходил иноземный захватчик.

В-шестых, в докладе «О текущем моменте» (1943 год) отмечается увеличение силы мощи Красной Армии, упрочение и сплоченность советского тыла, еще большее возрастание и укрепление дружбы народов нашей страны⁵. Эта фраза не была дежурным агитационно-пропагандистским призывом. Она действительно отражала реальность происходящих процессов как с точки зрения анализа статистических данных, так и с учетом нравственного аспекта, свидетельствующего об изменениях в сознании людей и выборе в ценностных ориентациях приоритета общего над личностно-национальным.

В-седьмых, огромное моральное воздействие и постоянная забота работников тыла отмечается в материалах, характеризующих их переписку с фронтовиками. За статистикой о количестве ведущих переписку (100 студентов Вологодского пединститута, 70 девушек кооперативного техникума, 26 рабочих судоремонтного завода, 40 человек стахановцев ВПРЗ и других) видится большая забота, взаимопонимание, человечность в осознании единства цели — Победы.⁶

Примечания:

¹Образцов И. В. Военная социология: проблемы исторического пути и методология. /Социологические исследования. № 1, 1994, С. 88.

²О работе партийных организаций Вологодской области в дни Отечественной войны. Отчет в ЦК ВКП(б). Вологодский областной архив новейшей политической истории. Фонд № 2522, оп. 3, дело № 61, с. 164.

³См. Вологодский областной архив новейшей политической истории. Фонд № 2522, оп. 6, дело 49, с. 47-48.

⁴См. там же. Фонд № 2522, оп. 3, дело № 62, с. 131.

⁵См. там же. Фонд № 2522, оп. 6, дело № 47, с. 78.

⁶См. там же. Фонд № 2522, оп. 6, дело № 50, с. 18;

См. Письма с фронта: (1941-1945) /Сост. П. А. Колесников, В. М. Малков. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979; Письма с фронта и на фронт: (Сборник /Сост. Н. И. Баландин, П. А. Колесников). — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.

ШКАРОВСКИЙ М. В. (Санкт-Петербург)

СМЕНА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В последние годы отечественные ученые впервые получили возможность изучать историю религиозной политики Советского государства, в том числе в годы второй мировой войны. Стали доступны фонды Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР в ГАРФ, уполномоченных этого совета в религиозных архивах, в том числе ЦГА СПб, ЦК КПСС в РУХИДНИ и т. д. Обширная документальная база позволяет адекватно представить все основные обстоятельства проблемы.

К началу войны Русская церковь в стране была почти полностью уничтожена. Но уже во второй половине 1941 г. отношение к ней постепенно меняется. Коренной поворот в государственно-церковных отношениях произошел в сентябре 1943 г., когда И. Сталин принял 3 архиереев, разрешил выборы патриарха, создание духовных учебных заведений, журнала патриархии и т. д. Причины его многообразны. Большое значение имела активная патриотическая деятельность духовенства и верующих, за 2 года войны церковь показала свою реальную силу в борьбе с фашизмом. Сыграло свою роль и обращение к русским национальным патриотическим традициям, стремление нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства. Ведь на оккупированной территории СССР произошел религиозный взрыв — открылось свыше 10 тыс. храмов. Повлияли и отношения с союзниками — Великобританией и США. Не случайно выборы патриарха совпали с подготовкой к Тегеранской конференции. Но внешнеполитические замыслы И. Сталина были гораздо более глобальными. С весны 1943 г. он начал разрабатывать планы создания

мировой державы. В этих замыслах церкви отводилась важная роль. 5 июня 1943 г. Сталин подписал секретное постановление ГКО, в котором религиозные организации впервые были отнесены к категории интересов внешней разведки.

Несмотря на снятие многих запретов, целый ряд обещаний власти не выполнили. Для Сталина было важным прежде всего создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой поставить церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему режима своей власти. Не случайно данную работу он в основном поручил Наркомату госбезопасности. Решение ключевых проблем религиозной политики Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались В. Молотов, а с 1946 г. К. Ворошилов, в ЦК ВКП(б) поочередно Г. Маленков и А. Жданов.

Советское руководство планировало использовать патриархию прежде всего в борьбе за раздел сфер влияния в Европе. Сталин понимал, что преодолеть идеологический барьер с ее народами будет неизмеримо легче, если прибегнуть к религии. Предполагалось активно воздействовать через восточно-европейские православные церкви. Кроме того с патриархией были связаны и более глобальные планы утверждения ее первенства в православном мире, превращение в своего рода «Московский Ватикан». Важной составляющей плана создания мирового религиозного центра в Москве являлась борьба с Ватиканом настоящим. Определенное значение имело и то, что во многих странах имелась паства Русской церкви. Советскому руководству представлялось возможным распространить свое влияние таким образом на добрую половину мира. На апрельской 1945 г. встрече Сталина с патриархом Алексием речь шла даже о сооружении в Москве специального православного центра с дворцом, типографией, духовными учебными заведениями и т. п.

Но определенное «благоволение» к церкви закончилось очень быстро — к концу 1948 г. Прежде всего повлияло резкое падение заинтересованности советского руководства к ее международным акциям. Потерпели крах все «средиземноморские» планы Сталина в Греции, Турции, Израиле. В основном завершилось выполнение патриархией своей «миссии» в Восточной Европе, там утверждались режимы «народной демократии». Явной неудачей закончились планы создания «Православного Ватикана» в Москве. И 28 октября 1948 г. Совет Министров отменил свое же августовское решение об открытии 28 храмов. С тех пор до смерти Сталина ни одна новая православная церковь в стране зарегистрирована не была. О военных заслугах Московской патриархии забыли быстро, но тот резерв прочности, который ей удалось создать в 1943-1948 гг. позволил выстоять еще несколько десятилетий скрытого вытеснения или откровенных гонений.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ И ФОРМЫ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Одним из наименее изученных, хотя очень интересных вопросов истории Великой Отечественной войны является церковная и религиозная жизнь на оккупированной территории СССР. До недавнего времени имелись лишь глухие упоминания в церковной печати об открытии храмов и монастырей в те годы, рукоположении и служении там духовенства, иногда появлявшиеся в некрологах. В атеистической литературе указывалось только, что храмы на оккупированной территории открывали сами немцы.

Недавно стали более широко доступны архивы, содержащие материалы по церковной истории 1940-х годов. Некоторые сведения можно почерпнуть из донесений руководителей партизанских отрядов. Партизаны старались также собирать газеты и журналы, издававшиеся на оккупированной территории под контролем немецких властей, и передавать их в штабы партизанского движения. Среди подобных изданий немало печаталось на русском языке. Библиография их также пока не составлена. Отметим, что на северо-западе СССР издавались газеты «Северное слово» (Таллинн), «За Родину» (Псков), «За Родину» (Дно), «Двинский вестник» и другие. Эти источники пока почти не использованы.

Как и любые издания, эти газеты прежде всего отражали идеологические установки режима. В частности, в них замалчивалось или искажалось положение на фронте, преувеличивались успехи германской армии и преуменьшались ее поражения, почти не упоминаются факты сопротивления оккупантам, нет никаких сообщений о расправах над гражданским населением. В то же время в каждом номере печатались антисемитские материалы, порой выглядевшие анекдотично (в заметке о жизни блокадного Ленинграда всерьез утверждалось, что на Невском проспекте ярко светится вывеска столовой, предлагающей «вкусные еврейские блюда»). Вместе с тем материалы, касающиеся текущих событий внутренней жизни: хозяйства, образования, культуры, в значительной степени отражают действительность. Большое место среди них отводится и религии.

К 1941 году на северо-западе СССР, как и по всей стране, почти не осталось действующих церквей. Еще хуже было положение других конфессий. Деятельность религиозных общин не могла выходить за рамки богослужения.

На оккупированной территории немецкое командование хотя и не проявляло инициативы в открытии церквей, но отнюдь не препятствовало местному населению возрождать их. Воспользовавшись этим, жители сумели за короткое время восстановить сотни церквей и даже иногда выстроить новые. Религиозным центром на северо-западе стал Псков. Открытие каждой церкви сопровождалось массовыми крещениями. Рели-

гиозная жизнь широко вышла за стены храмов: стали совершаться многокилометровые крестные ходы, освящались нивы и даже Чудское озеро. Туда, где не было храмов, приезжали священники для совершения треб. Во многих школах детям, родители которых этого желали, стали преподавать Закон Божий. Устраивались воскресные школы при храмах, создавались религиозные кружки, молодежные церковные хоры, священники обсуждали со школьниками вопросы повседневной жизни с точки зрения православной веры. Приходы оказывали большую помощь нуждающимся через различные благотворительные комитеты. В Пскове был организован церковный детский приют. В Пскове и Луге устраивались духовные концерты. В Пскове открылась иконописная мастерская, изготавливалась и церковная утварь. Возродилась и церковная печать: стал выходить журнал «Православный христианин», печатались церковные календари, был издан молитвослов. Использовалось даже радио: проводились религиозные передачи, а в Пскове транслировалось и пасхальное богослужение.

Оккупационные власти не препятствовали церковной жизни, пока она не противоречила их интересам. Они требовали, чтобы духовенство участвовало в «праздновании» годовщины начала войны и тому подобных событий. Вместе с тем оккупанты не останавливались и перед репрессиями: известны даже случаи расстрелов священников.

Возрождались и другие конфессии. В Гатчинском и Солецком районах открылись старообрядческие моленные. В Луге вновь стал действовать костел. В местах, где проживали ингерманландцы, возобновились лютеранские богослужения. А на окраине Пскова была открыта мечеть.

Однако, развитие церковной жизни было грубо прервано тем же немецким командованием, которое осенью 1943 года стало осуществлять насильственную эвакуацию мирного населения северо-запада России. Хотя многие из открывшихся в тот период церквей остались действующими и после изгнания оккупантов, религиозная жизнь на несколько десятилетий снова была ограничена.

КУТУЗОВ А. В. (Санкт-Петербург)

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

На Земле было много наводнений, однако, неизгладимый след в человеческом сознании оставил только Всемирный Потоп. В XIX-XX веках голод был нередким гостем в России, тем не менее блокада Ленинграда в последнюю войну оказала особое воздействие на сознание современников. Эта осада, самая кровопролитная за всю историю человечества, неизвестна большинству западных обывателей и зачастую непонятна иноземным исследователям.

Представители разных народов могут по-разному реагировать на экстремальные ситуации. Например, во время попытки захвата Японии татаро-монголами столкнулись друг с другом два совершенно не похожих взгляда на ведение боевых действий: японцы придерживались «бусидо» — кодекса чести самурая, а татаро-монголы — правил ведения степных войн, в ходе которых покоренная страна вырезалась вплоть до грудных младенцев. Если бы татарские историки того времени затеяли полемику со своими японскими коллегами, и те, и другие привели бы массу доводов, оправдывающих действия своей стороны.

Достаточно вспомнить, что Россия в силу своего географического положения находилась на границе между Востоком и Западом. Запад угрожал, несмотря на более «открытое» устройство, превосходством военных технологий, Восток — своей отсталостью и мощью. Постоянное положение между «молотом и наковальней», по меньшей мере одно опустошительное нашествие в столетие, отставание военных технологий и многое другое поставили альтернативу: выжить или покориться. Россия выжила, опираясь на практически неограниченные людские ресурсы и централизацию власти. Доказывать это не имеет смысла, ибо как только централизация уничтожалась, в стране наступало «смутное время». Для населения, жившего на территории России, такое положение дел вызывало дополнительные стрессовые нагрузки, коих не знала Европа. Только в XX веке европейские страны столкнулись с войной, в которой принимает участие все население, а не только профессионалы. Сразу же появилось «потерянное поколение». С этой точки зрения интересно обратить внимание на спор, который вели советские историки с «буржуазными фальсификаторами». Различные условия существования вызвали к жизни отличные друг от друга нормы поведения: на Западе не считалось позором сдать крепость неприятелю, если запасы провизии подходили к концу. В России такие «мелочи» в расчет не принимались. И, естественно, что кажется нормальным с одной точки зрения, вызывает удивление у другой стороны. Вероятнее всего основа споров о блокаде находится не в попытках обязательно что-либо фальсифицировать, а в жестокой цензуре, с одной стороны, и в различии традиций — с другой.

Во все времена существовали два основных типа общества: «открытое» и «закрытое». Интересно то, что в экстремальных для государства ситуациях и те, и другие идут по одному пути — через ужесточение контроля над деятельностью подданных, введение военного положения, строгую дисциплину. Принадлежность исследователя к тому или другому типу общества существенно влияет на изучение проблемы. На протяжении XX века понятие свободы научного поиска третирувалось в Советском Союзе так, как ни в одной из стран с развитой наукой. В изучении блокады Ленинграда мы можем выделить послевоенное влияние, связанное с т.н. «Ленинградским делом», специфическое влияние в годы «застоя», когда, несмотря на обилие изданной литературы, авторы должны

были о многом умалчивать, влияние годов перестройки, когда борьба за власть между демократами и коммунистами вызвала к жизни нездоровую сенсационность. Движение страны от «закрытого» общества к «открытому» позволило некоторым заняться механическим переносом западных норм поведения на анализ блокады Ленинграда. В результате появляются обезоруживающие своей наивностью обвинения Сталина в умышленной организации голода в блокадном Ленинграде¹. Политические игры достигли «апогея», когда ленинградские руководители военных лет были «уличены» в том, что нормы их снабжения несколько превышали пайки рядовых ленинградцев. Отметим, что, придя к власти, демократические лидеры первым делом обезопасили себя с точки зрения потребления, забыв обвинения «демократически настроенных» журналистов в адрес уже расстрелянного к тому времени ленинградского руководства. Правда, нормы поведения нарушали и все библейские цари, кроме одного, не говоря уже о простых смертных.

Как нам представляется, блокада Ленинграда во многом повторила традиции, складывавшиеся веками на территории России. Неповоротливость и просчеты центрального и городского руководства, допущенные в начальный период Великой Отечественной войны, тяжким бременем легли на плечи всех советских людей. Ленинград явился не только символом мужества и героизма, но и олицетворением той цены, которую советский народ заплатил за победу в войне. Когда цену узнали западные исследователи, волосы у них встали дыбом.

Примечание.

¹Чернов А. Смертный паек //Огонек. 1989. № 40.

ПЕТРОВА Е. С. (Санкт-Петербург)

КУЛЬТУРА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Теме «Культура блокадного Ленинграда», различным ее аспектам посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных историков. К настоящему моменту историческая наука располагает значительным фактологическим материалом по этой проблеме. Однако, при существовании множества монографий и коллективных трудов по истории различных направлений культуры в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, остается недостаточно полно и глубоко раскрыт ряд сюжетов. Изначально проблема концептуально не разрабатывалась, первоочередной задачей историков был поиск и введение в научный оборот новых данных. Следствием этого явилась некая ограниченность в выборе тематики исследований, в определении оптимального инструментария, в использовании богатого фактического материала. Одновременно, известная ограниченность методики исследования истории культуры периода войны не давала

возможности полноценного использования достижений других гуманитарных дисциплин, хотя значительное число аспектов проблемы находится именно на стыке различных наук.

К настоящему моменту возникла острая необходимость методологической разработки темы. Прежде всего необходимо детально изучить и проанализировать на имеющемся фактическом материале проблему соотношения таких понятий, как «война» и «культура», их внутреннюю взаимосвязь и противоречивость. По подсчетам исследователей за период 1600-1945 гг. было 129 войн между государствами (без учета колониальных войн). Каждая из этих войн несла человеческие потери и разрушения. Однако, одновременно практически каждая из них была сильным толчком извне для развития культуры, нашла в изменении культуры свое отражение. Любопытно было бы проследить, как проявлялась эта корреляция в зависимости от результата войны (победы или поражения). Используя данные таких наук, как социология, статистика можно наблюдать процессы внутренних сдвигов в культуре. Без этого невозможно воссоздать достоверную картину культурной жизни блокадного Ленинграда.

Нуждается в уточнении понятие «культура Ленинграда». По моему мнению, здесь необходимо учитывать своеобразие исторической судьбы Петербурга, а затем и Ленинграда. Молодой город (к началу войны прошло всего 238 лет со дня основания города), в течение 206 лет бывший столицей императорской России, в 1917 году начавший и переживший две революции, — Ленинград вызывал особые чувства у жителей всей страны. Врагом были захвачены многие древнерусские города и селения, несмотря на героизм и отвагу их защитников, Ленинград же, пережив почти 900-дневную блокаду, выстоял. В блокированном городе люди продолжали не только жить, но и работать. Культура, в самом широком своем значении, подразумевает под собой все то, что создано трудом, разумом и творческой энергией человека. К событиям культуры блокадного Ленинграда в равной мере относятся и создание эскизов будущего памятника Победы, и уборка улиц весной 1942 года. В большинстве своем, жители города смогли сохранить и культурное достояние города, и внутреннюю культуру индивидуума.

Важной и до сих пор дискуссионной является проблема использования патриотических национальных традиций в период войны. Если Октябрьская революция 1917 г. и следовавшие за ней насильственные изменения в культуре, целью своей имели уничтожение старых традиций, замену их новыми, революционными, то для периода Великой Отечественной войны характерен поворот к традициям и истории дореволюционной России. Степень использования этих традиций очень различна. В начале войны это выразилось в попытке возродить революционные традиции Ленинграда, как колыбели революции, в использовании имен популярных ленинградских лидеров (например, 1941 г., поэма Н. Тихонова «Киров с нами»). С течением времени очевидным становится поворот к традициям более древним. На страницах газет появляются статьи истори-

ков о выдающихся полководцах России. В 1942 г. широко пропагандировалась одна из героических страниц русской истории — 700-летие Ледового побоища. Для Ленинграда эта тема была вдвойне актуальной — ведь недалеко от города Александр Невский одержал победу над немецкими рыцарями. Любопытно, что широко пропагандируя этот факт, практически не упоминали о том, что и прах князя Александра Невского также находился в Ленинграде. (Причина этого вполне очевидна. С 1922 г. мощи святого благоверного князя были вынесены из Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры и переданы в Музей религии и атеизма). С другой стороны, на могиле А. В. Суворова в Александро-Невской лавре воины приносили присягу, памятник А. В. Суворову у Троицкого (Кировского) моста оставался открыт всю войну, воодушевляя воинов на подвиги. В народном сознании возник неповторимый образ самого Суворова как великого полководца и воина (что вполне соответствовало исторической истине), многие же факты верности монархической идее напрочь выпали из его биографии. Символично и обращение к петербургским традициям в форме переименований 1944 года, возвращении некоторым улицам и площадям Ленинграда их исконных наименований. Мера эта была также половинчатой. Названия были возвращены лишь некоторым центральным улицам. Многие же другие, даже идеологически неопасные, сохранили названия, полученные в 20-х годах. Примером здесь может быть улица Некрасова, до 1918 года — Бассейная; это была та самая улица, на которой жил «человек рассеянный с улицы Бассейной». Переименование известной с 1739 года Бассейной улицы в улицу Некрасова было странным и неразумным, тем более именем Некрасова названа улица в Невском районе, в Рыбацком. Оценка использования исторических традиций, выбора имен, событий и фактов русской истории представляется значимой в процессе изучения истории культуры периода Великой Отечественной войны.

Перечень проблем, требующих новых подходов, нового осмысления, новой системы «методологических координат», можно было бы продолжить, однако и упомянутые выше свидетельствуют о том, что вопросы истории культурной жизни блокадного Ленинграда имеют безусловные потенции к более глубокому и масштабному исследованию.

НЕЧЕПА В. Г. (Вологда)

ВОЙНА И ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

(продовольственное обеспечение населения Европейского Севера
в 1941-1945 гг.)

Исключительно острой стала в годы Великой Отечественной войны проблема обеспечения населения продуктами питания. В первые же месяцы военных действий страна лишилась многих плодородных сельско-

хозяйственных районов, где до войны производилось более половины всей продукции земледелия и животноводства. Огромное количество продовольствия направлялось в действующую армию, что также вело к значительному уменьшению рыночных фондов продовольствия, предназначенных для личного потребления населения. Согласно официальным данным, к концу войны уровень личного потребления продуктов питания на душу населения составил 60-65 процентов от довоенных показателей¹.

В районах Европейского Севера резкое обострение продовольственной проблемы было, в первую очередь, обусловлено острой нехваткой хлеба. К концу 1941 г. запасы муки и зерна полностью иссякли, — в гг. Соколе и Череповце, к примеру, их хватало лишь на 2-3 дня. Для предотвращения длительных перебоев с хлебом были предприняты срочные меры по регулированию распределения зерна внутри области. Так, в январе 1942 г. в г. Сокол зерно подвозилось из Грязовецкого и Лежского районов, а города Вологда, Череповец получали его из Чебсарского и Пришекснинского районов. Руководители Вологодского облисполкома стали обращаться за помощью в соседние области, а также выезжать в Татарию, Куйбышевскую области и другие регионы для форсирования отгрузки зерна для населения области².

Учитывая сложившееся положение на продовольственном рынке, местные органы власти призвали руководителей организаций и колхозов увеличить заготовки сельскохозяйственной продукции. Наряду с этим, сессия Вологодского областного Совета депутатов трудящихся (4-5 февраля 1942 г.) установила планы посева картофеля и овощей для всех торговых организаций (на 1 тыс. 358 га), учреждений народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, обличествпрома и других (общая посевная площадь составила 2 тыс. 337 га)³. По-существу, дело шло к тому, что многие организации и учреждения должны были получать большую часть продовольствия за счет собственной сельскохозяйственной деятельности.

Уже к началу 1942 г. в районах Европейского Севера значительно возросла смертность среди населения. В Тотемском районе, к примеру, она превышала рождаемость более чем в 5 раз, а смертность детей до 1 года составила более 50 процентов⁴. «Пахнет голодной смертью, едим куглинец, живу и дохлую конину, — писала мужу на фронт С. Федорова из д. Шестериха Тотемского района, — С государством еще не рассчитались, а зерна в колхозе ни грамма нет. Если государство не сделает помилования — погибнем с голоду ...»⁵.

Пища северян становилась все более скудной и малопитательной. Ее ассортимент чаще всего ограничивался хлебом, картофелем, некоторыми видами овощей и молоком. Данные о продовольственном обеспечении жителей д. Воробьево и Мигачево Кирилловского района, к примеру, свидетельствуют о том, что яйца в рационе питания отсутствовали пол-

нстью, а потребление хлеба уменьшилось в сравнении с 1940 г. в полтора раза. Сахар, колбаса и консервы, появившиеся на крестьянском столе до войны, теперь вовсе исчезли. Чай, за редким исключением, также не потреблялся⁶.

В сложившейся ситуации естественными оказались меры местных органов власти по разрешению продовольственной проблемы, которые были направлены на организацию нормированного снабжения населения основными продуктами питания, создание подсобных хозяйств предприятий и организаций, развитие коллективного и индивидуального огородничества, расширение системы общественного питания, а также поиск дополнительных местных и природных продовольственных ресурсов.

Несмотря на недостатки вводимой с 1941 г. карточной системы, она в определенной мере позволила обеспечить достаточно устойчивое распределение важнейших видов продуктов питания. В г. Вологде, к примеру, в годы войны снабжалось продовольствием по карточкам 43 тыс. 729 человек, в том числе 19 тыс. 643 рабочих, 3 тыс. 673 служащих, 10 тыс. 365 иждивенцев и более 10 тыс. детей⁷.

Сокращение централизованных продовольственных фондов потребовало принятия оперативных мер по развитию инициативы и самостоятельности предприятий, организаций и населения. Так, 12 декабря 1942 г. Архангельский обком ВКП(б) и облисполком, рассмотрев вопрос «О мерах по дальнейшему развитию подсобных хозяйств организаций и учреждений», потребовали от местных органов власти считать развитие подсобных хозяйств «важнейшей задачей»⁸. К концу 1944 г. подсобные хозяйства были созданы практически на всех предприятиях Европейского Севера.

Стремление населения к созданию собственных источников продовольствия способствовало в 1941-1945 гг. массовому развитию огородничества. В Архангельской области, к примеру, к концу войны свои огороды имели 124 тыс. 984 семьи, а посадки картофеля при этом занимали 4 тыс. 352 га⁹. Более полумиллиона жителей Вологодской области также полностью обеспечивали себя овощами, а полученный ими урожай картофеля при среднем размере огородного участка в 0,06 га составил в 1944 г. 590 кг на одну семью¹⁰.

Продовольственное положение населения Европейского Севера, а также анализ деятельности местных органов власти по его улучшению свидетельствуют о том, что в годы Великой Отечественной войны традиционные меры по заготовке сельскохозяйственной продукции и организации поставок из централизованных фондов, нормированное распределение продовольствия и развитие системы общественного питания сочетались с нетрадиционными мероприятиями по созданию подсобных хозяйств, развитию огородничества и активному использованию местных продовольственных ресурсов, инициативы и самодеятельности населения. Все это, безусловно сыграло существенную роль в продовольственном обеспечении населения Европейского Севера. Однако, острого

дефицита продовольствия на протяжении военных лет избежать не удалось, а количество потребляемых продуктов питания значительно уменьшилось.

Примечания:

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. — М, 1973 — с. 595.

² Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ) — ф. 2522. — оп. 3. — д. 480. — л. 4-5.

³ Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО) — ф. 1300. — оп. 1. — д. 512. — л. 13-15.

⁴ Там же. — д. 406. — л. 193.

⁵ ВОАНПИ. — ф. 2522. — оп. 6. — д. 69. — л. 34.

⁶ Проанализировано автором по данным: ГАВО. — ф. 1703. — оп. 1, — д. 170.

⁷ ВОАНПИ. ф. 2522. — оп. 6. — д. 394. — л. 8.

⁸ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). — ф. 2063. — оп. 1. — д. 1421. — л. 122.

⁹ ГААО. — ф. 2063. — оп. 1. — д. 1960. — л. 78.

¹⁰ ВОАНПИ. — ф. 2522. — оп. 6. — л. 394. — л. 28.

КУТУЗОВ В. А. (Санкт-Петербург)

**ИЗ ИСТОРИИ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА**

В годы Великой Отечественной войны шла не только открытая борьба, но и тайная война разведок и контрразведок. Причем по масштабам и ожесточенности как открытые военные действия, так и тайная борьба не имела себе равных в истории. Достаточно сказать, что на советско-германском фронте действовало свыше 130 вражеских разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов, более 60 школ по подготовке агентуры¹.

Учитывая то огромное значение, которое отводило в своих планах гитлеровское командование взятию Ленинграда, не менее четвертой части этих органов и школ работало против Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. В их числе было два территориальных органа абвера, три абверкоманды, 11 абвергрупп, 14 школ по подготовке шпионов, диверсантов, радистов и другие разведывательные и контрразведывательные органы врага². Им противостояли советские органы военной контрразведки и территориальные органы госбезопасности, работавшие в тесном контакте.

Особым отделам Ленинградского фронта посвящено значительно больше публикаций³, чем территориальным органам госбезопасности

Ленинграда. Здесь сыграло, видимо, свою роль то обстоятельство, что наряду с поиском настоящих врагов, отдельные сотрудники Ленинградского управления занимались и фальсификацией дел.⁴ Зная об этом, прежнее руководство управления не давало, по словам ветеранов, своих санкций написание книги.

Все вышеперечисленные публикации представляют прежде всего воспоминания бывших сотрудников военной контрразведки или очерки, рассчитанные на массового читателя. Отдавая должное воспоминаниям и авторам, сумевшим живо описать события, активными участниками которых им довелось быть, все же приходится отметить, что как в очерках, так и в воспоминаниях, речь идет прежде всего об отдельных эпизодах по поимке вражеских шпионов и диверсантов, успешным операциям по засылке в разведывательные органы противника, в его ближайший тыл наших разведчиков. Конечно, это важнейшие направления работы военной контрразведки, но они отнюдь не исчерпывают всей деятельности последних. Достаточно сказать, что за май-октябрь 1942 г. шпионы, вместе с террористами и изменниками Родины, составили всего 30% от общего числа арестованных особыми отделами Ленинградского фронта⁵.

Особые отделы НКВД были преобразованы из органов 3-го управления Наркома обороны и Наркоматат Военно-Морского Флота. «Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой зоне»⁶. — подчеркивалось в постановлении ГКО. С этой целью особым отделам предоставлялось право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела на месте. На следующий день, 18 июля, в войска пошла директива Л. П. Берия за № 169, 7, в которой задачи, возложенные на особые отделы, конкретизировались. Особый отдел Ленфронта руководствовался также в своей работе «личным указанием товарища Жданова и указаниями управления особых отделов НКВД»⁸. Заметим, что данное управление возглавлял В. С. Абакумов. А. А. Жданов как член ВС Ленфронта наряду с другими обязанностями осуществлял и контроль за деятельностью особых отделов фронта.

В ноябре 1942 г. в органах военной контрразведки Ленинградского фронта служило 1224 оперативных работника: включая особый отдел фронта, особые отделы 23, 42, 55, 67 армий, Приморской оперативной группы, Ленинградской армии ПВО, а также низовые звенья последних⁹. Возглавлял особый отдел Ленфронта старший майор госбезопасности А. С. Быстров.

Пристальное внимание сотрудники военной контрразведки уделяли «нацменам из восточных областей», лицам, ранее судимым, прежде всего за политические преступления, выходцам из окружения при сомнительных обстоятельствах, военнослужащим, чьи родственники находились на оккупированной территории или они сами ранее проживали в районах,

занятых противником, уроженцам западных областей, вошедших в СССР перед войной¹⁰.

Пристальный интерес к данным категориям военнослужащих вполне объясним. Однако сомнительные анкетные данные нельзя было абсолютизировать. Так, из 193 предателей, перешедших к врагу, убитых при переходе и арестованных за подготовку к переходу на сторону противника в октябре 1942 г. лишь 46 человек имели родственников на оккупированной территории¹¹.

Всего же с мая по ноябрь 1942 г. особорганами «изъято и арестовано шпионского, антисоветского и другого элемента» — 3275 человек. Из них, за шпионаж — 188, за диверсию и вредительство — 18, за террор и террористические намерения — 117, за изменческие намерения — 599, участников антисоветских групп — 56, за дезертирство и членовредительство — 319, за контрреволюционную пораженческую агитацию — 1710, за другие виды преступлений — 268¹². Таким образом, почти половину от общего числа арестованных составляли привлеченные за контрреволюционную пораженческую агитацию. Причем, во время войны это понятие трактовалось довольно широко, включая в себя и критику действий высшего военного командования. «Под тяжестью войны среди начсостава, состоящего на оперативном учете, — подчеркивается в докладе особого отдела Ленфронта, — проявляются капитулянтские настроения и суждения ревизионистского характера по вопросу организации и проведения боевых операций Ставки Верховного командования Красной Армии и учтено ряд высказываний о нецелесообразности защиты Ленинграда, что его лучше сделать свободным городом и т.д.»¹³. За эти шесть месяцев военные трибуналы рассмотрели следственные дела в отношении 2843 человек. 2805 из них были осуждены, в том числе к высшей мере наказания — 1342, к лишению свободы от 10 лет и выше — 8, от 5 до 10 лет — 1183, до 5 лет — 34, направлено на фронт — 209, применены другие меры наказания — 29¹⁴.

Эта статистика свидетельствует о суровости наказаний (почти 48% осужденных приговорены к расстрелу и около 43% — к лишению свободы от 5 до 10 лет). В то же время арест не означал автоматического вынесения приговора. Так, за шесть месяцев из-под стражи освободили 133 человека, в том числе особыми отделами — 96, военной прокуратурой и военными трибуналами — 38¹⁵.

Важно отметить, что на виновных, допустивших необоснованные аресты, налагалось строгое дисциплинарное взыскание, вплоть до того, что освободили от должности руководство особого отдела 123 стрелковой дивизии, как отмечается в документе, «арестовывается и передается суду Военного трибунала»¹⁶.

Помимо вышеназванных обязанностей в ведении военной контрразведки находилась заградительная служба. Всего за май-октябрь 1942 г. ею было задержано 5444 военнослужащих. Из них арестовано за дезер-

тирство — 304, расстреляно перед строем дезертиров по постановлению особых отделов — 56, передали материалы предварительного расследования в Военную прокуратуру без оформления арестов на 398 дезертиров, возвратили в свои части — 4396 военнослужащих¹⁷. Таким образом, вопреки расхожему мнению, подавляющее большинство военнослужащих, задержанных заградотрядами, возвращались по месту службы.

За полгода выявили в войсках фронта 855 членовредителей. Из них расстреляли перед строем по постановлению особых отделов — 36, арестовали с преданием суду Военного трибунала — 105, передали материалы предварительного расследования Военной прокуратуре на 714 человек.

Таким образом, за май-октябрь 1942 г., т.е. в тяжелейшие месяцы войны, через особые отделы Ленфронта прошло 3275 арестованных и 5444 задержанных военнослужащих, подвергнутых фильтрации, всего 8719 человек. Более всего особые отделы арестовывали (по порядку) за контрреволюционную, пораженческую агитацию, изменческие намерения, дезертирство, членовредительство, измену Родине и шпионаж. Вряд ли Ленинградский фронт был в этом плане исключением.

Примечания:

¹ Военные контрразведчики. Сост. Ю. В. Селиванов. М.: Воениздат, 1978. С.15.

² Армейские чекисты: воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. Сост. А. А. Богданов, И. Я. Леонов Л.: Лениздат, 1985. С. 4.

³ Помимо уже упоминавшихся книг, см.: В поединке с абвером: документальный очерк о чекистах Ленинградского фронта. 1941-1945. 2-е изд., исправл. и доп.— Л.: Лениздат, 1974; Чекисты Балтики. Сборник. (Сост. А. Л. Островский). — Л.: Лениздат, 1984 и др.

⁴ См.: Голованов Я. Палачи и жертвы «дела № 555» //Огонек. 1992. № 5.

⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (в дальнейшем — ЦГАИПДСП).-ф.24.-Оп.26.-Д.1323.-Л.152.

⁶ Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С.20.

⁷ ЦГАИПДСП.-ф.24.-Оп.26.-Д.1323.-Л.150.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л.109,167.

¹⁰ Там же. Л.150.

¹¹ Там же Л.141.

¹² Там же Ф.24.-Оп.26. Д.1323. Л.161.

¹³ Там же. Л.157.

¹⁴ Там же Л.154.

¹⁵ Там же -Ф.24.-Оп.26.-Л.1323.-Л.154.

¹⁶ Там же. Л.156.

¹⁷ Там же. Л.162.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ СЕВЕРНОГО ФЛОТА ПРОТИВ ВОЕННЫХ И ТРАНСПОРТНЫХ СУДОВ ПРОТИВНИКА

Не вызывает сомнения, что вопрос о потерях противоборствующих сторон в боевых действиях, занявший в последние годы значительное место в литературе о второй мировой войне, приобрел исключительное значение потому, что его решение дает ответ на очень важный вопрос о цене Победы или, переходя к специальной терминологии, об эффективности боевых действий Вооруженных Сил, в частности Военно-Морских Флотов.

Исследования по этой теме начались в конце сороковых годов в Германии (военным историкам хорошо известны справочники Гюнтера Штейнвега по торговому и Эриху Гренера по военно-морскому флотам), а с середины 50-х и в Советском Союзе. Литература с грифом «ДСП», рассекреченная в 1992 году, позволяет сделать вывод, что справочник по собственным потерям и по сей день не утратил своей научной ценности и может активно использоваться в научной работе. Справочник по потерям флотов противника имеет значительно более низкий научный уровень в том смысле, что практически единственными материалами противной стороны являлись вышеупомянутые работы Штейнвега и Гренера. Однако, он незаменим как вспомогательное средство при проверке зарубежных источников.

К сожалению, после 1959 года советские военные историки специально не занимались проблемой потерь в войне на море, тогда как на Западе только справочник Гренера выдержал более десятка изданий, не считая ряда работ иных авторов. Поэтому качественно новый этап в исследовании проблемы начался год-два назад, когда появилась возможность провести взаимную проверку сведений из источников разных стран. Такая работа по Северному морскому театру была проведена автором в содружестве с историком из Львова Богатыревым С. В.

В результате наших исследований получены следующие цифры потерь ВМС и торгового флота Германии (включая суда оккупированных стран). За 1941-1944 годы только в результате боевых действий противник потерял на Севере 4 подводных лодки, 28 сторожевых и 13 противолодочных кораблей, 12 тральщиков, 9 быстроходных десантно-артиллерийских паромов. Всего 66 единиц. Это практически совпадает с цифрой, обычно приводимой в нашей литературе (68 боевых кораблей), а с учетом некоторого числа кораблей, причина гибели которых пока точно не установлена, даже несколько выше.

Совсем иная картина складывается по транспортным судам. По официальным советским данным Северный флот потопил 192 судна тоннажом 530569 брутто-тонн. По данным исследования — 115 единиц, учитывая суда типа мотобот, суммарно около 200000 брутто-тонн. Кстати, аналогично обстоит дело и с числом поврежденных судов.

Эффективность боевой деятельности отдельных родов сил СФ следующая (в порядке убывания): авиация, подводные лодки (с незначительным отрывом от ВВС), минное оружие, торпедные катера и береговая артиллерия. Такое распределение характерно и для Советского ВМФ за войну в целом. Но при подчинении общим тенденциям есть и характерные особенности. Первое, это чрезвычайно высокая результативность действий торпедных катеров при их сравнительно малой численности по сравнению с другими флотами. Особенно впечатляющими выглядят расчеты по критерию «стоимость-эффективность»: на одну потопленную плавединицу всего 0,5 погибшего катера. Вторая особенность — достаточно высокая эффективность минного оружия, где на один потопленный корабль или судно расходовалось всего около сорока мин. Автор считает этот показатель наивысшим среди всех наших флотов, хотя окончательный ответ можно будет получить после завершения аналогичных исследований по Балтийскому и Черноморскому ТВД.

К сожалению, следует констатировать, что традиционно высокая оценка успеха подводных лодок Северного флота вряд ли соответствует действительности. По количеству потопленных транспортных судов они не превосходят показатели «южных» флотов. Правда, североморцы потопили почти столько же боевых кораблей, что и оба других флота, но в этом, увы, есть и свой минус. Начиная с 1943 года подводники топили в основном корабли охранения, не выполняя главную задачу — уничтожение транспортов. Нуждаются в серьезной корректировке и личные счета отдельных командиров подводных лодок.

Полезно обратиться к сравнению потерь сторон на Северном театре. Потери Северного флота в боевых действиях за всю войну составили 2 эсминца, 22 подводные лодки, 13 сторожевиков, 11 тральщиков, 9 торпедных катеров, 16 катеров типа «БО», «МО», СКА и КТЩ. Всего 73 боевых корабля. Кроме того погибло 92 вспомогательных и транспортных суда. Следовательно, общие потери противника были примерно равны. Северный флот потерял в пять раз больше подводных лодок, но зато уничтожил больше надводных кораблей противника. К тому же, все немецкие корабли были потоплены в результате активных действий, в том числе и активных минных постановок, а большинство советских подводных лодок погибло на оборонительных заграждениях.

В целом можно считать, что Северный флот — единственный из наших флотов, который имеет положительный баланс потерь в активных боевых действиях.

Авторы исследования ни в коей мере не считают свою работу законченной. Завершена работа с основным массивом печатной информации, то есть изданиями, непосредственно посвященными затрагиваемой теме. Теперь очередь за изучением вспомогательных материалов, как печатных, так и еще не опубликованных.

ВОЕННО-КОНСТРУКТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Военно-конструкторская деятельность в годы Великой Отечественной войны была весьма бурно и достаточно своеобразной. Она была предметом пристального изучения отечественных и зарубежных историков. Но несмотря на обилие фактологического материала основной массив работ, посвященных этому вопросу, оставляет возможность дальнейшего его изучения.

Большинство авторов не ставило перед собой цели проанализировать процесс в комплексе, выявить его формализующие признаки, характерные для данного периода.

Война поставила перед конструкторами военной техники весьма сложные задачи. В ее ходе проверялись довоенные теоретические концепции, расчеты и схемы, ставились и вырабатывались новые — и все это было усложнено трагическими обстоятельствами начального этапа Великой Отечественной, поэтому некоторые решения организационно-технического плана диктовались не столько их оптимальностью и перспективностью, сколько фактором времени и необходимостью иметь уже устаревшее, но еще адекватное задачам сегодня, нежели более прогрессивное и перспективное, но завтра.

Всем этим и объясняется весьма бурная конструкторская деятельность в годы войны. На ее протяжении было только принято на вооружение 5 образцов стрелкового оружия, 6 — наземной артиллерии, 3 — минометов, 4 — авиационных артиллерийских систем, 9 — танков и артиллерийских самоходных орудий и т.д. Все образцы оружия, принятые до войны, были модернизированы. Еще большее количество образцов вооружения и техники было сконструировано и испытано.

Война заставила отказаться от некоторых теоретических построений. Так не оправдались предвоенные взгляды на танки и их боевое использование. Излишнее усложнение номенклатуры образцов, деление танков на пехотные и крейсерские не нашло своего боевого подтверждения и на полях сражений рождалась концепция единого (основного) боевого танка. В артиллерии 107-мм пушка, на которую перед войной возлагалось столько надежд, не нашла своего места в основной номенклатуре орудий. В стрелковом вооружении война высветила совершенно новые аспекты проблем пехотного оружия. Старые достоинства превращались в недостатки, а недостатки — в достоинства. Великолепные баллистические данные систем под патрон обр. 1907 г. не могли быть реализованы за отсутствием целей на дальних дистанциях, а недостаточная деятельность и точность стрельбы пистолетов-пулеметов, перед войной послужившая причиной снятия их с вооружения, не являлась теперь определяющим фактором по сравнению с мощностью огня и маневренностью оружия.

В ходе войны в организации конструкторской деятельности появляются некоторые характерные особенности. Резко усиливается концентрация и централизация этой деятельности. Так, например, летом 1941 г. чертежи винтомоторной группы и стрелковой установки синхронных пушек ШВАК самолета И-185 М-82 конструкции Н. Н. Поликарпова были переданы в ОКБ А. И. Микояна, С. А. Лавочкина, А. С. Яковлева. Чертежи пистолета-пулемета конструкции И. К. Безручко-Высоцкого были распространены среди разработчиков стрелкового оружия в 1942 г. и позднее легли в основу принятого на вооружение ППС-43. В конце 1942 г. создается Центральное артиллерийское конструкторское бюро (ЦАКБ) под руководством В. Г. Грабина, с целью концентрации всех разработок артиллерийских систем и т.п.

Модифицируется влияние субъективного фактора на принятие решений. Если до войны он подчас являлся решающим и процесс его формирования не носил сколько-нибудь структурированного характера, то теперь определяющим являлись объективные данные, а не «мнение». Это ярко проявилось, например, при принятии на вооружение станкового пулемета СГ-43, авиационной пушки НС-37 и в некоторых других случаях.

Таковы некоторые формализующие признаки процесса военно-конструкторской деятельности в годы войны.

ЕВСТРАТОВА А. И., ЕВСТРАТОВ А. М. (Кострома)

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Военные годы — это период испытаний моральных и нравственных качеств нашей молодежи. В годы войны воплощением резко возросшей гражданской зрелости и общественно-политической активности молодежи оставался комсомол. ЦК ВЛКСМ в постановлении от 23 июня 1941 г. «О мерах по военной работе комсомола»¹ наметил основные направления работы молодежи в связи с задачами военного времени. Одним из направлений деятельности государственных, партийных и общественных организаций явилась социальная политика по защите прав детей и подростков. Война особенно сильно ранила сердца детей. За четыре года войны более миллиона ребят потеряли родителей². Война дала новую вспышку детской беспризорности. В августе 1942 г. ЦК ВЛКСМ специальным постановлением определил основные мероприятия комсомольских организаций по борьбе с детской беспризорностью³.

Составной частью программы социальной политики по отношению к подрастающему поколению была эвакуация детей из фронтовых и прифронтовых районов в тыл страны. К концу 1942 г. на восток страны было

эвакуировано 976 детских домов с 107 тыс. воспитанников⁴. Вместе с тем, в силу сложной военной обстановки, а подчас и недостаточной оперативности государственных и общественных организаций, миллионы ребят остались на оккупированной территории и пережили все ужасы фашистского режима.

К концу войны в пять раз выросло количество детских домов в Ивановской области⁵, в Ярославской области количество детских домов выросло в 12 раз, составив 302 детдома и интерната⁶. При активной помощи молодежи шло создание колхозных детских домов. В РСФСР за годы войны было создано 376 колхозных детдомов, из них пятая часть находилась в Тверской, Костромской и Ярославской областях⁷.

В суровые годы войны комсомольские организации Верхнего Поволжья приняли шефство над эвакуированными детьми из Ленинграда. Дети из Ленинграда прибывали в тяжелом состоянии. От недоедания они были настолько истощены, что не могли самостоятельно передвигаться. Их на руках выносили из эшелона, доставляли в эвакупункты, где их лечили, одевали в новое белье, кормили и поили. После отдыха их отправляли в детские дома и интернаты. Комсомольцы и молодежь оборудовали детские дома и интернаты, изготавливали мебель, заготавливали топливо, шили и стирали белье, делали игрушки, собирали среди населения теплые вещи и книги, вели переписку с родными ленинградских детей.

В июле 1943 г. в Вичутском районе Ивановской области открылся санаторий для подростков, прошедших дорогами войны. К концу войны через здравницу прошло 1500 подростков⁸.

В фонд помощи детям, родители которых погибли в годы Великой Отечественной войны, комсомол собрал 308 млн. рублей. На эти средства содержались 14 здравниц, 126 детских домов и сотни пионерских лагерей⁹.

Молодежь активно участвовала в «неделях» помощи семьям военнослужащих. В ноябре 1943 г. 17 тыс. юных ивановцев обследовали 200 тыс. семей фронтовиков области. 150 тыс. из них была оказана материальная помощь, трудоустроили более 2 тыс. жен, детей и матерей военнослужащих.

Молодежь села отчислила 200 тыс. трудней в фонд помощи семьям воинов¹⁰.

Молодежь текстильных предприятий Ярославской области отработала несколько выходных дней в фонд помощи детям и изготовила 250 тыс. метров ткани для пошива одежды детям фронтовиков, а также 198 тонн пряжи, которая пошла на выработку трикотажных изделий для детей¹¹.

Вместе с тем, анализ документов показывает, что хотя общими усилиями общественных и государственных организаций вопросы социальной защиты детей и подростков решались, — правового минимума социальной защищенности молодежи создано не было. Государство проявляло негуманное отношение к своим детям, используя их труд в про-

мышленности и сельском хозяйстве. Около 9 млн. детей трудились на производстве, при этом не имея социальной защиты¹².

Таким образом, одним из источников победы в войне явилась эксплуатация детского труда. Молодое поколение с точки зрения сложившегося стереотипа тоталитарного мышления рассматривалось как «трудовой ресурс». Согласно этой концепции основной целью общества объявлялся рост экономики, а обеспечение нормальных условий для жизни и труда рассматривались властными элитарными структурами лишь как средства ее достижения. Такое представление о молодежи и грубые расчеты на ее энтузиазм и романтику были господствующими во взглядах партийных, комсомольских и профсоюзных работников на протяжении всего советского периода развития. Цена массового энтузиазма поколения 20-30-х годов, которое выдержало смертельную схватку с фашистским агрессором, неизмеримо возростала в условиях неправового государства. От того, какие условия будут созданы для подрастающего поколения, его социальной активности, зависит — каким будет общество в последующий период.

Примечания:

¹Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ. -Т.2.— М., 1969.— С. 3-5.

²Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1975.— С. 327.

³Товарищ комсомол.— Т. 2.— С. 11-13.

⁴Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).— Ф. 5446.— Оп. 44.— Д. 613.— Л. 228.

⁵Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р. 2224.— Оп. 1.— Д. 115.— Л. 122.

⁷ГАРФ. - Ф. 5451. - Оп. 25. - Д. 1109. - Л. 13.

⁸Центр документации новейшей истории Ивановской области (ЦДНИИО). Ф. 342.- Оп. 2.- Д. 135. -Л. 111.

⁹Поступь юности: Очерки истории Ивановской областной организации ВЛКСМ (1918-1988 гг.). - Ярославль, 1988. - С. 171.

¹⁰ЦДНИИО.- Ф. 342.- Оп. 2.- Д. 269.- Л. 124.

¹¹Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИАЮ). - Ф. 594. - Оп. 33.- Д. 582.- Л. 131.

¹²Народное хозяйство в СССР. - М., 1956. - С. 190.

РАБИНОВИЧ М. И. (Смоленск)

ИСТОРИК У МИКРОФОНА

(из опыта распространения военно-исторических знаний
в передачах регионального радиовещания)

Приближающееся 50-летие Победы в Великой Отечественной войне может стать и, фактически, уже стало импульсом к усилению внимания общественности к одному из важнейших событий мировой истории.

Среди разнообразных средств удовлетворения этого интереса особое место принадлежит радио. Социологические опросы показывают, что для большинства наших соотечественников радио — главный источник информации, более важный, нежели телевидение, газеты или журналы. Есть основание утверждать, что с вздорожанием книг и периодических изданий значение радио возросло еще больше. Сказанное относится как к «центральному», так и к местному вещанию.

Нельзя не признать, что до последнего времени радио мало привлекалось к распространению исторических знаний. Не останавливаясь на причинах этого явления, заметим, что с приходом гласности в этом отношении намечались определенные изменения к лучшему. Зазвучали в эфире исторические рассказы для детей писательницы Ишимовой, радиовещание чаще стало откликаться на знаменательные исторические даты, редакции охотнее стали приглашать к микрофонам непосредственных участников событий, в том числе ветеранов минувшей войны. И все же радио (как, впрочем, и телевидение) еще слабо используется в распространении исторических знаний. И это в то время, когда интерес к истории отнюдь не исчезает, наоборот, едва ли найдется другая область знаний, которая вызывала бы к себе устойчивый интерес столь больших масс людей.

На ком же «вина» за такое положение? Думается, свою долю ответственности несут и работники радио, и люди, профессионально занимающиеся историей. При этом, однако, историки должны взять на себя большую часть ответственности. Инициатива и желание — вот что необходимо, чтобы ситуация изменилась — и радио стало еще более важным источником получения исторической информации.

В справедливости этого вывода убеждает опыт Смоленского радиовещания, в последние годы регулярно предоставляющего эфир историкам, краеведам, археологам. Автор данного сообщения периодически, раз в месяц, выступает по областному радио с передачей, которая называется «Журнальный мир». Преобладающей здесь является историческая тематика, что отражает профессиональные и личные интересы ведущего. Уже в первом выпуске обозрения в качестве главной декларировалась такая цель: систематически знакомить слушателей с содержанием научных, научно-популярных и популярных журналов и еженедельников. При этом автор исходил из простой посылки: и в прежние времена круг читателей

этих изданий был достаточно ограничен. В условиях же ухудшения ситуации с периодикой «мир журналов» стал еще более недоступен большинству читателей.

Подготовка к 50-летию Победы в Отечественной войне — серьезный повод для обращения к соответствующей тематике. В последние месяцы едва ли хоть один выпуск передачи обходился без военно-исторических сюжетов. Разумеется, автор и ведущий не ограничивался при этом «чисто» историческими изданиями.

Стоит пояснить: региональное радиовещание имеет свою специфику. Так, не обязательное, но желательное условие состоит в том, что передачи должны по возможности содержать в себе краеведческие материалы. Что касается Смоленщины, с недавних пор вновь ставшей пограничной областью, то ее военная история дает огромные возможности как для изучения, так и для популяризации соответствующей проблематики. При этом «местные» сюжеты позволяют нередко «выходить» на интересные темы как отечественной, так и зарубежной истории.

Разумеется, название передачи — «Журнальный мир» — обязывает придерживаться именно журнальных публикаций, однако автор волен привлекать и другие материалы, почерпнутые в научных монографиях, популярной литературе, архивных фондах, документальных фильмах, наконец, в собственном жизненном опыте. Замечено, что особый интерес вызывает у слушателей знакомство с документами, публикуемыми в последние годы на страницах журналов «Вопросы истории», «Родина» и приложениях к нему «Источник», «Российские архивы», «Военно-исторический журнал», «Военные архивы России».

В заключение хотелось бы перечислить некоторые сюжеты, затронутые в различных выпусках названной передачи.

Смоленское оборонительное сражение 1941 года («Отечественная история», «ВИЖ»), Смоленская наступательная операция 1943 года («ВИЖ», «Вопросы истории»), Катынская трагедия («Новая и новейшая история» и др.), деятельность советской разведки и контрразведки накануне и в годы Великой Отечественной войны («Армия», «Служба безопасности», «Родина», «Совершенно секретно»), вывоз культурных ценностей во время оккупации и проблема реституций (журнал «Библиография»), спорные вопросы истории второй мировой войны («Родина», «Отечественная история», «Честь имею» и др.), смоляне в отечественной науке и технике («Авиация и космонавтика», «ВИЖ», «Крылья Родины»), персоналии («Новое время», «Дружба народов», «Байкал» и др.).

И последнее. Нет нужды доказывать специфичность такого жанра, как беседа по радио. Не детализируя его особенности, ограничимся такими советами для намеревающихся продолжить это начинание. Беседа на историческую тему (включая, само собой разумеется, и «юбилейную» тематику) должна отличаться занимательностью, краткостью и выразительностью изложения, доступностью, строгим соблюдением грамматиче-

ских и орфоэпических правил. Желательно, на наш взгляд, чтобы излагаемый материал заключал в себе и некую интригу. Иначе говоря, необходимо искать и находить оптимальный вариант сочетания научности и популярности.

ЯЛЫНИЧЕВ И. Н. (Саратов)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
САРАТОВСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ**
(анализ новых источников)

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для советского народа и, в то же время, фактором, повлиявшим на историческое развитие отдельных регионов, краев, областей. Без изучения этих материалов сегодня невозможно правильно воссоздать историю нашей страны того периода, переосмыслить многие процессы ее дальнейшего развития. Особый отпечаток война отложила на судьбу Саратовского края, являющегося одним из крупных, как по территории, так и по экономическому и культурному потенциалу, центру.

Анализ документов тех лет показывает, что в экономике края происходили существенные перемены, с одной стороны, сходные, а с другой — во многом отличные от процессов, происходивших в стране, что несомненно повышает исследовательский интерес к данной проблеме.

Экономика Саратовского Поволжья в своем развитии прошла два периода. Первый, связанный с перестройкой ее на военный лад. Второй — работа сложного военного хозяйства. Здесь затянулся перевод народного хозяйства на военные рельсы развития до конца 1942 года, что обусловлено двумя этапами проведенной эвакуации, прифронтовым положением края. Сущность перестройки состояла в мобилизации трудовых, материальных и энергетических ресурсов для фронта и оборонной промышленности; в переводе предприятий на выпуск военной продукции, проведении мероприятий по эвакуации, к которой добавилось размещение крупных объектов, учреждений, организаций из западных районов Союза, занятых врагом. А также с мероприятиями, связанными с административно-политическим переустройством края; решением проблемы рабочей силы; изменением промышленно-производственного кооперирования; более широким применением в сельскохозяйственном производстве простейших машин и ручных орудий труда.

Во-вторых, если в промышленности страны в целом в 1941 — начале 1942 года наблюдалось падение уровня ее валового производства (Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945 гг. Краткая история, с. 569), то в Саратовском Поволжье был налицо непрерывный рост объема, усиление концентрации производства (ГАСО; Ф. 2052, оп.

13, д. 4, л. л. 16, 18; д. 28, л. 5). Шел рост промышленности и увеличение производственных показателей железнодорожного и водного транспорта. Одним из источников роста производства явилась жесткая экономия электроэнергии, сырья и материалов, замена дорогостоящих материалов более дешевым местным сырьем.

В-третьих, несомненное влияние на перестройку экономики в Саратовском крае оказала перестройка, проводимая в народном хозяйстве страны. В крае за годы войны не только удвоился объем валовой продукции, но и коренным образом изменилась ее структура. Главной отраслью промышленности стало машиностроение и металлообработка, доля которых с 30% до войны увеличилась до 69% в конце ее. Значительно поднялся уровень производства и таких отраслей, как швейная, деревообрабатывающая промышленности, удовлетворяющих нужды фронта. Самой важной особенностью структурных сдвигов явилось рождение в крае газовой промышленности.

В-четвертых, характерно, что рост промышленности происходил в более сложных условиях работы транспорта в сравнении с многими тыловыми районами страны. Парк вагонов железных дорог здесь значительно сократился при увеличении протяженности железнодорожного полотна на 500 км. Трампарк Саратова уменьшился почти наполовину, а количество грузовых автомобилей области упало в пять раз. Уменьшились водные, автомобильные и трамвайные перевозки. Однако благодаря высокой организации труда и дисциплины перевозки по железным дорогам, сохранившим на протяжении всей войны решающее транспортное значение, не сократились, а даже выросли.

Наконец, при общем трудном положении в сельском хозяйстве наиболее тяжелое положение сложилось в годы войны на юго-востоке страны, крупнейшим регионом которого являлось Саратовское Поволжье. Посевные площади сократились здесь в полтора раза. Урожайность упала почти в два раза (в 1943 году — в три раза). Поголовье общественного стада уменьшилось на одну треть, рабочих лошадей — на 60%, а свиноголовье — в 2,5 раза. (ГАСО, Ф. 2052, оп. 4, д. 294). Самым тяжелым сельскохозяйственным годом был 1943. Отлив рабочей силы, техники и животного тягла в армию и промышленность очень сильно ударили по Саратовской деревне. К сему следует добавить засуху 1943 года, интенсивную миграцию населения и прифронтовое положение края. Основные производственные показатели сельского хозяйства почти повсеместно упали. Однако, в 1944-1945 гг. был отмечен рост сельскохозяйственного производства, что стало возможным в результате изменения сельскохозяйственной политики правительства, местных органов власти: курс на повышение агротехмероприятий, укрепление материально-технической базы села.

Таким образом, анализ документов и источников позволяет сделать вывод, что в результате принятия мер в Саратовском крае в годы войны

был создан мощный экономический потенциал, внесший существенный вклад в боях за Сталинград, в общую победу советского народа над фашистами. При общем увеличении валового объема промышленного производства Поволжья в годы войны в 2,5 раза, военная продукция выросла в 9 раз. Объем продукции промышленности Саратовского края за этот же период вырос в 2 раза. Эти показатели выше союзных. Труженики села поставили государству: 260 тыс. тонн крупы, 162 млн. пудов хлеба, 8 млн. пудов мяса, 3 млн. пудов подсолнечника и многих других жизненно важных продуктов.

БАЛАНДИН Н. И. (г. Вологда)

ВОЙНА И ШКОЛА

(на материалах Европейского Севера 1941-1945 гг.)

В предлагаемом сообщении сделана попытка проанализировать деятельность школ Европейского Севера в 1941-1945 гг., показать вклад работников народного образования в общее дело победы над врагом. В пределах указанного района данная тема специально еще не исследовалась. Имеются лишь отдельные отрывочные сведения об участии учителей и учащихся в сборе теплых вещей, в уборке урожая, в шефстве над госпиталями и эвакуированными в очерках партийных организаций, в документальных сборниках и в ряде книг и статей Е. И. Овсянкина, А. Н. Александрова, В. А. Петровцева, В. А. Гостинцева, Н. И. Баладина.

Школа в условиях войны столкнулась с огромными трудностями, связанными с нехваткой учебной литературы, письменных принадлежностей, учебных помещений, топлива. В Вологодской области под госпитали заняли 128 лучших школьных зданий, в городе Архангельске — 11. Значительная часть учителей ушла на фронт.

С первых дней войны народное образование оперативно меняло направления, формы и методы работы. Весь учебный процесс и внеклассную работу учителя нацеливали на воспитание у детей ненависти к врагу, советского патриотизма, гражданской зрелости и любви к Родине. Уроки физкультуры стали составной частью военной подготовки. С 1942 г. в учебные программы был внесен курс военно-физической и начальной военной подготовки.

Важнейшим направлением перестройки школы явилось резкое усиление трудового воспитания учащихся. Школы практически перешли на самообслуживание. Во внеучебное время ученики работали в колхозах, МТС и на предприятиях. В целях подготовки к трудовой деятельности с 1941 г. во всех городских и сельских школах вводится новый предмет «Обучение сельскохозяйственным работам» с обязательной двухнедельной производственной практикой. Работники народного образования

Архангельской и Вологодской областей выступили инициаторами создания пришкольных участков по выращиванию овощей. Это ценное начинание поддержала газета «Правда» и рекомендовала его к широкому распространению по всей стране¹.

Несмотря на трудности военного лихолетья, партия требовала от школы, как и в мирное время, осуществления полного всеобуча. Известно, что в начале войны число учащихся резко сократилось². Местные партийные и советские органы совместно с учителями приняли действенные меры по возвращению выбывших учеников. Был проведен учет детей школьного возраста, создан фонд всеобуча, проведена работа с родителями. Часть учеников была возвращена в школы. К концу войны удалось сохранить, примерно, до 80 процентов контингента учащихся начальных классов³.

Всенародный лозунг «Все для фронта, все для победы» лег в основу всей работы школы. Учебный год в 1941 г. для учащихся и учителей начался с 22 июня, но не в классах, а на колхозных полях и фермах. На уборку урожая вышло более 100 тысяч вологодских школьников, заменивших мобилизованных отцов и братьев⁴. В 1942 году учащиеся школ северного края включились во Всесоюзное социалистическое соревнование работников сельского хозяйства. За 1942 год подростки от 12-16 лет в Архангельской области выработали более 4 миллионов трудодней, а в Вологодской области заработали почти 2895 тысяч трудодней и 60 тысяч рублей⁵.

Учащиеся и учителя активно участвовали в укреплении обороноспособности страны. Собирали металлолом, бумагу, лекарственные растения, заготавливали грибы, ягоды, а заработанные деньги переводили на строительство танков и самолетов. Учителя вносили в Фонд обороны часть зарплаты, сдавали теплые вещи, подписывались на военные займы, приобретали билеты денежно-вещевой лотереи. В апреле 1942 г. в адрес школ №№ 10 и 23 Архангельска, учащихся школы № 3 Молотовска поступила от Председателя ГКО и И. Сталина телеграмма с благодарностью за сбор средств на танки «Советский школьник»⁶. Подобные благодарности получили и учащиеся и некоторые школы Вологодской области.

Архангельская и Вологодская области, будучи прифронтовыми, приняли и дали кров многим тысячам эвакуированных, детским домам и госпиталям. Заботу о них наряду с советскими организациями взяли на себя также комсомольцы, пионеры и школьники. Повсеместно созданные тимуровские команды поделили зоны действия и постоянно шефствовали над семьями фронтовиков, эвакуированными, ранеными бойцами и детскими домами. Они собирали для них одежду, обувь, продукты питания, карандаши и бумагу, помогали заготавливать и разделять дрова, ремонтировать жилые помещения и дворовые пристройки. В госпиталях для выздоравливающих бойцов читали письма, книги, выступали с концертами, вязали носки, шили кисеты, стирали белье.

Примером подлинного гуманизма является бескорыстная помощь северян школам районов, освобожденных от гитлеровской оккупации. Посылки с одеждой, учебниками, тетрадями и карандашами из северных областей направлялись в адрес ленинградских и псковских, новгородских и калининских школ. Так, вологжане для своих юных сверстников из Тихвина зимой 1943 г. собрали 1,5 вагона учебников и учебных принадлежностей, 20 тысяч вещей и топливо⁷.

Народное образование несомненно выдержало испытание войной. Советское государство сделало все возможное, чтобы сохранить школы и их контингент. В труднейших условиях оно нашло необходимые средства на народное образование. Тем самым спасло целое поколение от безграмотности и создало для него благоприятные возможности дальнейшего интеллектуального роста, нравственного совершенства и трудовой закалки. Школа вела настоящее сражение за подрастающее поколение, за его будущее. Она оказала существенную помощь по мобилизации людских и материальных ресурсов страны на нужды фронта, для победы над врагом.

Примечания:

¹ «Правда», 1942, 3 марта.

² В Вологодской области контингент учащихся на 1 сентября 1941 года уменьшился по сравнению с 1940 годом почти на 30 тысяч. (Основные итоги народного хозяйства Вологодской области за 1940-1945 гг. — Вологда, 1946, с. 156-157).

³ Проблемы социально-правовой и культурной истории северного крестьянства (Советский период) Вологда, 1982, с. 72.

⁴ Очерки Вологодской организации КПСС. Северо-Западное книжное издательство, 1969, с. 490.

⁵ ГАВО, ф. 2360, оп. 1, д. 143, л. 148.

⁶ «Правда Севера», 1943, 24 апреля.

⁷ «Красный Север», 1943, 10 марта.

Секция
ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ
ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА И ЖЕРТВ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БОГОВА С. В. (Архангельск)

ВОЕННО-ПОИСКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
(сравнительный анализ деятельности красных следопытов
и поискового движения)

Великая Отечественная война дала толчок широкому развертыванию военно-поисковой работы среди школьников. Перед военно-патриотическим воспитанием в 40-е — 80-е годы ставились определенные задачи по воспитанию преданных борцов за коммунистические идеалы. Работа строилась на одностороннем пропагандировании героических страниц истории Великой Отечественной войны.

Одной из наиболее массовых форм реализации военно-поисковой работы было движение красных следопытов, которое включало следующие направления: встречи школьников с ветеранами, многостороннюю деятельность по собиранию информации о подвигах героев, изучение и оформление боевого пути частей Советской Армии, партизанских отрядов и т. п., создание школьных музеев и залов боевой славы, школьные уроки «Наш край в годы ВОВ», «Никто не забыт...», походы по местам боев с возложением цветов к монументам и обелискам, патриотическое воспитание в рамках начальной военной подготовки школьников.

Хотя движение красных следопытов не заостряло внимание на негативных моментах истории Великой Отечественной войны, некоторые направления их деятельности не утратили актуальности и для современного поискового движения: восстановлены страницы многих воинских соединений и частей, школьные музеи были хранителями многих ценных экспонатов, материалов, воспоминаний ветеранов.

Современное поисковое движение зародилось в 80-е годы, но не приобрело еще такого массового характера как красные следопыты. Оно развивалось за счет личной инициативы учителей местных школ или

педагогов внешкольных учреждений. Особенностью поискового движения был выход на конкретную работу с элементами романтики.

Современное поисковое движение пришло к необходимости критического анализа своей деятельности и обобщения опыта, накопленного за долгие годы. Многие педагоги, решающие задачи патриотического воспитания подрастающего поколения, пришли к выводу, что поисковая деятельность является одной из наиболее благоприятных форм деятельности. Всероссийский семинар педагогов-руководителей поисковых отрядов образовательных учреждений отметил необходимость обобщения конкретного опыта регионов и областей и создания единой комплексной концепции поисковой педагогики.

ГОРОБЧЕНКО В. А., ШИЛЬНИКОВ А. С. (Ярославль)

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ, ПОИСКОВАЯ И ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ РАБОТА ЯРОСЛАВСКОЙ ШКОЛЫ ЮНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Ярославская школа юных журналистов в середине 1980-х годов развернула поисковую работу по изучению истории Ярославского края и истории Великой Отечественной войны. Важным направлением краеведческой работы юнкоров-старшеклассников и студентов исторического факультета ЯрГУ стала история 234-й, 243-й стрелковых дивизий, сформированных в годы войны в Верхневолжье и сражавшихся с врагом на территории Калининской, Смоленской, Московской и других областей. Главной задачей поиска стало выявление и сбор неизвестных материалов и документов по теме. Были налажены связи с ЦК ВЛКСМ, партийными, государственными и военными архивами, историко-краеведческими и школьными музеями Ярославля, Костромы, Рыбинска, организациями ветеранов и их изданиями. Это позволило юнкорам и студентам-историкам изучить материалы местной и армейской печати (дивизионные газеты, боевые листки), личные фонды ветеранов войны (воспоминания, фронтовые дневники, письма). Личное знакомство с фронтовиками-ярославлцами помогло юнкорам и студентам-историкам организовать сбор, систематизацию и введение в научный оборот неопубликованных воспоминаний и записок, хранящихся в фондах и коллекциях музеев. Юнкоры и студенты оказали помощь в оформлении экспозиций школьных музеев и выставок, наладили в них регистрацию и хранение материалов¹.

Внимание к «белым пятнам» истории привело делегацию юнкоров в январе 1989 г. на учредительную конференцию Всесоюзного добровольного просветительского общества «Мемориал» (в настоящее время ЯрШЮЖ — коллективный член ярославского «Мемориала»). Тогда же юнкоры завязали переписку с западногерманскими архивами и организациями («Фольксбунд» — ФДК) Кельна, Арользена, Касселя, пытаясь выяс-

нить судьбу советских военнопленных. Предметом изучения юнкором стали исследования западногерманских историков (Беренс, Беме), мемуары и устные воспоминания депортированных и военнопленных немцев, расширялась организация поисковой работы (с использованием полевых, этнографических методов): опрос ветеранов войны и труда в городах и сельской местности, розыск служащих и работников лагерей и управления военнопленных. В ходе этой работы были установлены местонахождения некоторых лагерей, кладбищ немецких военнопленных, выявлена хронология пребывания немецких военнопленных на территории Ярославского края (1943-1944 и 1953-1954 гг.). Уточнен сложный этнический состав пленных (немцы, эльзасцы, судетцы, остзейцы, силезцы и эстонцы, а среди женщин-заключенных: немки, финки, эстонки и латышки). Первые лагеря немецких военнопленных были созданы в регионе в 1942-1943 гг. юд Череповцом. Позже группу лагерей организовали под Угличем и Рыбинском. Опросные листы (заполнялись немцами по возвращении в Германию) отмечают особо жесткий режим лагеря у Шексны под Череповцом. Именно юнкоры выявили существование под Рыбинском до 1953-1954 гг. лагеря-пересылки для отправки домой военнопленных и узников войны. Через этот сборный пункт прошли австрийцы, швейцарцы, голландцы, бельгийцы, французы, испанцы, югославы, греки, турки, американцы, датчане, норвежцы и т. д.²

В ходе поисковой работы внимание ЯрШЮЖ привлекла проблема детей-«остарбайтеров» и подростков — узников второй мировой войны, прошедших через фашистские и сталинские лагеря. Материалы о судьбах наших земляков, интервью с ними юнкоры опубликовали в 1993-1994 гг. в номерах одной из первой провинциальной детской ежемесячной правозащитной газеты «Школяр», которую с помощью областной администрации и спонсоров выпускает коллектив ЯрШЮЖ.

Приоритетным направлением работы юнкором остается сбор материалов о жертвах сталинских репрессий — ветеранах войны³. Юнкоры активно участвовали в подготовке первого и второго тома «Книги памяти», уточняли географию Ярославского ГУЛАГа, работали с меморатами⁴, совместно со студентами-историками ЯрГУ участвовали в раскопках и захоронении останков воинов Красной Армии, погибших на Новгородской и Смоленской земле. Итоги работы обсуждаются на ежегодных конференциях студенческого научного общества ЯрГУ, а юнкор-студентка Ольга Колобенина в 1994 г. стала стипендиатом Научно-исследовательского центра российского общества «Мемориал».

50-летие Победы Ярославская школа юных журналистов встретит активизацией работы в школьных музеях и новыми краеведческими исследованиями.

Примечания:

¹ Подробнее см. Шильников А. С. Юнкорское движение и поисковая краеведческая работа студентов-историков. // Историческое краеведение: вопросы преподавания и изучения. Сборник научно-методических трудов. — Тверь, 1991. С. 95-100; Зуева Л. Б., Шильников А. С. Источники по истории боевого пути 234-й и 243-й стрелковых дивизий. // Проблемы отечественной истории. — Ярославль, 1987. Депонир. ИНИОН АН СССР №34880 25 июля 1988 г.

² Подробнее см.: Шильников А. С., Горобченко В. А. Немецкие военнопленные на территории Ярославской области в середине — второй половине 1940-х годов (к вопросу о некоторых направлениях поисковой работы). // Проблемы истории СССР и Германии 20-40-х годов: Материалы научной конференции преподавателей исторического факультета и факультета общественных наук Ярославского и Кассельского университетов (15-20 апреля 1991 г.). — Ярославль, 1991. С. 96-104.; Шильников А. С. Немецкие военнопленные и узники второй мировой войны на Верхней Волге // «Минувшее, сливаясь с настоящим...» (Тихомировские чтения). — Ярославль, 1993. С. 90-91.

³ См.: Полякова Н. Мы тогда верили Сталину. Интервью М. Г. Мельникова, репрессированного в 1937 году. // Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Т. 2. Составители: Голиков В. П., Жохова Г. А., Коноплиц А. В. — Ярославль, 1994.

⁴ См.: Горобченко В. А., Шильников А. С. Поисковая и краеведческая работа ярославской молодежи во второй половине 1980-х годов. // Проблемы устной истории в СССР (Материалы 2-й научной конференции в г. Кирове 14-15 мая 1991 г.). — Киров, 1991.

СУДАКОВА И. Л. (Вологда)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ

В современных условиях духовного возрождения общества наиболее остро встает проблема актуализации общечеловеческих ценностей, являющихся фундаментом гражданской позиции личности. Как следствие возрастающего внимания к проблеме гражданского становления юношей и девушек, к вопросам подготовки молодого поколения, к активному участию в делах общества является поиск эффективных форм работы в этих направлениях.

Одной из таких форм являются раскопки, цель которых — поиск погибших воинов, оставшихся незахороненными на местах боевых действий или наспех засыпанных в окопах, воронках. Главным девизом поисковой работы является: «Ни одно имя героя не должно быть забыто». В связи с этим следует вспомнить нравственный принцип, четко сформулированный А. В. Суворовым — «Война не считается законченной, пока с почестями не захоронен последний солдат». Нельзя оправдать безразличие к памяти тех, кто в буквальном смысле даровал жизнь государству,

народу, заплатив за нее собственной. Возрождение духовных ценностей общества нужно начинать с возрождения памяти.

У истоков поиска в 50-е годы стоял Юрий Робертович Барановский, учитель, фронтовик, в юности воевавший в рядах 2-й Ударной армии. В 80-е годы поисковики перешли от любительских случайных раскопок к плановым работам, проведению целевых экспедиций. За период с 1988 по 1993 год были подняты и перезахоронены более 54000 останков солдат и офицеров, погибших при защите Родины, найдено 3000 медалей, установлено 2500 имен и фамилий солдат. Более 1300 семей узнали о судьбах своих родственников. Таким образом, поисковые отряды действуют в интересах создания Всесоюзной книги «Память», сокращая самый трудный ее раздел — трехмиллионный список пропавших без вести.

В Вологодской области действуют три поисковых отряда. Это отряд «Неизвестный солдат» из поселка Ботово Череповецкого района (руководитель В. Палаткин), «Долг» из Череповца (командир А. Скорюков), и «Поиск» из Вологодского пединститута (руководитель С. Трифанов). Вологжане участвовали в поисковых экспедициях в Смоленской, Новгородской, Московской, Вологодской и Тверской областях.

Работа сегодняшнего искателя воинских судеб делится на полевые раскопки и исследовательскую работу с историческими документами. Горькая правда о войне раскрывается через знакомство с боевыми донесениями, беседы с очевидцами, однако сами раскопки преподносят все намного страшнее и беспощаднее, чем документы.

Из дневника поисковиков (раскопки в районе Ржева): «Пошли копать блиндажи. В них 296 человек, сперва откачали воду, потом стали копать, доставали костяк за костяком, вперемешку с останками одежды, обуви. Одежда — истлевшие шинели, гимнастерки, редко-редко — носки из шерсти. Один раз валенки. Изредка офицерские сапоги. Как воевали? Ведь зима была? Нашли всего один диск от ППШ. Остальное — мосинские винтовки, 1891 года выпуска, пару раз РГД и патроны от противотанкового ружья — много».

Особенности воспитательного процесса во время поисковых экспедиций заключаются в целенаправленном воздействии на личность разнообразной деятельности, системы практических связей, деловых и личных отношений в группе сверстников и со взрослыми. Диалектика воспитательного процесса в них такова, что внешнее воздействие на личность условий, организации и содержания деятельности, общения, системы отношений, регулируемых этическими нормами, обеспечивают ответную реакцию поисковиков, выражающуюся в эмоциональных переживаниях, действиях и поступках. На основе взаимодействия с миром окружающих людей, вещей и останков воинов Великой Отечественной войны происходит осознание школьниками и студентами реальной действительности, в результате чего формируется личностное отношение к ней, рождаются

мотивы активных действий, общественные потребности, активизируется воля, мобилизуется энергия, что находит выражение в поведении человека. При этом определяющее значение в воспитательном процессе имеют не условия сами по себе, а взаимодействие личности с этими условиями, место человека в группе, отряде, его отношение к раскопкам, товарищам, самому себе.

В целом поиск помогает становлению молодых людей во всех отношениях — и в физическом, и в духовном, и в гражданском.

КОЛОТИЛОВА О. К. (Вологда)

МУЗЕЙ – СОБИРАТЕЛЬ, ХРАНИТЕЛЬ И ПРОПАГАНДИСТ РЕЛИКВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В собрании Вологодского государственного музея-заповедника среди коллекций по военной истории значительное место занимают материалы о вологжане в годы Великой Отечественной войны.

Формирование этих коллекций начиналось в период войны. В 1943-1944 гг. в результате собирательской деятельности музейных сотрудников в фонды поступили первые материалы о вологжане-фронтовиках и тружениках тыла: фотографии, письма, документы, личные вещи летчика, капитана П. Н. Козина, матроса М. А. Кузнецова., стахановца-лесоруба В. И. Ратникова и других.

Передача в музей комплекса вещей и документов И. А. Каберова положила начало коллекции материалов земляков — Героев Советского Союза.

Интересным дополнением материальных предметов стала портретная галерея вологжан — героев фронта и тыла, созданная художником А. М. Ширякиным.

Итогом сбора стала экспозиция «Великая Отечественная война», открытая в 1944 году и размещенная в 9 залах.

Работа по собиранию и изучению реликвий, раскрывающих вклад вологжан в победу над врагом, продолжается и сегодня.

Наиболее обширный и постоянно пополняемый фонд — «Вологжане-фронтовики». В настоящее время сформировано около 500 персональных дел с материалами о земляках, с оружием в руках защищавших Родину. Богатый исторический материал хранят личные фонды уроженцев края — Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, генералов и адмиралов, участников партизанского движения.

Наиболее интересными, с точки зрения наполненности подлинными документами, наградами и предметами военного времени, являются комплексы маршала И. С. Конева, летчиков М. П. Жукова и Е. Н. Преобра-

женского, танкиста И. И. Пименова, командиров партизанских отрядов А. А. Морщанина, В. И. Петрова и многих других.

С 50-х годов музей проводит широкую работу по сбору материалов о вологжанах — тружениках тыла, деятельности местных предприятий в годы войны, комплектуется образцы их военной продукции.

Отдельная коллекция документальных и вещественных памятников отражает одну из самых значительных страниц в истории края в военные годы — помощь блокадному Ленинграду. Сбор материалов о ленинградцах-блокадниках, эвакуированных в Вологду, продолжается музеем и в настоящее время.

О работе медицинского персонала госпиталей, расквартированных в Вологде, рассказывают документы, награды, личные вещи А. П. Цветкова — хирурга эвакогоспиталя №1184, Е. Гутерман — донора, сдавшего в годы войны 20 литров крови, А. В. Разумовой — ст. операционной сестры ВСП-312 и др. Среди недавних поступлений — «Истории» вологодских госпиталей, подготовленные работниками медицинских учреждений.

Комплектуя персональные комплексы участников войны, музей уделяет большое внимание воспоминаниям ветеранов, в которых порой можно найти неизвестные факты, детали военных операций, а главное — уловить атмосферу военного времени.

Неизменный интерес вызывает у посетителей коллекция военного обмундирования, оружия, которая формировалась путем поступления от участников войны, Ленинградского артиллерийского исторического музея, Центрального музея Советской Армии, Вологодского областного комитета ДОСААФ, Вологодской школы ПВО.

Своеобразной летописью войны являются плакаты, хранящиеся в музее. Всего их было создано более 800 наименований, а выпущено 34 млн. экземпляров. Военные плакаты издавались в годы войны и в Вологде. Один из них «Силуэты самолетов Германии» был выпущен в связи с налетами фашистской авиации на Северную железную дорогу в 1941 г. Об основных событиях войны убедительно рассказывают «Окна ТАСС». Среди художественных произведений военного времени особенно дороги вологжанам работы нашего земляка, народного художника СССР Алексея Федоровича Пахомова, которые были получены от родственников художника. В осажденном Ленинграде художник создал серию фотографий «Ленинград в блокаде», за которую был удостоен Государственной премии СССР.

Вологодская кружевная артель передала музею кружевное панно «Орден Победы», выполненное по рисунку московского художника А. А. Кораблевой вологодскими кружевницами.

Собранные, научно обработанные экспонаты являются основой для создания экспозиций и выставок.

В 1990 году в музее открылась новая стационарная выставка под названием «Вологжанам-фронтовикам и труженикам тыла посвящается»,

на которой представлено более 2000 различных экспонатов и которая достаточно полно отражает тему вклада вологжан в Победу над фашистской Германией. К 50-летию Победы эта выставка будет существенно дополнена материалами из фондов музея, а также документами, представленными Государственным архивом Вологодской области и архивом новейшей политической истории.

ПОСТНОВА Р. А. (Череповецкий район)
**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
ПОИСКОВОЙ РАБОТЫ ШКОЛЫ**

В Абакановской школе поисковая работа осуществляется через работу штаба, созданного на базе зала боевой славы. Поисковые отряды формируются на базе классных коллективов. Основные направления поисковой работы:

1. Сбор материалов о земляках — Героях Советского Союза и лицах, награжденных орденом Славы трех степеней. Материал собирается о героях — уроженцах Череповецкого района в ныне действующих границах. Более подробно материал собран о Героях Советского Союза, уроженцах Абакановского сельского Совета, Жукове Михаиле Петровиче, Костромцове Петре Степановиче.

Жуков М. П. родился в 1917 году в д. Ружбово, окончил Покровскую начальную школу и Шухободскую профессионально-техническую школу. Перед войной работал в Ярославле на шинном заводе и одновременно занимался в аэроклубе. В 1938 году поступил в военно-авиационное училище. В 1940 году Жуков окончил училище, получив военную специальность летчика-истребителя. Истребительный авиационный полк, в котором служил Михаил Жуков, с первых дней Великой Отечественной войны прикрывал Ленинград от ударов фашистских стервятников. 29 июня 1941 года М. П. Жуков вступил в поединок с фашистским асом, заставил его прижаться к земле и на пикирование зашел в Псковское озеро. Он совершил более 280 боевых вылетов, участвовал в 66 воздушных боях. О его подвигах неоднократно писали фронтовые газеты, ему посвящали стихи. Вот одно из них:

*Дойдет легендой славною до внуков,
Как в поединке выше облаков
Наш сокол, вологжанин Жуков,
Бросал на землю коршунов-врагов.*

Героическая, полная горения и страсти жизнь бесстрашного сокола Михаила Жукова оборвалась осенью 1943 года, он выполнял задачу по

прикрытию наземных войск. Земляки чтят память героя. Его имя носит СПТУ №41 в п. Шухободь, одна из улиц г. Череповца.

Абакановскую среднюю школу окончил Петр Степанович Костромцов. Он родился в 1914 году в с. Никольское. В 1929 году окончил Абакановскую школу крестьянской молодежи и поступил в Череповецкий педагогический техникум. После его окончания работал учителем Привалинской и Алексинской начальных школ Череповецкого района, а затем работал в семилетней школе с. Заборье Ленинградской области. В 1939 году был призван в ряды Советской Армии. Участвовал в финской и Великой Отечественной войнах, воевал под Сталинградом, Харьковом, Полтавой, освобождал от немецких захватчиков земли Западной Украины и Белоруссии. Исключительную доблесть и отвагу проявил ст. сержант Костромцов при освобождении г. Вильнюса. 8 июля 1944 года войска 3-го Белорусского фронта прорвали укрепления противника, окружили крупную группировку его войск и через 5 дней ликвидировали ее. В этих боях особенно отличилось отделение связи под командованием сержанта Костромцова. Костромцов несколько раз, рискуя жизнью, под перекрестным огнем соединял порванные осколками мин и снарядов провода. За образцовое выполнение боевого задания Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года ст. сержанту Петру Степановичу Костромцову присвоено звание Героя Советского Союза. В сражении за город Пасвалис Литовской ССР Петр Степанович погиб. В этом городе воину сооружен мраморный памятник. Имя героя носила пионерская дружина нашей школы, его именем названа центральная улица нашего поселка. В свое время были установлены контакты со школой, посещающей имя П. С. Костромцова в г. Пасвалис, где похоронен наш земляк. Учащиеся школы встречались с сестрой П. С. Костромцова. Установлена переписка с сыном и дочерью. Группа учащихся школы выезжала в г. Пасвалис.

2-е направление: земляки — участники Великой Отечественной войны.

Каждый класс получил задание — собрать материал об участнике Великой Отечественной войны, оставшемся живым. Собранный материал оформляется в виде альбомов, «раскладушек», оформляется на стендах в зале боевой славы.

Очень интересный материал собран о Кукушкине Василии Ивановиче. Это один из семнадцати воинов, повторивший подвиг панфиловцев в бою под Старым Осколом во время Курской битвы, 17 воинов сдержали натиск вражеской колонны, состоявшей из 500 гитлеровцев, стремившихся вырваться из окружения. 13 героев из 17 погибли смертью храбрых, четверо получили тяжелые ранения, но не пропустили врага.

В альбоме собран материал: фотографии, вырезки из газет (центральных и местных), воспоминания Василия Ивановича. Он награжден орденом Боевого Красного Знамени, является почетным гражданином г. Старый Оскол.

3-е направление: о войнах-женщинах.

Оформлен буклет с воспоминаниями некоторых женщин под названием «Девушки в солдатских шинелях».

4-е направление: об учителях школы — участниках войны.

Материал помещен на стенде в зале боевой славы. Ветераны войны приглашаются на встречи со школьниками.

5-е направление: длительное время занимались выяснением погибших и пропавших без вести. В школе имеется стенд с именами погибших. Данный материал был использован в подготовке районной Книги Памяти.

6-е направление: удастся отыскать очень ценный исторический материал — это: письма с фронта и некоторые документы (похвальные грамоты и похоронки).

7-е направление: материал о выпускниках школы — офицерах периода войны и ныне служащих.

8-е направление: войны-афганцы — 6 человек.

Все эти материалы используются в воспитательной работе с детьми. Традиционно приглашение ветеранов войны в школу, проведение мероприятий на военную тематику, митингов, посвященных Дню Победы.

ЕРЫКАЛОВА Н. Г. (Тотьма)

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ «ПАМЯТЬ»

Родина! Для каждого из нас это слово олицетворяет самое дорогое и светлое. Оно вобрало в себя образ прекрасной земли нашей, на которой родились и живем. Родина — это героический и трудолюбивый наш народ, с его многонациональной культурой и славной историей. Родина — это земля наших предков, не склонивших головы перед многочисленными врагами. Беречь Родину, защищать ее от врагов — святой долг и обязанность каждого гражданина страны.

На долю нашего поколения выпала историческая миссия — воссоздать в полном объеме и сохранить для будущих поколений бесценные свидетельства трудового и ратного подвига человека военных лет, записать воспоминания фронтовиков, участников партизанского движения, антифашистского подполья, тружеников тыла.

Все эти задачи мы решаем через школьный музей «Память». Музей создан на базе комнаты боевой славы. Статус музея присвоен в 1988 году за поисковую работу.

Музей многопрофильный. Большая часть экспонатов отражает период Великой Отечественной войны. Материал собран по темам: «Герои Советского Союза — наши земляки», участники партизанского движения (Мякшин Г. А., Ершов И. С.), профессиональные разведчики (Рожин П. Е., Дубровский Е. С.), участники «Дороги жизни» (Викторова К. В., Секушина А. Д., Трофимова О. Е., Коренева С. Н., Волкова Г. А.). Участникам боев

за Севастополь посвящен стенд «Бабилов М. А. — защитник Херсонеса». Изготовлены буклеты, папки, альбомы, где собран материал об участниках битвы за Сталинград (Казаков И. Ф., Сивков В. П., Левкович Б. И., Рогов А. В., Колычев А. В., Исаковский С. А., Кузнецов Г. П.). Курская битва представлена материалами о Кокшарове Р. А., Новоселове Н. В. и др. По Волховскому фронту используем воспоминания Кукапова Н. Г., который сражался в составе 128-й Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии, а также воспоминания Мальцева Енисея Алексеевича и Маклакова И. С. «Защитники вологодского неба» — так именуется экскурсия по музею о службе в 40 ОРЗД участниц войны Черницыной Е. М., Ворошиловой Е. Н., Гребенщиковой А. В., Корюкиной М. И., Каплиной В. М., Соколовой Н. М. Прибалтийский фронт, Украинский фронт представлены документами ветерана Великой Отечественной войны — Белоглазова В. А., Юго-Западный фронт — сапера Попова Б. Д.

...Все это подлинные документы, которые появились в музее в результате работы с ветеранами ВОВ, работы в архиве, райвоенкомате и экскурсий по местам боев наших земляков, походов по родному краю.

Третий год музей работает по данной теме. Организованы встречи учащихся школы с ветеранами войны — выпускниками 1941 года. Изготовлен стенд «Мы из 1941 года». Собран в папки подлинный материал о выпускниках школы.

По материалам музея опубликовано несколько заметок в газете «Тотемские вести»: «О работе музея «Память», «Досталось», «Память хранит», «Мы из 1941 года», «От Урала до Берлина», «Весну 45-го встретил в Берлине», «Это женщины русских селений», «Шел солдат фронтовыми дорогами».

Музей располагает подлинными письмами с фронта братьев Черницких, Н. Н. Цуварева, И. С. Маклакова.

Начата работа по теме: «Эвакуированные в Тотьме». Большой интерес у читателей вызвала статья «Что я знаю о войне» Н. В. Долговой (Веселовой) из города Сланцы Ленинградской обл., бывшей эвакуированной в Тотьму из г. Гдова (в музее имеются письма, сделан буклет, имеется папка с документами).

Большую помощь а патриотическом воспитании учащихся оказывали и оказывают ветераны: Попов Б. Д., Черницына В. М., Черницын А. Н., Белоглазов В. А., Куканов Н. Г., Лобода И. Н., Викторова К. В., Маклаков И. С., Гребенщикова А. В. и др. Музей имеет связь с ветеранами войны, проживающими в других регионах.

На протяжении многих лет проводились экскурсии по местам боев наших земляков: Ленинград, Одесса, Кишинев, Тирасполь, Кицканский плацдарм, Калининград, г. Гусев, Черняховск (побывали на знаменитом 5-м фронте). Посетили Севастополь, где состоялась встреча с ветераном — Алгиным П. И., товарищем нашего земляка Бабилова М. А., погибшего на Херсонесе. Посетили кладбище Героев, возложили цветы на

могилу М. А. Бабикова. Совершили экскурсии в города Сталинград и Орел.

На протяжении ряда лет осуществляется связь с советом ветеранов ВВС Черноморского флота г. Севастополя, с помощью которых удалось пополнить имеющиеся материалы о Бабикове М. А. С помощью совета ветеранов большая группа школьников побывала в Севастополе. Год тому назад удалось наладить связь с советом ветеранов г. Хвастовичи Калужской области, где сражались тотьмичи.

В традицию школы вошло проведение уроков Мира 1 сентября. На эти уроки приглашались ветераны войны, военнослужащие. 9 Мая ежегодно встречаем День Победы с ветеранами войны. К этому празднику учащиеся готовят сувениры, дают праздничный концерт.

ЗВЕРЕВА З. А. (Череповец)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ ВОЙНЫ НА УРОКАХ И ВО ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЕ

При музее средней школы №1 г. Череповца фактически создается отдел письменных источников, работающий при научно-методической поддержке Череповецкого филиала Государственного архива Вологодской области. Из всего многообразия хранящихся в нем источников представим лишь материалы, касающиеся участия выпускников школы в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

Школьный музей располагает материалами о М. Ф. Клеерове (письма, воспоминания сестры, книга, где одним из героев является М. Ф. Клееров) — выпускнике школы 1938 года, участнике партизанского отряда, действовавшего в районе г. Пушкина и сыгравшего немалую роль в срыве штурма Ленинграда. В. Куликов и Л. Дураничев — выпускники 1942 года (школа располагает их воспоминаниями, фотокопиями листовок, фотографиями, дневниками В. Куликова и его книгой «Москвичи на целине»), участвовали в Осиповичском соединении партизан; а В. Куликов был секретарем подпольного Осиповичского РК ВЛКСМ. Б. Окинин — выпускник 1929 года, погиб под Ленинградом, прикрывая отход партизанского отряда; по ходатайству товарищей и школы его именем названа одна из улиц г. Череповца (музей располагает фотографиями, письмами, перепиской с родственниками). Б. Харитонов — выпускник 1933 года — соратник знаменитого разведчика Кузнецова, действовал вместе с ним в ряде дерзких операций. Впоследствии, отряд под командованием Б. Харитонова действовал на территории Чехословакии, сам он дважды бежал из плена (в музее школы есть фотографии героя и книги «От Ровно до Праги», «Это было под Ровно» и «Сильные духом», где немало страниц

посвящено нашему выпускнику). В. И. Марков — выпускник 1938 года — погиб с группой офицеров и бойцов, пытаясь выбраться из окружения (есть переписка со школой, где он работал до войны учителем, фотографии и письма, белорусские газеты с публикациями). Таким образом, есть материалы о выпускниках-партизанах, действовавших в ряде наиболее важных очагов партизанского движения.

Актив музея делает немало, чтобы ввести эти материалы в учебный процесс и внеклассную работу. В течение года издается альманах «Вестник музея». Вышло семь номеров (тираж 6 экз.), где публикуются письма и документы, воспоминания, листовки. При этом наиболее интересные материалы публикуются в подлинниках, что усиливает эффект подлинности. Номера альманаха имеются в школьной библиотеке, школьном музее, кабинетах.

Разработана карта-схема деятельности партизанских отрядов, в которых сражались наши выпускники. Группы школьников побывали вместе с родственниками на могиле Б. Окинина, посетили места действий партизанского отряда Осиповичского района в Белоруссии. Отчеты о поездках также используются на уроках. В школу приглашались родственники, например, сестра М. Клеерова.

Разработаны уроки внеклассного чтения документальных книг, в которых описывается боевой путь наших выпускников-партизан. В музее разработана экскурсия «Партизанскими тропами по следам наших выпускников».

Разработанная система методических советов дает возможность учителям свободно ориентироваться в выборе материала и его использовании в системе уроков по темам, классам и предметам.

ГРАШИНА Г. П.(Устюжна)

ИЗ ОПЫТА ПОИСКОВОЙ РАБОТЫ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Пионерскому отряду 5Б класса было дано задание проследить путь детей, эвакуированных в 1941-1943 годах из блокадного Ленинграда в наш Устюженский район. Поводом для этого поиска послужил приезд в Устюжну в 1987 году Монахова Бориса Михайловича, который вместе с мамой и бабушкой был эвакуирован из Ленинграда в 1942 году. Учился в школах и деревне Мезга, Орел, а затем в Устюжне. До сих пор Борис Михайлович поддерживал связь со своим классным руководителем Васильевой Зоей Владимировной. Позднее он прислал письмо Плешанову Алеше, ученику нашего класса. В письме он подробно рассказывал о том, как его эвакуировали по Дороге жизни из блокадного Ленинграда, как он оказался в Устюжне, как сложилась его дальнейшая судьба. Ребята в классе заинтересовались этим и решили организовать поисковую группу. Дали

объявление в районной газете «Вперед» с просьбой откликнуться тех людей, которые были эвакуированы в годы войны их блокадного Ленинграда. Вместе с одноклассниками ребята перечитали много книг о блокаде Ленинграда, познакомились с дневником ленинградской школьницы Тани Савичевой, собрали подборку стихов Ольги Федоровны Берггольц, Юрия Воронова и других поэтов, переживших блокаду и писавших о ней. На уроках рисования сделали рисованный фильм «Мы с тобой, Ленинград!», который был использован на уроках мужества и пионерских сборах.

Поисковая группа решила вести поиск в трех направлениях:

— Поиск детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда в годы войны в Устюжну.

— Поиск детей-устюжан, принимавших непосредственное участие в военных действиях на различных фронтах.

— Поиск детей, которые наравне со взрослыми в годы войны трудились на полях Устюженского района.

По каждому из этих направлений у нас стал накапливаться интересный материал. Из районной газеты «Вперед» мы узнали о тринадцатилетнем Ване Соловьеве, который убежал из дома на фронт мстить фашистам за погибшего отца. В Устюжие мы разыскали его сестру Гусеву Галину Ивановну, которая сообщила нам его ленинградский адрес и подарила журнал «Юность» за 1976 год.

В нем напечатан большой рассказ «Юнга с Малой земли» о судьбе Вани. Уехав из Устюжны, он оказался, после долгих скитаний, на юге и был взят юнгой на мотобот, курсировавший на Малую землю. Ваня был несколько раз ранен и закончил войну в Югославии в партизанском отряде.

Наравне со взрослыми в годы войны на полях Устюженского района трудились и подростки. Шорохова Зоя Алексеевна и Коновалова Нина Михайловна за особое старание и ударный труд даже были награждены медалями. Об этом мы тоже узнали во время поиска, когда познакомились с ними поближе.

5 мая 1990 года мы провели пионерский сбор, посвященный 45-летию Победы в ВОВ, на который и пригласили Лосева Г. П., Собакина Н. Н., Шорохову З. А. и Ласточкину Т. В. Ребята с большим интересом слушали их воспоминания о военном детстве, задали много вопросов, сердечно поздравили с Днем Победы, показали праздничный концерт, организовали чаепитие. Здесь же на сборе было принято решение продолжить поисковую работу и увлечь этой работой и других учащихся школ Устюженского района. При подготовке к районному пионерскому сбору «Дети военной поры» особенно тесный контакт наладился у нас с секретарем комсомольской организации детского дома №1 Оленевой (теперь Степановой) Любовью Ивановной. По данным архива в Устюженский детдом №1 было эвакуировано из блокадного Ленинграда 146 детей. Любовь Ивановна была одной из первых во вновь организованном детском доме

№1, она и помогла найти несколько адресов бывших воспитанников д/дома.

По ним мы прислали приглашения на сбор в нашу школу.

25 октября 1990 года на наш пионерский сбор «Дети военной поры» приехали гости из Ленинграда, Череповца, Устюжны. Встреча была очень трогательной. Вспоминали блокаду, все то, что они пережили во время войны. Наши гости очень волновались и даже плакали от нахлынувших воспоминаний. Свои впечатления ребята изложили в сочинениях-отзывах о сборе. Но так как на сбор смогли приехать не все, по многочисленным просьбам собравшихся было решено организовать 25 июля 1991 года еще одну встречу детдомовцев военных лет. И опять началась переписка, сбор адресов, запросы и ответы. Поисковой группе удалось собрать 65 адресов и разослать по ним письма-приглашения на сбор детдомовцев.

И вот в адрес 3б класса стали приходить письма-отклики, в которых бывшие детдомовцы очень живо отозвались на приглашение поехать в Устюжну на встречу.

25 июля 1991 г. в нашей школе собрались бывшие детдомовцы военных лет. Приехали они буквально со всех концов нашей страны: из Мурманска и Киева, Ленинграда и Череповца, Прибалтики и Казахстана, Молдавии и Нечерноземья. И ребята поисковой группы радовались вместе с ними, когда через 50 лет встретились дети военной поры, эвакуированные из блокадного Ленинграда и волею судеб попавшие в один детдом: а некоторые даже жили в одной комнате в детдоме.

Душой вечера была Панфилова Людмила Ивановна. Она целый вечер не отходила от пианино и запевала самые любимые детдомовские песни. В память об этой встрече она прочитала свои стихи.

*Ах, боже мой, как все это далеко.
И кажется, что был кошмарный сон.
Но как он в душу врезался глубоко
И обступает нас со всех сторон.
Сиротство отравило наше детство.
И главная причина — та война,
Которая оставила в наследство
Изломанные судьбы, святые имена.
Уже не раз сменились поколенья,
Уж головы покрыла седина,
Но все нейдет из памяти то время,
И не идет из памяти война.*

ТУРИСТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПОИСКОВОЙ РАБОТЫ ШКОЛЫ

На протяжении 26 лет существования Малечкинской средней школы туристское краеведческое направление в воспитательной работе было одним из основных. У истоков этой работы стоял Сукичев В. М.

Следопытами школы был собран богатый материал о 70 воинах Малечкинского сельсовета, погибших в годы Великой Отечественной войны. Результатом работы стало открытие комнаты боевой славы в школе, установление стелы с фамилиями погибших земляков.

В системе стала вестись эта работа с 1980 года, когда в школе был создан штаб экспедиции «Моя Родина». Возглавила штаб Борисова Г. И., учитель географии. В школе работало до 15 экспедиционных отрядов классов.

В штабе накоплен богатый материал о ветеранах-земляках, вдовах, об учителях — участниках Великой Отечественной войны. Создан звуковой альбом «Говорят ветераны». Экспедиционные отряды выполняли задания музея сталепрокатного завода, музея 175-го гвардейского авиаполка. Участники поисков принимали участие в областных конференциях. Два поколения школьников участвовали в сборе материала о Герое Советского Союза Тихове А. У. Следопыты собрали большой материал о боевом пути Анатолия Устиновича, разыскали его однополчан, родственников, вели с ними переписку, установили место захоронения героя в Польше. По собранным материалам была подготовлена в газете «Сельская новь» рубрика «Навстречу 40-летию Победы».

В период подготовки к 50-летию Победы школьники 2-х — 7-х классов работают по программе «Живой огонь» районного Дома пионеров. В школе разработан план подготовки к празднику совместно с советом ветеранов, включающий сбор материалов о памятниках погибшим землякам на территории Череповецкого района, о писателях и поэтах — участниках Великой Отечественной войны, уроженцах Череповецкого района. Пополняется звуковой альбом «Говорят ветераны», осуществляется уход за могилой сержанта Мельника. Проведены встречи с ветеранами, концерт «Салют, Победа!», митинги памяти. Осенью 1994 года 11-классниками (кл. рук. Шевелева А. П.) посажена совместно с ветеранами аллея Памяти у школы.

На территории кладбища есть два захоронения, за которыми ухаживают малечкинские школьники в течение многих лет. Ребята убирали могилы, красили ограды, производили посадки цветов. Кроме этого, школьники следят за чистотой памятника воинам-землякам, погибшим в Великую Отечественную войну.

МОРОЗОВА Г. А. (Устюжна)
ВЫПУСКНИКИ ШКОЛЫ –
УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В нашей школе есть мемориальная доска, на которую занесены имена погибших юношей и девушек в годы войны.

«Памяти павших будьте достойны!» Эти слова традиционно звучат на каждой общешкольной линейке, посвященной началу учебного года. Ведущий линейки, поздравляя с началом учебного года, призывает учащихся беречь честь школы, как берегли ее выпускники, отдавшие свои жизни за наше счастье. Четко и скорбно звучат имена тех, кто остался навсегда молодым, кто принял на себя все испытания и тяготы войны, вступив в бой с фашизмом. А потом наступает минута молчания и представители классов возлагают цветы к мемориальной доске.

*«В аттестате отметок не бывает за смелость
За любовь к своей родине, верность и честь
Им в боях довелось проверять свою зрелость,
А проверок таких невозможно учесть.
И экзамен на верность любимой Отчизне
С честью выдержал каждый из этих ребят,
Имена их отныне бессмертно и гордо,
Как шеренги бойцов в школьном списке стоят».*

48 юношей и девушек — выпускников школы, погибли в годы войны. Вот некоторые из них:

Девяткин Глеб, род. 14.03.1923 г. в г. Устюжне. Окончил 10 классов 28.06.1941 Глеб был взят в ряды Советской Армии. Окончил политшколу. Воевал на Южном фронте и погиб под Сталинградом в звании старшего сержанта в сентябре 1942 г.

Малков Александр Степанович, род. 5.09.1923 г. в г. Устюжне. Закончил 10 классов. Хотел учиться дальше, но началась война. В 1941 г. вместе с отчимом рыл окопы под Ленинградом. Александр пошел добровольцем на фронт весной 1942 г. В марте 1943 г. мать, Мария Васильевна, получила похоронное извещение: «Ваш сын, гвардии красноармеец, Малков А. С., уроженец Вологодской обл., в бою за Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 20.03.1943 г., похоронен на окраине хутора Шанино на Курской дуге». Саша погиб в расцвете юности. Он был прекрасным товарищем, хорошо рисовал, играл на гитаре, аккордеоне, баяне, пел, сочинял стихи, хорошо учился. Его любили все.

А вот что ребята узнали о Жене Портнаго. Он родился в г. Устюжне в 1923 г. Был единственным сыном у родителей, прекрасно играл на пианино, сочинял музыку. В школе не было преподавателя пения. Женя

руководил хором. Он с отличием окончил школу. В 1941 г. ушел на фронт. Воевать ему пришлось недолго, в 1942 г. он погиб под Сталинградом.

Наши выпускники воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них дошли до Германии, но погибли в последние дни войны.

Румянцев Николай погиб в апреле 1945 г. в звании лейтенанта медицинской службы. Лебедев Вениамин погиб в 1946 г. в Западной Украине при испытании нового самолета.

Жизнь и смерть этих людей служат примером для ребят нашей школы.

Задача поиска раскрыть все имена на мемориальной доске: или найти фотографию, или вписать хоть одну строку о выпускнике, свидетельствующей о его жизни, подвиге, смерти.

Многие выпускники нашей школы — участники войны. Поэтому рамки поиска расширили. В отдельную группу выделили тех, кто учился в нашей школе и стал учителем. Собранный материал оформили в буклет. «Учителя нашей школы — участники ВОВ». Среди них — бывший директор школы Соколов А. Ф. Воевал под Сталинградом, был тяжело ранен в позвоночник, длительное время лечился в госпитале, после чего в боях больше не участвовал.

Куделинский А. Г., выпускник, бывший учитель истории нашей школы участвовал в Сталинградской битве, был тяжело ранен. Началась газовая гангрена, пролежал в госпитале 16 мес., перенес 8 операций. Награжден орденом славы III степени, медалями «За оборону Сталинграда»; «За оборону Ленинграда».

Можно приводить много примеров мужества и отваги выпускников нашей школы, которые находят понимание у сегодняшних учащихся.

Патриотическое чувство не возникает у людей само по себе. С самого раннего возраста необходимо целеустремленно воздействовать на человека. Среда, образ жизни в семье, отношения в школьном коллективе — все это формирует патриотизм.

ГУЩИН В. А. (Вологодский район)

ПРАВО НА ПАМЯТЬ

Начиная работу по краеведению, мы не предполагали, что она явится началом огромного, кропотливого труда по изучению истории, культуры, экономики, природы Высоковского края. Результатом поисковой, исследовательской работы стало открытие музея истории Высоковского края, переход школы в экспериментальный режим по отработке темы «Краеведение в учебно-воспитательном процессе».

Начиналось все с обыденно-простого. В сентябре 1987 года при школе был организован поисковый клуб «Подвиг». Усилия членов клуба были направлены на выяснение вклада высококовцев в дело победы над врагом в годы Великой Отечественной войны. Члены клуба побывали у ветеранов войны, подробно записали их рассказы о фронтовых путях-дорогах, боевых судьбах. Важным этапом стала работа по выявлению персонального состава земляков — участников войны и тех, кто не вернулся с полей сражений. Начальные сведения по этому поводу — 336 погибших. Члены клуба побывали в каждой деревне, в каждом доме, просмотрели архивы военкоматов. В результате поиска были возвращены из небытия 221 земляк, сложивших свои головы во имя победы. 557 человеческих жизней — таков печальный вклад Высоковского края в общую победу. Всем нам приятно осознавать, что проведенная работа не была напрасной, что она учтена и при подготовке «Книги Памяти» по Вологодскому району.

Сегодня мы решили создать фотокнигу «Память». Этот замысел нашел самый живой отклик среди жителей сельсовета.

Тесный контакт с населением, целенаправленность поиска способствовали тому, что в наших руках оказалась масса интересных документов, фактов, свидетельств, вещей. От оформления результатов поиска в папки категорически отказались. Была высказана идея о создании музея. Ее поддержали. Спустя два года в двух комнатах одного из школьных зданий и был открыт музей боевой и трудовой славы Высоковского сельского Совета. В витринах, на стендах сотни экспонатов. Десятки из них являются подлинниками.

Членами клуба выявлены два земляка, видных военачальника, неизвестных широкому кругу общественности. Это генерал-майор внутренних войск Ермилов Николай Дмитриевич и генерал-лейтенант береговой обороны Мушнов Иннокентий Степанович. Наша задача — в преддверии 50-летия Победы рассказать о их боевом пути на страницах прессы.

Зачастую случается так, что собирая материал о Великой Отечественной войне, напрочь забывают об огромной армии тружеников тыла. А ведь на плечи женщин и детей, стариков легла вся тяжесть непомерного физического труда, напряженного ритма. Сто раз правы те, кто говорит: «Начало победы положено в тылу». Клубом «Подвиг» накоплен большой фактический материал об участниках трудового фронта. Им посвящен в музее целый зал.

Всех нас сегодня волнует проблема использования накопленного материала. И педагогический коллектив делает все возможное, чтобы вещи, документы не являли из себя немых свидетелей истории, а постоянно будоражили память, говорили с потомками. Совершенствуются формы и методы работы. В последнее время школа превращается в своеобразный методический центр. К нам едут из школ Вологодского района, бывают представители других районов.

В чем видим ценность нашей краеведческой работы? Во-первых, она помогла полнее оценить трагедию страны, народа, значимость победы над врагом. Во-вторых, ценен сам опыт общения младшего поколения со старшим, когда познание истории войны не является назиданием, а идет от души и сердца. В-третьих, еще раз убедились в том, сколь велики нравственные начала в становлении личности подростка, воспитании чувства ответственности за начатое дело и его результаты, пробуждение интереса к поиску, исследованию, анализу. В-четвертых, и, пожалуй, это самое главное, учащиеся в полной мере осознали то, что подвиг, совершенный народом в годы Великой Отечественной войны, должен жить. Каждый свидетель его, независимо от того, где он находился: был ли на передовой линии огня, стоял у станка или сеял хлеб, а, может, водил тяжелые составы, имеет право на память. Долгую память.

КОПОСОВА Е. Н. (Череповец)

ПРОГРАММА «ЖИВОЙ ОГОНЬ»

Программа «Живой огонь» рассчитана для работы по ней детских объединений, классов, кружков и отдельных участников в юбилейный год 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Программа рассчитана на весь учебный год, участвовать в ней могут школьники с 3 по 11 класс. Задания можно выбирать, учитывая возрастные особенности и подготовленность детей. Исходя из местных условий и накопленного поискового материала, задания можно усложнять.

По данным областного военкомата, в сороковых годах на войну с фашистской Германией ушел каждый третий вологжанин — 330 тыс. человек, вернулось меньше половины — 152 тысячи воинов. А сегодня в живых лишь каждый десятый — около 30 тысяч ветеранов.

Программа «Живой огонь» имеет цели:

- пробудить искренний интерес к родственникам, принимавшим участие в войне, ветеранам фронта и тыла, к семейным реликвиям;
- воспитать уважительное отношение к ветеранам-односельчанам;
- сохранить и изучить краеведческий материал, связанный с войной;
- помочь ныне здравствующим защитникам Отечества и тем, кто «ковал» Победу в тылу.

Программа «Живой огонь» осуществляется через систему выполнения заочных заданий, регулярное подведение итогов на районных мероприятиях: коммунарском сборе «Живая память» (осенние каникулы), на игре «Солдатский путь» (25 декабря), на районной краеведческой конференции, на итоговой игре «Морской бой» (11 марта 1995 года).

Программа «Живой огонь» включает три направления:

1. «Война в моей семье» (сентябрь-октябрь). Подведение итогов на осеннем коммунарском сборе «Живая память».

2. «Односельчане-фронтовики» (ноябрь-декабрь), подведение итогов на районной игре «Солдатский путь».

3. «Бойцы тыла» (январь-март), подведение итогов на районной краеведческой конференции, на игре «Морской бой».

Программа «Живой огонь» адресована организаторам внешкольной работы, классным руководителям, старшим вожатым, заместителям директоров по воспитательной работе, работникам дополнительного образования.

Помощь в организации могут оказать работники музеев, учителя истории, литературы, библиотекари, работники поселковых Советов.

Детскую программу «Живой огонь» следует продолжить в школах до конца учебного года. Всю работу направить на общение с ветеранами и оказание им посильной помощи, систематизацию поискового материала.

Итоги подводятся регулярно гашением купонов и награждением команд-победительниц небольшими памятными сувенирами.

Заключительное подведение итогов и награждение состоится на районной краеведческой конференции.

ГАНИЧЕВ В. А. (Чагода)

ЧАГОДСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Чагодская средняя школа в 1941 году... В центральном здании разместились призывной пункт. Мужчины уходили на фронт, ушли защищать страну и учителя — С. А. Портянкин, Н. А. Удальцов, Е. Е. Бочаров, А. М. Осипов, П. Ф. Гагарин, П. Д. Орлов. Вчерашние десятиклассники, в том числе и девушки, добровольно уходят в Красную Армию. Начинается прокладка железнодорожной ветки Чагода-Кажожа. Строительные батальоны разместились в риковском здании школы.

В Чагоду прибывают эшелоны с ранеными. Пришлось отдать под госпиталь центральное здание школы. 6 февраля 1942 года школа начала работать в зданиях, не приспособленных для занятий.

В 1942 году ушли на фронт директор школы И. И. Писарев, учителя М. И. Смирнов, П. Г. Девяткин, П. И. Пышкин, В. М. Сергеев. Остаются П. О. Афонюшкин, Г. И. Дернов, остальные учителя — женщины. Директором была назначена Валентина Фирстова Щербакова.

Работа в школе была перестроена в соответствии с обстановкой и задачами военного времени. Под руководством партбюро комсомольцы школы готовили политинформации, обсуждали боевые действия, на карте Советского Союза отмечали линию фронта. Школьники и учителя вноси-

ли в Фонд обороны продукты, теплые вещи. Много подарков посылали ребята на фронт к революционным праздникам и знаменательным датам. К Дню Конституции в 1943 году в Фонд обороны было сдано облигаций на сумму 20000 рублей.

Учителям приходилось работать в трудных условиях. Очень много горя было в глазах ребятишек. Школьный коллектив превратился в большую семью. Надо было не только учить детей грамоте, но и подкармливать их. Выдавали кусочек хлеба, а по праздникам — пакетик со сладостями.

С фронта вернулись инвалидами В. И. Андреев и Д. В. Антонов. Они стали работать военруками. Большое внимание уделялось военным играм на местности. Старшеклассников учили приемам маскировки, разведки, преодолению препятствий. Устраивали внутришкольные соревнования по лыжам, стрельбе, легкой атлетике, волейболу. Комсомольцы работали на пункте боепитания: набивали патронами ленты зенитных пулеметов.

Занятия шли в три смены. Ребята вместе с учителями заготавливали дрова и для школы, и семьям, в которые пришли похоронки, помогали детям фронтовиков. Был проведен сбор средств на самолет «Юный истребитель» и танк «Юный патриот». Часто готовили для населения концерты и лекции, проводили беседы. Вырученные от выступлений средства перечисляли в фонд помощи детскому дому и госпиталю. Активное участие в этой работе принимали учителя Н. А. Селянненкова, Л. Е. Валова, Т. И. Конечкая, О. М. Варзанова, Е. В. Мостакова, пионервожатая А. Асафова, делопроизводитель школы Сима Антонова, секретарь парторганизации В. А. Иванова и другие.

Школьники собирали колоски и убирали овощи, на торфопредприятии «Дедово Поле» ребята сушили и складывали в штабеля торф. Часто проводили субботники. Разгружали дрова для завода, расчищали от снега железнодорожные пути, собирали лекарственное сырье, золу, металлолом. В классах появились дети эвакуированных, требующие особого подхода. Святой обязанностью считали учителя и школьники шефскую помощь госпиталю. Они проводили много времени среди раненых бойцов. Ставили концерты, писали письма.

Кипучей была жизнь чагодских тимуровцев. Пионеры поселка взяли шефство над семьями фронтовиков, помогали им в заготовке топлива, ухаживали за маленькими детьми, выполняли самую разнообразную работу по хозяйству, выявляли тех, кто остро нуждается в обуви и одежде, питании, шефствовали над детскими садиками и яслями. Девочки играли с малышами, рассказывали сказки, шили им куклы. Тимуровцы вели большую работу в госпитале. Помогали няням и сестрам, приносили для раненых бойцов настольные игры.

Учителя трудились в тылу, а в боях за Родину смертью храбрых пали бывшие ученики школы: М. Удальцов, О. Морозов, Н. Шпеков, В. Удалов, Б. Остряков, О. Петров, Д. Подгорный, М. Овчаров, В. Походалов,

М. Земсков, Н. Романов и др. Остались на полях сражений и учителя: П. А. Удальцов, М. И. Смирнов, С. А. Портянкин, П. Ф. Гагарин, В. М. Сергеев, В. М. Акимов, В. В. Кордопный.

9 мая 1945 года по радио передали сообщение об окончании кровопролитной битвы. День этот был необычайно торжественным. Природа тоже праздновала победу. Всюду зеленела трава, небо было на редкость ясным и голубым. Чагодоженцы поздравляли друг друга, плакали от радости. Эта радость не помещалась в стенах домов, она рвалась на улицы, к людям. Закончились бои, но впереди ожидалась трудные годы восстановления разрушенного хозяйства. Весь народ встал на это нелегкое дело, в том числе и выпускники Чагодской средней школы.

СМИРНОВ В. В. (Вологда)

ИЗВЕЩЕНИЯ НА ПОГИБШИХ И ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Среди различных документальных источников, использованных составителями при подготовке Книги Памяти особое место занимают извещения — «похоронки» на погибших, умерших от ран и болезней, пропавших без вести военнослужащих.

Извещения свидетельствуют, что весомый вклад в дело разгрома врага внесли воины — уроженцы вологодской деревни. Судя по тому, как извещения поступали в одни и те же деревни, адресованные на одноименные фамилии, анализ их дает основание утверждать, что воевали люди целыми деревенскими родами (кланами) — деды, отцы, сыновья, братья, сестры и их родственники. Это, например, Анашкины (д. Дьяконово); Артамоновы (д. Виселкино); Афанасьевы (д. Янчаково); Бараевы (д. Бугрино); Бароновы (д. Ласковцево); Белоруссовы (д. Бильково); Беляевы (д. Кубаево); Бредниковы (с. Новленское); Василисковы (д. Осиновка); Гачины (д. Юрово); Горевы (д. Епифанка); Давыдовы (д. Тарасово); Демидовы (д. Крени); Дикаревы (д. Ермоловское); Деменковы (д. Прокино); Дуничевы (д. Погостец); Жарковы (д. Сокольниково); Жилы (д. Бедрино); Жоховы (д. Поновка); Золотовы (д. Мироносица); Карповы (д. Яскино); Квашнины (д. Шарманово); Кочины (д. Путилово); Крутаковы (д. Демино); Кулаковы (д. Данилово); Лопатины (д. Старое); Лысенковы (д. Путилово); Максимовы (д. Кузнецово); Монасовы (д. Мельниково); Моторовы (д. Елгино); Мыльниковы (д. Голубково); Налепины (д. Лучниково); Никеровы (д. Редькино); Омеличевы (д. Исаково); Прядильщики (д. Ватолино); Перовы (д. Монино); Пименовы (д. Коротово); Пичулины (д. Тупочалово); Полянские (д. Волково); Слоевы (д. Мясниково); Смекаловы (д. Филипо); Смирновы (д. Колотилово, Мальгино, Щетниково); Соболихины (д. Марь-

инское); Стафсеевы (д. Кузнецово); Серебряковы (д. Мстишино); Силовы (д. Горка); Соколовы (д. Кубарево); Толокновы (д. Кожино); Тугаревы (д. Новое); Углины (ст. Дикая); Хадариновы (с. Прилуки); Хмелинины (д. Селютино); Чащиповы (д. Дубовиково); Шитовы (д. Высоково); Шмаровы (д. Высочка); Шабановы (д. Хреново); Шалагины (д. Непотягово); Шаховы (д. Пальчино); Шепелевы (д. Рупово); Шопоровы (д. Чаншиково); Юровы (д. Филино)¹.

Анализ извещений позволил установить воинские звания военнослужащих. Подавляющее большинство наших земляков воевало в звании рядовых (8402 военнослужащих). И это неудивительно — военная пора оторвала мужскую часть населения от мирного труда земледельца, животновода, лесозаготовителя, переложив нелегкое бремя ушедших на фронт мужчин на плечи стариков, женщин, подростков. В то же время более 800 военнослужащих — уроженцев района, имели профессиональную подготовку, являлись кадровыми офицерами, которые командовали ротами, полками и соединениями.

Благодаря наличию штемпелей, печатей, имеющих на «похоронках», можно установить, в составе каких воинских частей принимали участие в боях с врагом уроженцы земли вологодской, с учетом основных мест захоронений военнослужащих.

Извещения свидетельствуют, что большое число наших земляков погибло в 1942-1943 годах в районах ожесточенных боев в Ленинградской области на территории Мгинского района (населенные пункты — Синявино, Вороново, Гайтолово, Тортолово, Назия). Извещения на погибших поступили из 72 гв., 103, 181, 203, 265, 314, 399, 415, 505, 533, 893, 904, 1078, 1216, 1236, 1267 стрелковых полков, 445 гаубичного артполка; Выборгского (из 121, 1076 СП, 558 отд. Санбатальона), Тосненского (58 СБ, 124 МСБ, 559 СП), Колпинского (799 артП., 792 артП., 466 СП), Парголовского (317 СП) районов.

В 1942-1944 гг. «похоронки» шли в вологодские деревни из Карелии: Питкяранты (1061 СП), с. Ухты (26 СП), Линговары (55 СП), Суоярви (1079 СП), Олitenпельто (203 СП), Лоухи (33 арт.П., 933, 63 СП), Кижозера (853 арт.П.), Путикавара (1046 СП), р-на Кестеньги (298 СП), дер. Антиям (1068 СП), Морской Масельги (344 отд МСБ), Масельгского р-на (273 СП), Медвежьегорского р-на (1044 СП).

Немало «похоронок» пришло в семьи жителей района в 1942 году из Новгородской (595, 371, 111, 140, 1014, 303, 23 СП; 33 отд. гв. танкового полка, 122 отд. див.), Псковской (311 СП, 381, 1188 СП, 4616 артполка, 32 отд. штраф. роты, 523 арт. б-на), Тверской (164, 570 СП, 653, 55, 1206 СП) областей.

В 1944 году «похоронки» шли из Эстонии (189, 187, 296, 188 гв., 268, 163, 330 СП, 32 СМБ, 100 СМБ), Литвы (29 гв., 1188 СП, 35 Погр. отряда, 539 арт.п.), Латвии (88, 525, 517, 255, 1278, 1254 СП).

Мурманская область 1944 года — это тоже район, где шли жестокие бои с врагом (сообщения 56, 60 СП, 77 С бр., 1 отд. лыжи. бат., ЭГ 2531, ХПГ 96).

В 1944-1945 гг. из различных районов Польши также поступали родным извещения (998, 611, 77, 1018, 965, 605, 296, 334 гв, 330, 203, 865 СП, 720 горно-строит. бр., 3 танковая бригада).

Скорбные вести шли и из других областей и регионов, где шли бои. Трудно назвать местности, на которых бы не воевали вологодские парни.

На основе статистических данных, помещенных в таблице «Книги Памяти Вологодского района» можно констатировать, что наибольшие потери среди военнослужащих-вологоджан приходятся на 1942 (2767 человек) и на 1943 (2129 человек) годы, а наибольшие потери в возрастном отношении приходятся на возраст 31-40 лет — 2066 человек; 21-30 лет — 2452 человек.

Примечание.

Анализ фактического материала проведен на основе «Книги Памяти Вологодской области, Вологодский район». — Вологда, 1992.

ТИХОМИРОВ С. А. (Вологда)

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Двадцатый век. Столетие бурных перемен, век потрясений и потерь. Человечество потеряло десятки миллионов людских жизней. В большинстве случаев виной происшедшего явилась война. В центральных и местных архивах огромными пластами хранятся различные документальные памятники военных лет. Особое место среди них занимают письма с фронта и на фронт. Они показывают исследователю истинную душу русского солдата, его психологию, заботу о родных и близких в грозное для страны время, высвечивают новые подходы к патриотическому воспитанию школьников. На изучение эпистолярного наследия участников Великой Отечественной войны и направлена деятельность студенческой группы «Поиск» Вологодского пединститута.

В декабре 1973 года кафедра истории СССР ВГПИ через средства массовой информации обратилась к жителям области с предложением начать сбор фронтовой переписки. Письма сотнями начали поступать в адрес исследователей. Одновременно студенты работали в центральных и местных архивах, школьных музеях, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, просматривая подшивки армейских газет. Обследованию подлежали и присланные в адрес группы «Поиск» фронтовые письма, хранящиеся в семейных архивах. В результате долговременной работы

было собрано несколько тысяч писем фронтовиков. Общим итогом большой деятельности исследователей и общественности стало издание двух книг «Письма с фронта» (Архангельск, 1979) и «Письма с фронта и на фронт» (Архангельск, 1985). Позднее, по желанию владельцев, многие письма были возвращены авторам и хранителям, несколько сотен писем были переданы в Вологодский областной архив новейшей политической истории.

Поиск в области эпистолярного наследия получил новый импульс. Продолжается публикация фронтовых писем в 30-томном сериале — «Книге Памяти Вологодской области». Студенты-поисковики приняли участие и в сборе материалов, в том числе писем для книги «Пенел Афгана» (Архангельск, 1993).

Несколько лет назад, у группы «Поиск» возникла идея подготовить сборник эпистолярного наследия участников войны XX столетия. Как бы история ни оценивала ту или иную войну, но в войнах участвовал народ, который выполнял свой воинский долг и проявлял при этом повседневный героизм. Письма участников войны XX века открывают перед нами величие людей, их высокий человеческий дух, милосердие, выразившееся в заботе о родных и близких. Изданием такой книги мы надеемся обратить внимание к человеческому в человеке, проявляемому в самых экстремальных условиях жизни. Такая книга должна убедить людей в необходимости исключить войны, межнациональные конфликты, жить в мире и согласии между собой. Об этом свидетельствуют письма и с русско-японской, и с первой мировой, и с гражданской, и с советско-финляндской, и с Великой Отечественной и с афганской войн. Преобладают письма уроженцев северных областей, а также жителей Москвы и Ленинграда, ряда центральных регионов нашей страны. В распоряжении составителей значительное количество писем с фронтов Великой Отечественной войны, значительно меньше — с русско-японской, гражданской и советско-финляндской войн. Всего за несколько последних лет группой было собрано более шестисот единиц хранения.

Методика подготовки этого сборника эпистолярного наследия значительно отличается от методики «Писем с фронта» и «Писем с фронта и на фронт». Составители книги привлекли к работе музейных работников, архивистов, студентов, учителей истории, школьников. Расширены и адреса поиска. Вся деятельность группы «Поиск» идет в нескольких направлениях. Так научные сотрудники РГАДА по просьбе группы «Поиск» описали фонд писем участников русско-японской войны и военных конфликтов 1912-1917 гг. Выявленные «Памятники письменности в музеях Вологодской области» также дали информацию о ранее неизвестных фондах фронтовых писем. Вновь используются семейные архивы. В процессе работы над книгой оформился коллектив составителей. Научное руководство всей работой на себя взяло Северное отделение Археографической комиссии РАН (А. В. Камкин, П. А. Колесников, В. В. Судаков).

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА: АНАЛИЗ ПОТЕРЬ

Мысль о написании Книги Памяти Вологодской области по советско-финляндской войне возникла в 1991 году, когда я работал над книгой «Ветераны Великой Отечественной» Нюксенского района Вологодской области. Главным редактором Вологодской областной Книги Памяти профессором Судаковым В. В. мне тогда было рекомендовано включить отдельным разделом в книгу «Ветераны...» военнослужащих-нюксян, участников советско-финляндской войны (погибших и отдельно — вернувшихся с фронта). В связи с этим мне пришлось работать в ЦГАСА (ныне РГВА) в г. Москве, сверять данные Нюксенского райвоенкомата о гибели земляков в советско-финляндскую войну и вести поиск по «Именным спискам погибших в советско-финляндскую войну 1939-1940 гг.»

«Именные списки...» РГВА, — их 10 томов, по 900-1100 страниц развернутых листов в каждом, отпечатаны в 1949-1951 гг.

Уже тогда определился объем работы над Книгой Памяти Вологодской области по советско-финляндской войне. Меня никто не обязывал писать эту книгу. Была поддержка Судакова В. В.

Главное в Книге Памяти — именной список погибших. Для подготовки списка мною была разработана оригинальная методика, которая в принципе может быть использована и для других территорий. Был составлен формуляр записи погибших, форма была размножена на «ксероксе». Все записи велись карандашом, проверялись двукратно.

В «Именных списках погибших...» РГВА — 10 граф, в трех из них указаны: место рождения погибшего, место призыва, адрес родственников. Не по всем погибшим эти графы заполнены, но определить, что погибший или пропавший без вести относится к Вологодской области по одной из трех граф — можно. В то же время следует сказать, что в «Именных списках...» РГВА у значительного количества погибших военнослужащих не показаны места рождения или адрес родственников. Не исключено, что в их числе могут быть и уроженцы Вологодской области. Работу в РГВА начал в январе 1994 г. Рабочий вариант «Именного списка погибших вологжан...» исполнил в июне 1994 г.

Большие трудности были при составлении чистового варианта списка погибших, так как в «Именных списках...» РГВА допущено множество неточностей в фамилиях, названиях сел и деревень районов Вологодской области по месту рождения, призыва и адресам родственников.

Книга Памяти включает:

— Слово о книге (Судаков В. В.).

— Предисловие, в котором показаны основные эпизоды развития советско-финляндских отношений в 1930-е и последующие годы, главные события войны, а также участие вологжан в работе по обеспечению боевой деятельности Красной Армии на советско-финляндском фронте.

— Именной список вологжан, погибших и пропавших без вести.

Приложения:

— Мирный договор между СССР и Финляндской республикой от 12 марта 1940 г.

— Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939-1940 гг. (выписка, второй раздел — «Наши недочеты, обнаруженные при первых столкновениях с финнами»).

— Из заключительной речи на совещании высшего командного состава Красной Армии 31.12.1940 г. наркома обороны СССР Тимошенко С. К. (Оценка действий войск Красной Армии в советско-финляндской войне).

— Из воспоминаний о боевых действиях Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне наркома ВМФ Кузнецова Н. Г. (Оценка боевых действий Балтийского и Северного флотов).

— Указания зам. наркома обороны СССР генерала армии Мерецкова К. А. группе командиров-преподавателей Военной академии Красной Армии им. Фрунзе.

— Перевод с финского. Финляндский генерал-лейтенант Г. Эквист о наступательной силе Красной Армии.

В книге показаны — схема-карта боевых действий, таблицы о людских потерях в советско-финляндской войне.

Советско-финляндская война — одна из драматических и слабо освещенных страниц в истории СССР. Документы же, отображающие события этой войны, многие десятилетия были недоступны для широкого круга исследователей, лежали в ЦГАСА нетронутыми.

По сей день судьба многих бойцов и командиров Красной Армии, погибших и пропавших без вести в период с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года, остается неизвестной даже для родственников.

С 1989 года появились публикации, в которых советско-финляндская война рассматривается в свете нынешней историографии (М. И. Семиряга, Л. Г. Ивашов, А. И. Чугунов, А. Г. Донгаров и др.). Помогают нам осмыслить историю советско-финляндской войны такие документы, как «Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939-1940 гг. и акт о приеме Наркомата обороны Тимошенко С. К. от Ворошилова К. Е.»

Советско-финляндская война возникла и велась в исключительно сложной, напряженной и противоречивой обстановке, когда в Западной Европе полыхала развязанная германским фашизмом вторая мировая война. Одна за другой жертвами гитлеровской агрессии становились европейские страны. Прямая угроза гитлеровской агрессии, несмотря на заключенный 23 августа 1939 года советско-германский пакт о ненападении, нависла и над Советским Союзом.

В этих условиях Советский Союз не мог оставаться безучастным к тому, что замышлялось на его границах.

Предметом постоянной заботы Советского правительства в то время было укрепление обороны северо-западных границ СССР, и прежде всего Ленинграда, находившегося в 32 километрах от границы с Финляндией. Незащищенным был вход в Финский залив. Не был защищен и единственный на Севере незамерзающий порт Советского Союза Мурманск, так как часть территории прикрывающих его полуостровов Средний и Рыбачий принадлежала Финляндии.

Советское правительство неоднократно в 1938-1939 гг. предлагало правительству Финляндии разрешить пограничные вопросы взаимовыгодно. В последнем, третьем раунде переговоров с 3 ноября 1939 г. продолжалось обсуждение предложений СССР передать в аренду Советскому Союзу порт Ханко для устройства там военной базы, а также передать СССР несколько островов в восточной части Финского залива, часть Карельского перешейка и часть полуостровов Средний и Рыбачий — всего 2761 кв. км в обмен на 5529 кв. км советских территорий в Восточной части Карелии. Финляндия не приняла этих предложений и прервала переговоры. Ни одна из проблем, относящихся к обороне советского Северо-Запада и Ленинграда решена не была. В этих условиях на Главном Военном Совете Сталин сказал: «Нам придется воевать с Финляндией».

Следует отметить, в то время, когда в Москве шли переговоры, министр иностранных дел Финляндии Э. Эркко на заседании иностранной комиссии сейма заявил: «Мы ни на какие уступки Советскому Союзу не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Франция и Швеция».

Веда дипломатические переговоры об урегулировании советско-финляндских пограничных вопросов, обе стороны начали параллельно предпринимать опасные меры, причем военного характера.

13—14 октября 1939 г. через сейм Финляндии были проведены ряд чрезвычайных законов военного времени: объявлена военная мобилизация, призвано из запаса 14 возрастов до 40 лет, а шюцкоровцы — до 50 лет; введена всеобщая трудовая повинность; началась эвакуация населения из крупных городов Хельсинки, Выборга, Тампере, зоны Карельского перешейка и побережья Финского залива. Продолжалась интенсивная модернизация линии Маннергейма, аэродромов, шоссейных дорог.

Военные приготовления проводились и со стороны Советского Союза. Совершенствовалась структура пограничных войск. В сентябре 1939 г. в составе Ленинградского военного округа была сформирована Мурманская армейская группа, которая с 29 ноября 1939 г. была переименована в 14-ю армию. На Карельском перешейке сосредотачивались советские войска, на полевые аэродромы в полной боевой готовности прибывала авиация.

Важные события развернулись в начале сентября 1939 г. В частности, согласно директиве штаба ЛВО 1/0013259 в Вологодской области

была объявлена мобилизация приписного состава военнообязанных под легендой «большого учебного сбора».

За период с 7 сентября по 4 октября 1939 г. в области было мобилизовано и послано на сбор в войсковые части Ленинградского военного округа: начальствующего состава — 1862 человека, младшего командного состава — 3255, рядовых — 38286, всего — 43403 человека; лошадей — 19752, повозок парных — 1287, одноконных — 2597, упряжи парной — 959, одноконной — 2262; автотранспорта — 1020 единиц.

В советской печати все чаще стали появляться статьи о Финляндии только в негативном виде, а репортажи с многочисленных митингов трудящихся, проводившихся в стране, пестрели в советских газетах под заголовками — «Ответить тройным ударом», «Дать отпор зарвавшимся палачикам», «Долой провокаторов войны».

Поводом для развязывания войны послужили провокации на советско-финляндской границе. Были эти провокации со стороны Финляндии или со стороны Советского Союза ученые-историки сейчас сказать затрудняются.

26 ноября 1939 г. в ноте Советского правительства было объявлено об обстреле финской артиллерией советской территории возле селения Майшила, расположенного в километре от границы с Финляндией, повлекшей за собой человеческие жертвы: было убито 3 рядовых, один младший командир, ранено 7 рядовых и двое из командного состава. Советские войска воздержались от ответного обстрела.

В ответной ноте 27 ноября 1939 г. финская сторона опровергла выдвинутые против нее обвинения и заявила, что «жертвы стали в результате несчастного случая, происшедшего при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне», она предложила создать независимую комиссию для расследования инцидента.

Ни тогда, ни позднее не были названы фамилии погибших и раненых красноармейцев и младших командиров. В печати не публиковались и результаты обследования места инцидента, которое было приказано провести начальнику оперативного штаба ЛВО полковнику Тихомирову П. Г.

Повторные вооруженные провокации с финской стороны были допущены 28 ноября, о чем 29 ноября сообщала газета «Правда».

28 ноября 1939 г. в очередной ноте Советское правительство заявило Финляндии, что исходя из наглых требований и провокаций, — «с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией (в 1932 г. — В. С.) и систематически нарушаемого правительством Финляндии». Только тогда в Хельсинки стали понимать, что события заходят слишком далеко.

Вечером 29 ноября из Хельсинки были отозваны политические и хозяйственные представители Советского Союза. В тот же день с Финляндией разорваны дипломатические отношения.

В ночь на 30 ноября 1939 г. войскам Ленинградского военного округа был дан приказ о переходе государственной границы с Финляндией на всем протяжении от Балтийского до Баренцева моря. Так началась советско-финляндская война.

Первые попытки прорыва линии Маннергейма не увенчались успехом. В конце декабря 1939 г. Главный Военный Совет вынужден был приостановить наступление наших войск, с тем, чтобы заново спланировать операцию по прорыву линии Маннергейма и провести к ней соответствующую подготовку, более надежно организовать управление.

Неудачи боевых действий советских войск в декабре 1939 г. связаны прежде всего с ошибками самого плана ведения войны, который был рассчитан на молниеносную операцию (две недели), исходя из явной переоценки возможностей Красной Армии и недооценки возможностей противника. Поэтому командование не предусмотрело ведения боевых действий в условиях суровой зимы, в силу чего войска были недостаточно обеспечены зимней одеждой и соответствующим снаряжением.

Вологодская область сразу же по существу стала прифронтовой территорией. А город Вологда, с ее крупным железнодорожным узлом и выгодным военно-географическим положением, оказался на пересечении важных железнодорожных артерий, питавших советско-финляндский фронт вооружением и техникой. Через Вологду нескончаемым потоком из глубины районов страны шли на фронт эшелоны с личным составом.

С целью обеспечения бесперебойной работы по выполнению воинских оперативных и снабженческих перевозок на фронт по Ярославской, Кировской и Северной железным дорогам, в г. Вологде 13 января 1940 г. был сформирован отдел ВОСО. В Вологде размещался отдел Артвооружения тыла ЛВО. Ранее в Вологде были размещены военные склады НКО разного назначения.

Только в феврале — первой половине марта 1940 г. на станциях снабжения принято и разгружено 14270 вагонов с армейскими грузами; на ст. Вологда-1 пропущено через санитарную обработку 138 эшелонов (65.287 человек) с личным составом; по санитарной эвакуации перевезено 28.644 человека.

На территории области развернуты 6 эвакуогоспиталей: в г. Вологде — 3, в г. Череповце — 3. Госпитали уже 29 ноября 1939 г. были готовы к приему более двух тысяч человек. К эвакуопункту в г. Вологде приписано 33 военно-санитарных поезда. Кроме этого, в связи с возрастающей санэвакуацией в период марта 1940 г., из ЛВО было придано 5 ВСП.

В Вологде была проведена большая работа по формированию из вологжан лыжных батальонов, а по перевооружению автоматическим стрелковым и дообеспечению минометным вооружением следовавшего на фронт личного состава многих лыжных батальонов из Забайкальского и Сибирского военных округов.

Вологжане активно участвовали в оказании помощи раненым бойцам в местных госпиталях подарками в виде предметов личного обихода, табачно-галантерейных предметов и др., всего на сумму 47 тыс. рублей. Кроме этого, общественные организации г. Вологды израсходовали на оборудование комнат отдыха для встречи раненых бойцов с посетителями 50 тыс. рублей.

По неполным данным отправлены из районов области для бойцов действующей армии подарки на сумму 206 тыс. рублей — в виде теплых свитеров, носков, валенок, папирос, гармошек и др.

Оперативно решались на местах вопросы оказания материальной помощи (денежные пособия по линии соц. обеспечения) семьям военнослужащих, устройства жен военнослужащих на работу, детей в детские учреждения.

Следует сказать, что в РГВА и ВОАНПИ (бывший партархив Вологодской области) оказалось значительное количество документов о роли и участии вологжан в советско-финляндской войне.

Но, как крушый недостаток, надо отметить, что у нас нет книг воспоминаний участников советско-финляндской войны.

В ходе ожесточенных боев в период с 11 февраля по 13 марта 1940 г. линия Маннергейма на Карельском перешейке была разгромлена на всю ее глубину, что собственно и решило исход войны. Финское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о мире. Война закончилась мирным договором, подписанным в Москве 12 марта 1940 года.

Хотя и дорогой ценой, но стратегические позиции СССР на северо-западе были улучшены. Теперь расстояние от Ленинграда до новой границы составляло 150 километров.

Советско-финляндская война длилась около 105 дней, она не принесла ни славы победителю, ни позора побежденному. Победа в войне досталась нам большой кровью, принесла советскому народу горе и страдания, потребовала больших жертв.

В Российском государственном военном архиве находятся не подписанные и не утвержденные рисунки, положения и описания двух вариантов медалей «В память о советско-финляндской войне 1939-1940 гг.», и медали «Серебряная Звезда». Эти идеи в жизнь не были воплощены. Слишком велика была цена победы...

В 1993 году вышла в свет книга «Гриф секретности снят». Под общей редакцией генерал-полковника Кривошеева Г. Ф. В книге на стр. 121 (таблица 54а) опубликованы уточненные итоговые данные о числе безвозвратных потерь в советско-финляндской войне 1939-1940 гг.

Виды потерь	Командиры	Младшие командиры	Рядовые	Воинское звание не указано	Всего
Убито и умерло от ран на этапах сан. эвакуации	6000	9611	54215	1388	71214
Умерло от ран и болезней в госпиталях	802	1436	12185	1869	16292
Пропало без вести	1010	2998	33827	1534	39369
Итого:	7812	14045	100227	4791	126875

Санитарные потери в советско-финляндской войне составили (см. стр. 125, таблицу 55 книги):

Ранено, контужено, обожжено — 188671 человек,

Заболело — 58370

Обморожено — 17867

Итого: 264908 человек.

Потери военнослужащих, уроженцев Вологодской области в советско-финляндской войне характеризуются следующими данными:

Погибло — 1520 человек,

Умерло от ран и болезней — 233

Пропало без вести — 613

Итого: 2366 человек.

В числе погибших вологжан — 143 кадровых военнослужащих: красноармейцев — 69, младших командиров — 31, командиров — 43, что составляет шесть процентов от общего количества погибших. Остальная часть погибших военнослужащих — 94%, — мобилизованные и призванные в Красную Армию, не обученные или недостаточно обученные военному делу.

В Книге Памяти показаны данные о безвозвратных потерях военнослужащих-вологжан: по воинскому званию; по возрасту, а также сводные данные о погибших по всем 43 районам области и 4 городам областного подчинения.

Из документов РГВА известно, что 18, 44, 163, 168 стрелковые дивизии и 34 лтбр в ходе войны были блокированы финнами, находились в окружении. Только в 168 сд погибло 619 вологжан, или 26% от общего числа погибших (2366 человек).

***

В Финляндии эту войну называют «зимней», у нас — «финской». С легкой руки Твардовского А. Т. в памяти старшего поколения она

осталась как война «незнаменитая». Донгаров А. Г. — сотрудник историко-дипломатического управления МИД бывшего СССР (его публикации по советско-финляндской войне, на мой взгляд, являются лучшими), высказывает мнение, что правомерно еще одно определение: война, которой могло не быть. «Этой войны могло не быть потому,— пишет Донгаров А. Г., что ее истинные фундаментальные причины лежали за рамками отношений между двумя странами. Взятые сами по себе, пусть далеко не идеальные, советско-финские отношения не подразумевали неизбежности вооруженного конфликта. Все резко переменялось с того момента, когда в Европе угроза всеобщей войны стала реальностью. В обстановке растущей первозности и взаимного недоверия запас прочности советско-финских отношений оказался недостаточным для того, чтобы пройти такое испытание, как мировая война. С этим, на мой взгляд, нельзя не согласиться.

Несмотря на сложность создавшейся ситуации, Советский Союз мог и должен был воздержаться от применения силы. Но не меньшую долю ответственности за происшедшее несет и финское руководство, которое по признанию Юхо Паасикиви, легкомысленно и прямолинейно, вопреки здравому смыслу, в расчете на поддержку Запада вело авантюристическую линию на конфликт с СССР. Урхо Кекконен, около 26 лет (1956-1981) являвшийся президентом Финляндии, неоднократно отмечал, что войны можно было избежать, если бы тогдашнее руководство Финляндии проявило понимание интересов СССР и самой Финляндии. В беседе с Урхо Кекконеном в начале 1950-х годов Молотов признал, что свою долю вины за развитие событий, приведших к войне, несет Советский Союз.

Неоднозначно была воспринята война общественностью страны, а также со стороны ряда военнослужащих Советских Вооруженных Сил. Об этом говорит хотя бы такой факт, что за различные высказывания против правительства, войны, руководства Красной Армии было осуждено судом военного трибунала 843 военнослужащих.

* * *

В июле 1992 года во время официального визита в Финляндию Президент России Ельцин Б. Н. во имя окончательного примирения с финнами поклонился Кресту героев — символу павших бойцов Финляндии, сражавшихся в войнах 1939-1940 и 1941-1944 гг.

В ходе визита подписано соглашение об увековечении памяти российских и финских солдат и офицеров, погибших в войнах 1939-1940 и 1941-1944 гг. Оно предусматривает идентификацию мест захоронений, составление списков погибших, облегченный режим посещения могил родственниками. Таких захоронений найдется немало: только в Финляндии в годы второй мировой войны было создано около 70 лагерей для

военнопленных, в которых находилось около 40 тысяч советских военнослужащих. Финны считают, что 1/3 из них погибли.

В Вологодской области через лагерь НКВД в г. Грязовце с 7 января 1940 г. прошли 847 финнов, в ходе советско-финляндской войны оказавшихся в плену у Красной Армии.

* * *

За образцовое выполнение заданий командования в советско-финляндской войне, проявленные при этом доблесть и мужество, девять вологжан удостоены звания Героя Советского Союза: старший лейтенант Ивановский П. И. (посмертно), старший политрук Квашнин И. Ф. (посмертно), старший лейтенант Большаков Н. Г., младший лейтенант Игошев А. А., младший командир Лошков А. И., младший командир Поросецников П. Ф., рядовой Стеблев А. Ф., лейтенант Хватов И. А., младший лейтенант Южаков В. М.

По неполным данным более 450 военнослужащих-вологжан награждены орденами и медалями СССР. Из числа гражданских лиц, в основном г. Вологды, орденами и медалями СССР награждены 29 человек.

СУДАКОВА Л. К. (Вологда)

ПОТЕРИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ВОЛОГЖАН В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (по материалам «Книги Памяти»)

Подсчет потерь личного состава на любой войне — процесс сложный и по объективным, и по субъективным причинам. Когда же речь идет о самой масштабной по числу участвующих в ней государств и по количеству жертв, принесенных человечеством, — второй мировой войне — задача усложняется вдвое.

Каково же истинное число военнослужащих — граждан СССР, включая уроженцев Вологодской области, не вернувшихся домой? В послевоенные годы данная тема была засекречена, а потому упущено столь дорогое для исследований время. Методика подсчета потерь личного состава может быть принята во внимание лишь для получения данных самого общего порядка, она не гарантирует абсолютной точности, так как устраняется от сбора подробной информации о каждом погибшем или пропавшем без вести участнике войны.

Изменения, которые наместились в работе архивохранилищ, широкий доступ к архивным фондам, открытие для научных изысканий центральных архивов Министерства обороны, местных военных комиссариатов с параллельной проработкой массива документов, содержащихся в отделах социального обеспечения, архивах ЗАГСов, позволили иначе подойти к выявлению состава погибших защитников Отечества и подготовке мемориальных сводов их имен.

Исследователи, работавшие над «Книгой Памяти Вологодской области», ввели научный оборот уникальный исторический источник — извещения с фронта и из госпиталей на погибших, пропавших без вести и умерших от ран солдат и офицеров. В методике работы над «Книгой Памяти Вологодской области» выделяется два существенных момента. Во-первых, на ее страницы заносятся имена всех вологжан, отдавших жизнь за Родину, вне зависимости от места их призыва. Это принципиально важно, поскольку стабильность такого признака как место рождения не может вызывать сомнения, в то время как вологжан призывного возраста могли мобилизовать не однажды (такие случаи имели место).

Во-вторых, информация о погибших вологжанах, почерпнутая из архивов, как правило, имела предварительную публикацию в районных газетах. Это была вынужденная, но во многом оправдавшая себя мера: данные о погибших страдали неполнотой, нуждались в уточнениях фамилии, имени, воинские звания, даты рождения и гибели, места рождения и захоронения. Исходя из соображений истинности, составители вынуждены были ввести два раздела в книге: «Военнослужащие (партизаны), время, место и обстоятельства гибели которых известны» и «Военнослужащие (партизаны), место и обстоятельства гибели которых не установлены». Это указывает на незавершенность исследовательской работы и на необходимость продолжения поиска.

В целом принципы подсчета потерь военнослужащих исходя из составленного поименного списка не вернувшихся с фронта представляется наиболее целесообразным и с точки зрения науки и наиболее оправданным с точки зрения позиций гуманизма.

ТУРУПАНОВ Н. Л. (Вологда)

ВОЛОГДСКИЕ МЕДИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Доброта и мужество, отзывчивость и забота о больном человеке — эти качества медиков с особой яркостью проявились в годы Великой Отечественной войны.

Молодые и убеленные сединой медики день и ночь, в самых невероятных условиях, не щадя своих сил и здоровья боролись за жизнь раненых и эвакуированных. Люди не считали, сколько им будут платить за их сверхтяжелый труд, когда приходилось сутками помогать раненым солдатам. Нередко медики давали свою кровь прямо у операционного стола.

«Ряды доноров росли день ото дня. Если до войны в Вологде было всего 149 доноров, то к апрелю 1942 года их число увеличилось почти в 50 раз и составило 7200 человек...

... в 1943 — 17,7 тысяч, а в 1944 более 18 тысяч доноров»¹.

Десятки госпиталей было развернуто на территории страны, в том числе и в Вологодской области. Самая большая трудность в их обеспечении — недостаток кадров. На тех, кто стал здесь работать, легли не только громадные физические нагрузки, но и моральная тяжесть, когда приходилось круглые сутки видеть кровь, мучения и стоны раненых, их увечья и нередко смерть.

На смену ушедшим на фронт встали новые люди, прошедшие ускоренные курсы по выхаживанию раненых. «За три года Великой Отечественной войны в Вологодской области было подготовлено 2014 медицинских сестер и 3742 сандружинниц. Свыше 25900 активистов общества Красного Креста дежурили у постели раненых и больных»².

Благодаря самоотверженным действиям профессионалов-медиков, и их помощников «в строй возвращались 73% раненых и 90,6% больных солдат и офицеров. Это позволяет говорить о значительном вкладе медиков в победу над врагом»³.

Гуманизм и милосердие проявились у тысяч вологжан в дни, когда Вологда стала пристанищем для десятков тысяч эвакуированных ленинградцев. Люди делились с изнеможенными приехавшими последним что имели, разделяя горькую чашу того горя, которое обрушилось: питанием, жильем, искренним душевным участием. Сопереживая трагедию эвакуированных ленинградцев, многие вологжане брали к себе в семьи детей, деля с ними крохи хлеба, нередко отрывая их от своих детей. «На 1 сентября 1943 года по области было усыновлено 273 ребенка»⁴.

«Жители Вологды и Вологодской области спасали этих полумертвых людей своей беззаветной любовью, теплом души, лаской добрых рук и смертельной надеждой хлеба... Мне хочется поклониться низким поклоном за их человеческий подвиг памяти. Любви и Веры...»⁵.

И еще один острый штрих в характеристике вологодских медиков. «Осенью 1944 года сразу три госпиталя — один в Череповце, один в Бабаеве и один в Вожеге перешли на обслуживание военнопленных. Известие об этом вызвало среди медицинского персонала неоднозначную реакцию. Многие успели потерять на фронте родных, близких, не раз слышали рассказы раненых красноармейцев о зверствах немецких солдат. Внезапный переход к необычной работе потребовал перестройки сознания людей на необходимость лечения врагов, принесших столько горя и страданий нашей Родине»⁶.

Многие военнопленные поистине были потрясены тем вниманием русских медиков, которые искренне помогали раненым или больным врагам, проводя уникальные операции, круглосуточно дежуря у постели, выполняя не только профессиональный, но и гражданский долг. Когда одному из военнопленных было сделано дважды переливание крови, он был удивлен: «Я почти не верил, что советская девушка дала свою кровь, чтобы спасти военнопленного солдата нацистской армии; которая опустошала и грабила ее страну, убивала советских военнопленных. Я не думаю,

чтобы какая-нибудь немка-медсестра когда-нибудь давала свою кровь, чтобы спасти жизнь русского военнопленного»⁷.

Примечания:

¹ Подольский В. М., Конасов В. Б. «Труд и подвиг прифронтовых медиков». Москва: «Прометей», 1990. С. 44.

² — стр. 38.

³ — стр. 55.

⁴ Очерки истории Вологодской организации КПСС. Сев.-Зап. книжное изд., 1969. С. 503.

⁵ См.: Реквием 1941-1945, часть 1, Вологда, 1990. С. 4.

⁶ В. Конасов, В. Судаков. Эхо минувшей войны. Вологда, 1994. С. 70.

⁷ В. Б. Конасов, В. М. Подольский, А. В. Терещук «Неизвестные страницы истории». Москва, М. П. «Рарог», 1992. С. 38.

ПОДДУБСКАЯ З. Е. (Устюжна)

«МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ»

Историки, военные начальники, политики, анализируя итоги войны, подчеркивают единение фронта и тыла, которое обеспечило победу.

Осенью 1941 г., когда немцы подошли к Тихвину, гул орудийных залпов был слышен и в Устюжне. Через наш город и села шли и шли на восток люди, стада скота, везли оборудование заводов. Из Устюжны были эвакуированы детские дома, а к нам привезли детей из осажденного Ленинграда. В крупных зданиях города расположили госпиталей, но как только у Тихвина наступил перевес в боях — все движение на восток остановилось и тысячи ленинградцев стали жителями нашего города и района. Не было ни одного дома, который бы не принял эвакуированных.

За короткое время все предприятия района переориентировали свое производство на нужды фронта. Изданный через неделю после начала войны Указ правительства изменил режим работы предприятий, рабочий день по необходимости мог быть увеличен на 3 часа и достигал 11 часов в день.

Крупнейшее предприятие района — судостроительная верфь им. Желябова, увеличила выпуск барж. Если в 1940 г. сдавали баржи грузоподъемностью 7620 тонн, то в 1943 — грузоподъемностью 27 300 тонн. А ведь 85 процентов мужчин-плотников уже были призваны в Армию. Желябовцы освоили производство плавучих госпиталей, волокуш, лыж, а в конце войны и стандартных домиков для Сталинграда и других населенных пунктов.

Спиртзавод перепрофилировался на выпуск витаминизированных спиртных напитков из хвои, шиповника и аскорбиновой кислоты. Разно-

промартель «Объединение» увеличила выпуск ватированной одежды, сапог, валенок.

Инициативно и изобретательно трудились колхозники и рабочие совхозов. Чтобы как-то восполнить недостаток тракторов и лошадей, они настойчиво приучали для работы в упряжке быков и малопродуктивных коров. Их усилиями было обучено за короткий срок около 700 голов крупного рогатого скота, в том числе 200 коров из личного хозяйства колхозников. Конюх колхоза «Сознание» Кормовесовского с/с А. И. Лисин вырастил 70 лошадей, из них 16 передал Красной Армии, за что был в 70 лет награжден медалью «За трудовое отличие».

Зерновые снимали вручную, подвозки корма вручную. Нельзя переписать всего, что приходилось делать вручную. Вместе со взрослыми трудились дети и подростки.

4500 колхозников и служащих были отмечены медалями «За доблестный труд в ВОВ».

Самая тяжелая ноша легла на женские плечи. К началу 1943 года 51 женщина района стала во главе колхозов, более 100 — бригадирами и 73 — работали зоотехниками, а 58 женщин освоили профессию трактористок. Не было ни одной отрасли, где бы не работали женщины: на лесозаготовке, на оборонительных сооружениях, на строительстве аэродромов в Устюжне и Люботове, на спичечной фабрике, на мельнице.

Без участия женщин не проходила ни одна кампания по сбору средств на нужды фронта. Подчас женщины отдавали свои последние сбережения. Растить и воспитывать детей, как правило, без мужа, который был на фронте, вынуждены были вологжанки в условиях невероятных морально-психологических переживаний, связанных с гибелью близких, нехваткой продовольствия, одежды, сверхурочных работ на производстве и в колхозе. Они не знали выходных дней и очередных отпусков (кстати, только в 1943 году были установлены выходные дни и в отдельных случаях отпуска).

Беспримерные подвиги тружеников тыла будут вечно жить в благодарной памяти поколений и призывать новые поколения к мужеству, выносливости, состраданию, душевности, добру в любых экстремальных ситуациях.

ЦВЕТКОВ С. Н. (г. Вологда)

ПОДВИГ МИНЕРОВ ОШТЫ

Большой вклад в дело победы внесли трудящиеся нашей прифронтовой области. А на долю Оштинского района выпала особая роль. Здесь в течение трех лет проходил передний край обороны частей Красной Армии и финских войск. 990 дней длилась Оштинская оборона. Здесь гибли люди и были свои герои. За время военных действий нашими

подразделениями и противником была заминирована территория района на площади 140 квадратных километров. Минные поля были расположены на территории 15 колхозов, они занимали 2015 га пахотной земли, 2469 га сенокосов. Документы об этих малоизвестных страницах войны, подвиге бойцов-минеров Ошты долгое время находились под грифом «совершенно секретно». Они те только не публиковались, но и допуск к ним исследователей был предельно ограничен.

В соответствии с Постановлением ГКО от 19 февраля 1944 г. «О разминировании местности, освобожденной от противника» 24 июня 1944 г. Военный Совет Карельского фронта принял решение о разминировании полосы Карельского фронта, входящей в состав Вологодской области. Разминирование местности и сбор оставшегося трофейного вооружения возлагались на организации ОСОАВИАХИМа. По решению облисполкома из числа молодежи Оштинского, Вытегорского, Кирилловского, Шольского и Андомского районов была сформирована команда саперов-минеров в количестве 144 человек. Для руководства этими работами создан областной штаб.

После соответствующей подготовки 26 июля 1944 г. команда приступила к разминированию. Эти работы продолжались 3 года. Было разминировано более 400 минных полей, снято и обезврежено около 120 тысяч взрывоопасных предметов, собрано большое количество оружия и боеприпасов.

Многие из участников разминирования, несмотря на то, что впервые в жизни увидели мины, быстро освоили технику разминирования и стали во главе отделений, взводов, показали образцы самоотверженного труда, проявили храбрость, мужество и выдержку при снятии и обезвреживании мин. В докладе приводятся многочисленные примеры работы бойцов-минеров, которые за летне-осенний сезон снимали по 1200 — 1500 мин. Постановлением Президиума ЦС ОСОАВИАХИМа СССР активные участники разминирования были награждены знаком «Отличный минер». А 16 наиболее отличившихся минеров были представлены к правительственным наградам — ордену Красной Звезды, медали «За боевые заслуги».

Тяжелой и опасной была их работа. Да, бойцы-минеры не держали в руках автоматы и винтовки, не стреляли в фашистов и не ходили в атаку. Но они хорошо знают, что такое передовая, что значит минное поле, потеря друзей. На минных полях они ежедневно, ежеминутно подвергались смертельной опасности, рисковали жизнью. Освобождая родную землю от смертоносного оружия, часть бойцов-минеров погибла, ряд из них получили ранения, стали инвалидами. В докладе подробно говорится об этой печальной статистике, приводятся примеры трагических случаев, называются их причины. Преодолев все трудности, лишения, глядя смерти в лицо, они с честью выполнили эту сложную задачу, совершив подвиг, как солдаты в бою.

По-разному сложилась их жизнь после войны. По всему бывшему Союзу ССР разбросала судьба бойцов-минеров Ошты. Сегодня они проживают в республике Беларусь и на Украине, в Керелии и на Урале, в Москве и С.-Петербурге, Мурманске и Вологде, но большинство из них живут и продолжают трудиться по мере сил на своей малой родине, в Вытегорском районе. Со многими из них архив поддерживает связь. Совместными усилиями удалось многим бойцам-минерам документально подтвердить их участие в разминировании полей Ошты для получения местных льгот.

Близится полувековой юбилей нашей Победы в Великой Отечественной войне. Не все участники разминирования дожили до этого светлого дня. Но все они заслужили, чтобы их подвиг, их имена навечно сохранились в памяти народной.

КЛИМОВ А. Н. (Череповецкий район)

О ХОДЕ, ХАРАКТЕРЕ И ОСОБЕННОСТЯХ МОБИЛИЗАЦИЙ В КРАСНУЮ АРМИЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

(по материалам Череповецкого района)

По отношению народа к войне можно с уверенностью сказать о его характере и нравственных качествах, настроении, общественно-политической активности, любви и преданности Родине и государству. Материалы об участии населения в оборонных мероприятиях страны являются наиболее важными источниками для анализа социально-экономических и общественно-политических процессов определенного исторического периода.

В информации Вологодского обкома ВКП(б) по итогам второго дня мобилизации отмечались Череповецкий район и г. Череповец, где явка военнообязанных была в подавляющем большинстве организованной и своевременной. Во всех городах и районах области в первые два дня войны поступили многочисленные заявления о зачислении добровольцами в армию. Первыми в области на 26 июня закончили мобилизацию людей и транспорта Петриневский, Вашкинский и Мяксинский районы. На 27 июня 14 райвоенкоматов области (в т. ч. Череповецкий район и г. Череповец) в основном закончили мобилизацию запасных, автомобильного, тракторного и гужевого транспорта.

В целом по области в ходе первой мобилизации из 57414 запасных явилось на сборные пункты 55848 человек, что составило более 97 процентов от общего числа. Не явилось на сборные пункты 1566 военнообязанных¹. В оперативных сводках обкома ВКП(б) в первые дни войны содержатся лишь единичные факты членовредительства со стороны военнообязанных. В Мяксинском районе был обнаружен дезертир Сироткин, который сбежал из воинской части. Отмечен был также факт прибытия

в г. Череповец партии мобилизованных из Кириллова на пароходе в таком состоянии, что невозможно было производить их погрузку в эшелон.

Многие наши традиционные представления о первых днях войны не всегда совпадают с конкретными историческими фактами. Начальник Череповецкого гарнизона полковник Зайцев в своем приказе от 10 июля 1941 года отмечал: «Двор и здание учительского института по проспекту Луначарского, занимаемые 13-м отдельным батальоном ВНОС, превращены в место свиданий, со всех сторон окружены женщинами с утра и до позднего вечера»².

В любом явлении действительности всегда присутствуют две стороны. Приведенный выше факт хронологически соседствует с другим фактом: на 10 июля 1941 года по Вологодской области добровольно подали заявления о зачислении в народное ополчение свыше 12 тысяч человек.

Мобилизации в годы гражданской войны проходили в совершенно другой политической обстановке, в условиях невероятной экономической разрухи в хозяйстве страны и крайнего утомления войной всего населения. В период гражданской войны в состав Череповецкой губернии, образованной в 1918 году, входили Белозерский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский и Череповецкий уезды. С октября 1918 года по 1 октября 1920 года на территории губернии было проведено 35 мобилизаций, направивших в ряды Красной Армии 38310 человек. Но за период с 3 февраля 1919 года по 1 октября 1920 года в губернии было зарегистрировано 43391 дезертир, в том числе «по слабости воли» — 39807, «зlostных» — 3584 человека³. В годы гражданской войны дезертирами «по слабости воли» считались военнослужащие, пробывшие в отлучке менее 14 дней, а также те, кто пробыв в отлучке и более длительный срок, но отлучка которых признавалась комиссиями по борьбе с дезертирством «заслуживающей уважения».

К «зlostным» относились красноармейцы, пробывшие в отлучке более 14 дней, ушедшие из воинской части с казенным имуществом или оружием, скрывшие при задержании свое имя, оказавшие при задержании сопротивление, бежавшие два раза и более.

Подводя итоги первых мобилизаций в Красную Армию, председатель Череповецкого губкома РКП(б), губернский военный комиссар В. Я. Королев 5 февраля 1919 года на губернском съезде военкомов заявил: «Столкнувшись в нашей работе по проведению мобилизаций с непредвиденными и часто не совсем предвиденными явлениями, мы на практике обнаружили, что крестьянство не только зажиточное, но и беднейшее проявляет иногда упорство при проведении нами мероприятий, предписанных из центра, в интересах революции. Это упорство выливалось кое-где в формы вооруженных выступлений. Пришлось прибегать не только к мерам воздействия путем агитаций, но и применять самые решительные меры. Все эти меры известной цели достигли и волнения были подавлены в корне»⁴.

Во многих волостях губернии в 1918 году в связи с мобилизацией людей и лошадей вспыхнули вооруженные выступления.

За исследуемый нами период в Череповецкой губернии в целях борьбы с дезертирством были проведены две общегубернские облавы и 351 облава меньших масштабов. В ходе этих облав было задержано 13365 дезертиров. Нельзя отрицать тот факт, что 21779 дезертиров явились добровольно. Но что лежит в основе этой добровольности? Помимо облав применялся и целый ряд других репрессивных мер. По отношению к дезертирам было вынесено приговоров: к расстрелу 47, к тюремному заключению — 562, в концентрационный лагерь — 481, в штрафные части — 849, к принудительным работам — 19, основных приговоров — 785. Более 1100 семей дезертиров и их укрывателей было лишено имущества, конфисковано 698 голов рогатого скота, 8 лошадей, 172 надела земли. Укрыватели и семьи дезертиров были оштрафованы на 10755364 руб. На «дезертирские» волости было наложено контрибуций (штрафов) на сумму 3255899 руб. Документы свидетельствуют и о такой форме борьбы с дезертирством, как заключение в исправительные дома родителей (отцов) дезертиров. Не менее действенной в условиях города была и такая мера, как лишение семей дезертиров хлебного пайка⁵.

Как известно репрессивные меры применялись и в годы Великой Отечественной войны. В 1918—1929 гг. значительная часть крестьянства была против гражданской войны, она им навязывалась и «красными» и «белыми». Великая Отечественная война показала способность и готовность народа подняться над личным ради победы над врагом.

Примечания:

¹ ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, у. 231, л. 1, 3, 4, 21, 23, 24, 41, 43, 44.

² ВОАНПИ, ф. 1939, оп. 2, у. 153, л. 8.

³ ГАВО (Череповецкий филиал), ф. 261, оп. 1, у. 1, л. 3-5.

⁴ ГАВО (Череповецкий филиал), ф. 261, оп. 1, у. 17-а, л. 15-16.

⁵ ГАВО (Череповецкий филиал), ф. 261, оп. 1, д. 1, л. 5; д. 262, л. 58.

СПИВАК Т. О. (Вологда)

**К. А. ГРУЗДЕВ – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ЛЕТЧИКОВ-ИСПЫТАТЕЛЕЙ
РЕАКТИВНЫХ САМОЛЕТОВ**

Среди вологжан-участников борьбы против фашизма, есть имена, которые до сих пор привлекают внимание исследователей. Одним из таких людей является К. А. Груздев.

О летном мастерстве Груздева ходили буквально легенды. Однополчане утверждали, что он находится в постоянной «готовности номер один», может взлететь на любом самолете в любое время дня и ночи. Петр

Михайлович Стефановский еще в 1940 году записал в аттестации Груздева: «Летает смело и уверенно на всех истребителях, состоящих на вооружении ВВС... В военное время может быть использован на должности командира дивизии». Командовать дивизией Константину Афанасьевичу не довелось, а вот полком за те месяцы (менее года), что находился на фронте, командовал дважды. А между командованием полками с ноября 1941 по апрель 42-го был старшим летчиком-испытателем ВВС Северо-Западного фронта.

И в какой бы должности ни пребывал Груздев, он постоянно искал возможность совершенствовать тактику боя. Он первый на Северо-Западном фронте предложил инженерам заменить мотор на его МИГ-3 на более мощный и установить шесть реактивных снарядов. И случилось так, что первый испытательный полет на этом МИГе стал сразу и боевым. Поднявшись в воздух, Груздев увидел грушу «юнкерсов», идущих курсом на Бологое. Он ринулся наперехват, вклинился в их строй и выпустил первый реактивный снаряд. Вражеский бомбардировщик тут же загорелся. Второй снаряд — и снова точно в цель. Заметив, что русский летчик пользуется каким-то необычным оружием, остальные бомбардировщики развернулись и, выжимая из своих самолетов все возможное, поспешили ретироваться.

Разработал Груздев и, естественно, сразу же применил весьма эффективный прием борьбы с «Мессершмиттами-110» Поскольку этот прием был основан на применении фигур высшего пилотажа (например, восходящей спирали и притом на большой скорости), то некоторые летчики не сразу поверили в практическую осуществимость его. Пришлось командиру брать этих скептиков в ведомые и убеждать уже в бою.

Методы ведения воздушного боя, предложенные Груздевым, в полку с легкой руки летчика Д. Л. Калараша, стали называть «Костиной тактикой».

Следуя своему девизу — «Истребитель должен всегда искать боя, должен всегда находить противника и уничтожать его», — он всегда ввязывался в бой, какое бы количество вражеских самолетов не попало ему на пути. И результат — за столь короткий срок 17 сбитых вражеских машин. Командование ВВС фронта высоко ценило боевое мастерство этого летчика. 10 сентября 1941 года К. А. Груздев был представлен к званию Героя Советского Союза¹. Однако вручен ему был всего лишь орден Красного Знамени². В какой инстанции и почему было отклонено это представление, является еще одной загадкой судьбы К. А. Груздева.

15 мая 1942 года на уральском аэродроме НИИ ВВС летчиком Г. Я Бахчиванджи был поднят в небо первый в Советском Союзе реактивный самолет БИ-1. Из-под пера писателя Л. Экономова вышла и пошла гулять по публикациям легенда о том, что на банкете, устроенном по поводу этого полета, Груздев, якобы, сказал: «Первый вылет сделан. Теперь моя

очередь». Возможно эта фраза и была когда-то произнесена, но не на том банкете. В те майские дни подполковник Груздев принимал новый полк. Правда, командовать 416-м ИАП ему пришлось недолго. Его вскоре тоже отозвали в НИИ. Он действительно стал дублером Бахчиванджи. Но БИ-2 был еще в производственных цехах завода, а испытателям надо было «доводить до ума» самолеты, поступавшие по ленд-лизу, особенно американскую «аэрокобру». Этот истребитель проявлял в бою прямо-таки змеиный нрав. При пилотаже у самолета скручивало хвост. Прихварывала «кобра» и плоским штопором. Заявлял он о себе неожиданно, но всегда с неизменным результатом: вгонял машину в землю. Не случайно, когда французским летчикам из полка «Нормандия-Неман» предложили на выбор американскую «кобру» или английский «спитфайр», они попросили: «Дайте нам ЯК-3».

Испытателям предстояло определить ту критическую грань, вслед за которой разрушалась конструкция самолета. Забегая вперед, скажу, что определить эту грань удалось спустя годы после войны летчику-испытателю Андрею Кочеткову.

В январе сорок третьего БИ-2 прибыл на испытательный полигон. Стояла погожие дни. 10 января поднялся на нем Бахчиванджи, а на следующий день по заданию улетел в Москву. 12 января этот самолет поднял в небо Груздев. Выполнив задание, предусмотренное программой, он повел истребитель на посадку. И тут стоявшие на аэродроме заметили, что у БИ нет одной лыжи. Когда и как ее сорвало, оставалось только гадать, а самолет стремительно приближался к земле. Сообщить летчику о случившемся не было возможности: на БИ еще не было радиостанции. Поэтому за посадкой следили со страхом и надеждой. Груздев сумел посадить машину так искусно, словно ничего и не случилось. Выбравшись из кабины, он обежал самолет и воскликнул:

— Ну и дела... И сел...

А потом, когда его расспрашивали о полете, шутил:

— И быстро, и страшно, и огонь позади. Как черт на метле.

История с лыжей не изменила его отношение к БИ. Он готов был продолжать испытания этой «птички».

2 февраля он ушел на аэродром в надежде, что может быть в этот день, наконец, удастся «оседлать эту змеюку». Из полета он не вернулся.

Примечания.

¹ Архив Мин. обороны. ф. 221, оп. 1374, д. 121, л. 48.

² Там же. л. 41.

БОЕВОЙ ПУТЬ ВОЛОГОДСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История боевых формирований — 100-й СД 163-й и 286-й СД (стрелковых дивизий), а также 103 (65-й) танковой бригады начиналось на вологодской земле.

В составе этих соединений прошли свой воинский путь тысячи вологжан. Немало их навечно осталось лежать в братских и одиночных могилах под Ленинградом, в Карелии, на Украине и Курской дуге, в Прибалтике, Польше, Германии.

Формирование 100-й СД длилось с февраля по июнь 1942 года. Ее боевой путь пролегал через Воронеж, Белгород, Харьков. Войны дивизии дрались на Курской дуге, форсировали Днепр, участвовали в Киевской наступательной операции, освобождали г. Львов, воевали на территории Польши.

100-я СД, получившая название Львовской, в январе 1945 года во взаимодействии с некоторыми частями 322-й СД полностью очистила лагерь Освенцим от фашистов.

В боях за освобождение узников лагеря дивизия понесла потери: 67 убитых и 119 раненых солдат и офицеров. Последним этапом боевых действий было участие дивизии в Пражской операции.

Война практически уже закончилась, но на территории Чехословакии воины 472-й СП дивизии встретили 8 мая 1945 года отказавшуюся капитулировать большую группировку врага. Многие солдаты, сержанты и офицеры, пройдя всю войну, не дожили до победы всего несколько часов.

За мужество и отвагу 4458 бойцов и командиров дивизии награждены орденами и медалями.

В первые месяцы войны на Вологодчине была сформирована 263-я СД. Боевое крещение полки СД приняли в ноябре 1941 года. Дивизия охраняла Беломорское побережье, входила в состав Карельского фронта.

В январе 1943 года 263-я СД была переброшена на Юго-Западный фронт в район г. Балаклеи, форсировала Сиваш, в период Крымской операции дралась за Севастополь. За освобождение Крыма получила почетное наименование Сивашской. Участвовала в освобождении Латвии и Литвы, в составе других соединений штурмовала мощную фашистскую крепость Кенигсберг.

Боевой путь 263-й СД был завершен в Германии в районе Мариенбурга. Свыше 11 тысяч воинов дивизии награждены орденами и медалями. 19 солдат и офицеров стали Героями Советского Союза.

В истории Великой Отечественной войны только 4 Героя Советского Союза одновременно награждены орденом Славы всех трех степеней и среди них наш земляк — уроженец деревни Пытручей Вытегорского

района Николай Иванович Кузнецов. Эти награды он получил воюя в 263-й СД.

История 286-й СД начиналась также на вологодской земле. Соединение было сформировано в июле-августе 1941 года. В сентябре дивизия была срочно переброшена под Ленинград. Первое боевое крещение воины дивизии приняли 6 сентября 1941 года в исключительно трудной обстановке. Гитлеровцы, не жалея сил и средств, рвались к Ленинграду.

В составе войск Ленинградского и Волховского фронтов 286-я СД принимала участие в Синявинской операции. Цель ее — деблокада Ленинграда с суши и срыв готовящегося противником нового штурма города. Три с половиной года ее бойцы обороняли Ладожский путь в осажденный Ленинград, участвовали в снятии блокады города, в изгнании врага с территории Новгородской и Ленинградской областей. Дивизия получила наименование — Ленинградская.

Более 8 тысяч воинов 286-й СД награждены орденами и медалями, 9 из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В марте-июне 1942 года на территории области было сформировано довольно сильное танковое соединение — 103-я танковая бригада. В ходе войны она была переименована в 65-ю гвардейскую танковую бригаду. Прошла с боями от Курской дуги до Берлина.

Полное наименование ее следующее: 65-я гвардейская танковая Севско-Померанская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригада. Свыше трех тысяч ее воинов награждены орденами и медалями, 7 из них — Герои Советского Союза. Среди награжденных много наших земляков — вологжан.

Из других воинских формирований на Вологодчине отметим следующие: в конце июня 1941 года в Вологде был сформирован 34-й запасной стрелковый полк, вошедший в состав 29-й запасной стрелковой бригады.

Офицерский состав готовили военные училища, передислоцированные перед войной из Белоруссии — Лепельское в Череповце, Пуховичское — в Великом Устюге, а также Великоустюгское военное училище, находившееся несколько месяцев в городе Великий Устюг, а затем переведенное за пределы области.

Для оказания помощи войскам Ленинградского фронта был сформирован и отправлен под Тихвин батальон добровольцев, в основном коммунистов и комсомольцев численностью около тысячи человек.

Вологодский ударный батальон в декабре 1941 года принимал участие в освобождении Тихвина, с боями дошел до реки Волхов. Выполнив свой долг, был расформирован.

В ноябре 1941 года началось формирование Череповецко-Вологодского дивизионного района ПВО (ЧВДР). Штаб его находился в Вологде. Объектами ПВО в границах дивизионного района являлись станции погрузки и выгрузки войск, узлы Вологда, Тихвин, крупные железнодорожные мосты, гидросооружения Марининской и Северодвинской водных

систем. В апреле 1944 года ЧВДР ПВО был преобразован в 79-ю дивизию ПВО, которая летом 1944 года была передислоцирована в город Петрозаводск.

Более половины состава партийных работников области было направлено на политическую работу в Красную Армию. Из коммунистов и комсомольцев в своей основе был сформирован партизанский отряд «За Родину», действовавший в тылу врага. В числе добровольцев отряда были высококвалифицированные рабочие, служащие и ответственные работники.

МОРЩИН И Н А. А. (Вологда)

ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОГОДСКОЙ СЕКЦИИ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вологодская секция ветеранов Великой Отечественной войны начала свою деятельность 2 февраля 1963 года. Ее официальному признанию предшествовала большая работа, проводимая с 1959 года краеведческой группой ветеранов войны и комсомола. В эту группу вошли защитник Брестской крепости А. А. Виноградов, Герой Советского Союза В. М. Южаков, участники гражданской и Великой Отечественной войн В. М. Зыков и В. С. Киселев, офицер-артиллерист В. С. Сапон, ветераны комсомола А. А. Ершова, А. И. Кротов, Б. Н. Онищук, сотрудник музея А. А. Трофимова и автор этих строк. Группа развернула работу по сбору материалов об участии вологжан в войне и деятельность по воспитанию подрастающего поколения на примерах жизни земляков. Все собранные группой материалы коллективно обсуждались, систематизировались и составили основу фонда группы-краеведов музея. Активная работа не осталась незамеченной и при поддержке маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского в Вологде была создана секция ветеранов войны при музее.

К 20-летию Победы Вологодская секция насчитывала уже 153 человека, а к 30-летию — объединяла 2117 человек. Это десятилетие стало периодом самого активного роста секции. С начала 80-х годов число членов секции начинает неумолимо сокращаться. Фронтовики уходили на вечный покой.

Можно перечислять десятки активных, заслуженных ветеранов-вологжан: Авдощенко А. К., Андреев А. А., Анучин В. И., Бабаин А. А., Бривкин Н. Н., Брагин Г. А., Бараев И. А., Бушева А. П., Выжлов Н. А., Гостев Ф. А., Гура В. В., Долгов М. И., Добрецов М. А., Дмитриев В. С., Ельцов А. С., Задумкин Н. И., Зайцев М. М., Зернов Н. П., Зыков И. А., Зыков И. Д., Иванчук В. К., Калинин М. Д., Кавин А. М., Качанов С. Ф., Казанцев Н. В., Караулов А. А., Козлов А. В., Колычев Ф. И., Комиссаров П. М., Коробов Б. М., Кротченко П. С., Лагиманский Н. Г., Лаптев А. Д.,

Лапшин В. П., Лапшина М. А., Лебедев А. М., Лебедев Е. В., Лоховинин Н. А., Мигай М. Н., Малютин Г. И., Мамухин А. А., Мецзяряков В. В., Маслов Б. А., Маслухин В. А., Михасик И. Н., Михайлов К. И., Москвин Н. А., Нацун К. О., Николаев М. Т., Окулов А. С., Плагина Г. П., Пантелеев В. М., Павлушков Н. И., Перепетченко П. К., Порохин И. А., Потлов М. П., Пуляев В. Д., Ромашова Л. В., Соколов Г. И., Самойлов П. Г., Седунов А. А., Сергеев А. Н., Сидоров Г. Н., Скороходов А. А., Соколов А. Ф., Суслов С. А., Таранченко В. Г., Тюриков В. Н., Тихонов А. В., Тошчаков А. А., Гулин М. В., Уланов И. Е., Фаруицев Б. В., Федосеев С. Н., Чесноков О. П., Шестериков А. А., Яковлев Владимир и Петухов А. А. О каждом из них можно написать интересную книгу.

В работе секции большую помощь оказали бывший комиссар партизанского отряда в Карелии «Красный партизан» М. Ф. Королев — автор книги «В лесах Калевалы», а также бывший городской военком — Герой Советского Союза Н. И. Щетинин и сотрудник горвоенкомата К. Б. Белов, генерал Н. А. Москвин — материалами о генералах-вологжанцах и героях гражданской войны, а также начальники политотдела облвоенкомата подполковник Пожидаев, полковники Ананьев, Корепанов И. Л. и А. Г. Сакин, облвоецкомы — полковники Замалютин И. Ч. и Столбов В. А., генерал-майор Преснухин Н. Л.

Очень заметную помощь в поисковой работе оказывали начальник гарнизона генерал Д. А. Крутских, его заместитель — Герой Советского Союза, генерал П. А. Афанасьев и начальник политотдела, защитник Ошты в годы войны, ныне также генерал А. С. Миронов.

Ветераны секции войны проводили большую патриотическую работу с воинами гарнизона и допризывной молодежью. А во взаимодействии с комсомолом проводилась большая воспитательная работа с молодежью на предприятиях и учреждениях областного центра, стали создателями областного и городского штабов похода и советов ветеранов на предприятиях и советов ветеранов дивизий, сформированных во время войны на Вологодчине.

В дни открытых дверей в музее выступали с воспоминаниями активные участники былых сражений за Родину в воинских подразделениях, школах, учебных заведениях и ПТУ, постоянно проводились уроки мужества.

Ветераны войны вместе с молодежью страны приняли активное участие во Всесоюзном походе по местам боевой славы и дорогам отцов, матерей и дедов.

В 1974 году работу секции проверила комиссия советского комитета ветеранов войны, работу секции признала деятельной и рекомендовала принять ее в состав советского комитета ветеранов войны.

Первые пять лет городскую секцию ветеранов войны было доверено возглавлять мне, а затем ею руководили М. Н. Мигай, В. П. Лапшин, А. А. Андреев и последние годы Вологодский комитет ветеранов войны возглавля-

дуют подполковник участник боев на Курской дуге И. И. Слепокуров. Большой вклад в активную жизнь и деятельность ветеранской организации последовательно внесли будучи ответственными секретарями К. И. Михайлов, А. А. Караулов, А. А. Скороходов, О. В. Смирнов, А. Н. Воронков, а сейчас эту работу исправно продолжает В. А. Трофимов. За прошедший период проделана огромная исследовательская и поисковая работа. В результате получила свет книга М. Ф. Королева «В лесах Калевалы», с его помощью установлены были фамилии партизан отряда «За Родину», сформированного в 1942 году в Вологде, и летом 1972 года состоялась встреча народных мстителей. В 1964 году с помощью поэта Александра Романова и Бориса Ромодина получила свет книга Н. А. Выжлова «Сквозь огонь войны».

За три десятилетия секция ветеранов войны (ныне комитет) провела сотни интересных мероприятий и тематических вечеров, встреч с молодежью, воинами и учащимися школ и ПТУ. Они оказали секции большую помощь в сборе дополнительного материала о героике края, а ветераны помогли школам в создании школьных музеев и уголков славы. Ветераны войны Н. А. Волков, Н. Н. Задумкин, П. К. Перепетченко, Г. И. Соколов, В. К. Иванчук, А. Е. Бережной, Ю. А. Гладышев, В. А. Андриянов, В. М. Зыков, Г. А. Костоломов, В. П. Лапшин, А. А. Петухов, В. Т. Невзоров, Г. Н. Сидоров, Василий Коноплев и другие в своих публикациях в периодической печати подробно и обстоятельно рассказали о многих героях-вологжанках.

Это позволило издать книги-сборники «Вологжане — генералы и адмиралы», «Вологжане — Герои Советского Союза» (два издания, третье вышло под названием «Золотые звезды вологжан»), а также Н. Н. Задумкиным и А. А. Морщининым были написаны книги «Во имя жизни на земле» и «Солдаты славы не искали» и многие другие.

Большой вклад по выявлению данных о формируемых на Вологодчине частях и дивизий для фронта внес полковник В. П. Лапшин и подполковник Н. Е. Чаусенко. Много потрудились по установлению имен воинов и их захоронениях на Вологодчине А. А. Караулов, Г. Н. Сидоров, К. А. Шишов и студенты ВГПИ. Ветераны войны П. С. Коротченко и П. Я. Пекарь сделали для истории сотни фотографий участников героических сражений. А П. С. Коротченко после себя оставил более 30 любительских фильмов о Вологодчине.

С июля 1992 года вологодская секция ветеранов войны преобразована в Вологодский городской комитет Российской организации ветеранов войны. Ее устав зарегистрирован в Министерстве юстиции Р. Ф.

В настоящее время Вологодский городской комитет ветеранов войны возглавляет И. И. Слепокуров, ответственным секретарем является В. А. Трофимов. Большую нагрузку в комитете несет подполковник Л. З. Рассказов. Полковник В. Д. Амбарцумян возглавляет совет ветеранов войны прославленной 69-й Севской дивизии. А совет ветеранов 24-й (III)

гвардейской дивизии возглавляет после смерти Э. В. Белозерова многие годы капитан Г. А. Костоломов. Совет ветеранов войны ведет большую патриотическую работу — подполковник П. М. Антропов. Подполковник А. А. Пискунов выявил более сотни пограничников-вологжан и ряд лет возглавляет совет ветеранов-пограничников. Часто встречается с молодежью и школьниками бывший командир дивизиона «катуши» В. А. Маслов, медицинский работник М. Д. Орлова. Большую работу с ветеранами войны женщинами проводит Е. А. Гринько.

В настоящее время комитет ветеранов войны совместно с активом готовится к достойной встрече полувекового юбилея победоносного завершения разгрома фашистской Германии, к празднику нашей Великой Победы.

АКИНЬХОВ Г. А. (Вологда)

К ВОПРОСУ О КООРДИНАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА СТРАНЫ

В годы Великой Отечественной войны территории многих областей и республик Северо-Запада страны стали ареной ряда важнейших военно-стратегических операций. Маршал Советского Союза А. М. Василевский, оценивая, например, особенности битвы за Ленинград, отмечал, что она «по своему пространственному размаху охватила территорию всей Северо-Западной части Советского Союза и имела огромное политическое, экономическое и стратегическое значение для хода и исхода всей войны». По северным морским коммуникациям, конечными пунктами которых являлись Мурманск, Архангельск и другие порты, осуществлялась значительная часть поставок вооружения, промышленного оборудования и продовольствия Советскому Союзу из США и Англии и встречные поставки сырья и товаров из СССР в эти страны. Грузы из Мурманска и Архангельска перевозились в глубь страны по железным дорогам, проходившим, в частности, по территории Мурманской, Архангельской, Вологодской областей, Карелии. Территории Северо-Запада были связаны разного рода военно-организационными формами. В частности, Архангельская, Вологодская области и Коми республика по военно-административному делению входили в годы войны в состав Архангельского военного округа, штаб которого был в Архангельске. В то же время в Вологде находились Центральная база снабжения Наркомата обороны, управление уполномоченного Наркомата Военно-Морского Флота, управление крупнейшего в Вооруженных Силах распределительного эвакуационного пункта (РЭП-95).

Без изучения и анализа составляющих единого процесса войны на Северо-Западе страны она будет далеко не полной, урезанной. Отсюда —

исследования по ряду тем военной истории Северо-Запада выходят за географические границы той или другой области или республики.

Следует также иметь в виду, что через пять лет завершится XX век. В конце этого события и после него большие усилия исследователей будут направлены на осмысление сути и особенностей прошедшего столетия. Одним из аспектов этого осмысления будет, несомненно, и военная история Российского государства от русско-японской войны до сегодняшних дней. И то, что было сказано выше об особенностях изучения периода Великой Отечественной войны, в равной степени относится и к периодам других войн и военных конфликтов, в частности, гражданской войны, советско-финляндской и т. д.

Чтобы исследовательские коллективы создавались и эффективно работали, целесообразно иметь координационно-организационный центр в одной из местностей Северо-Запада, возможно в Вологде.

В Вологде уже сформировался устойчивый круг исследователей военной истории во главе с профессорами П. А. Колесниковым и В. В. Судаковым. Результатом их работы стал выход в свет в разные годы книг «Письма с фронта» (1979 г.), «Письма с фронта и на фронт» (1985 г.), одного тома «Книги-мемориала воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной Войны» (1988, 1989 гг.), одного тома «Реквиема памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной Войны» (1990, 1991 гг.), 13 томов «Книг Памяти городов и районов Вологодской области», книги «Ветераны Великой Отечественной Войны. Нюксенский район» (1993 г.), ряда книг по военной истории отдельных авторов.

В Вологде идет работа не только по исследованию истории Великой Отечественной войны, но и других периодов истории Российского государства XX века. Уже несколько лет ведется поиск, систематизация-подготовка к печати писем с фронтов войн этого века, начиная с русско-японской и кончая войной в Афганистане. Здесь впервые в стране создана и готовится к выпуску Книга Памяти Вологодской области со списками погибших в советско-финляндской войне 1940 года и со вступительной статьей о роли Вологодской области и вологжан в этой войне. В 1993 году издан сборник «Пепел Афгана».

Вологодский институт повышения квалификации педагогических кадров и педагогический оказывают научно-практическую помощь преподавателям и руководителям внеклассной работы учебных заведений области, музеям и библиотекам в изучении и популяризации российской военной истории. Областная группа «Поиск» (научный руководитель В. В. Судаков) имеет устойчивые связи с администрациями области, ее городов и районов, с местными, общероссийскими и некоторыми международными ветеранскими организациями, их центральными органами, с рядом управлений Министерства обороны России, с центральными архи-

вами; с рядом научных учреждений, исследователей России, ближнего и дальнего зарубежья, с поисковыми группами на местах.

Представляется, что при согласии научных кругов соседних областей и республик можно было бы перед центральными государственными и научными органами поставить вопрос о создании координационно-организационного центра изучения военной истории Северо-Запада России (с местонахождением в Вологде) на правах финансируемого филиала одного из центральных научных учреждений. В состав научного совета Центра вошли бы представители научных коллективов областей и республик Северо-Запада. Механизм действия центра и программу его деятельности предпочтительно отработать совместными их усилиями.

Секция
ВОЙНА И ЛИТЕРАТУРА.
ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ РУССКОГО СЕВЕРА

ДУХАН Я. С. (Санкт-Петербург)

ВЯЧЕСЛАВ КОНДРАТЬЕВ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

Вячеслав Леонидович Кондратьев поздно пришел в литературу и, к сожалению, слишком рано ушел из нее. Всего лишь около пятнадцати лет продолжался его творческий путь. Вернее, он был больше, если учесть, что в годы войны Кондратьев писал стихи, а в 50-е годы создал пьесу, которую даже принял к постановке один из московских театров. Официальный дебют писателя состоялся в феврале 1979 г., когда в журнале «Дружба народов» №2 была напечатана его первая повесть «Сашка», которая сразу привлекла к себе внимание читателей и критики и знаменовала собой появление в литературе нового, очень интересного автора. Опубликованные в дальнейшем его повести и рассказы могли быть лучше или хуже, но они подтверждали, что успех «Сашки» не был случайностью.

Появилось это произведение в тот период, когда литература о войне подошла к такому рубежу, за которым многие не видели перспективы. Казалось, тема исчерпала себя, то, что можно сказать и написать о войне, уже сказано и написано. Сама жизнь, и в первую очередь литература, доказала, насколько ошибочным было это мнение, потому что многогранна и неисчерпаема тема народного подвига. Только акценты со временем несколько смещались. Если раньше основное внимание уделялось описанию боевых эпизодов (так требовало время), то по мере развития литературы главный упор делался на характер, поступок, поведение человека в условиях часто экстремальных, какими была богата война. Элементы нравственно-психологического анализа, которые можно было наблюдать уже в некоторых произведениях 50 — 60-х гг., постепенно превратились в высший художественный принцип литературы, и в 70 — 80-е гг. прозу

о войне стали определять как нравственно-психологическую. Это совпало с дебютом Кондратьева.

Биографические данные его очень скромны. Родился в 1920 г. под Полтавой. Затем с родителями переехал в Москву, где и проживал до самой смерти. Поступил в архитектурный институт, с первого курса которого в 1939 г. был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке, откуда в 1942 г. попал на фронт. Воевать начал подо Ржевом, на одном из самых трудных и неудачных участков войны, чрезвычайно скупо освещенном и в научной, и в художественной литературе. В боях подо Ржевом было получено первое ранение. Затем будни войны, боевые награды. В конце 1943 г. — тяжелое ранение, госпиталь, инвалидность. Московский полиграфический институт и многолетняя работа художника-плакатиста. Тишина биография тех, кто молодому начал и закончил войну, но за два-три года повзрослел на добрый десяток лет.

Чем же интересен Кондратьев-писатель, что нового он внес в развитие военной прозы? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. То, что героем его повестей и рассказов является рядовой солдат «передка», не ново в литературе (вспомним хотя бы К. Воробьева). И все же наша проза о войне в большом долгу перед рядовыми, чернорабочими тружениками войны: слишком мало о них писали. Книги Кондратьева в какой-то степени восполняют этот пробел.

Почти все его произведения (а их примерно двадцать) сами по себе самостоятельны, но их связывает многое: некоторые общие персонажи, эпизоды, а главное — место действия. Ведь упоминаемые на страницах прозы Кондратьева населенные пункты Овсянниково, Черново, Селижарово, Бородухино и другие — это те места, где воевала 132-я отдельная стрелковая бригада, в составе которой был сам писатель.

Кондратьева можно считать первооткрывателем «ржевской» темы в военной прозе. На это указывал К. Симонов, много сделавший для начинающего автора. Он считал, «что история Сашки — это история человека, оказавшегося в самое трудное время на самом трудном месте и на самой трудной должности — солдатской».

А. Чаковский как-то говорил в одном из своих интервью, что нет ни одного человеческого качества, ни хорошего, ни плохого, которое не обнаружилось бы на войне. Заслуга Кондратьева в том, что он очень мягко, но убедительно находит и выделяет нравственные ценности своих героев.

«Сашка» шел к читателю трудно. Он вначале предназначался «Новому миру», но тогдашнее руководство журнала никак не могло решиться напечатать произведение, в котором говорилось о неудачных боях. К. Симонов отмечал ту серьезную неторопливость и тщательность, с которой относился Кондратьев к своей работе, не спеша вынести на суд читателей даже то немногое, что ему самому казалось отстоявшимся и законченным.

Героя повести, маленькому солдату Сашке трудности встречаются не только в боевой обстановке. Самая сложная ситуация для него возникает тогда, когда он получает приказ расстрелять пленного немца, а выполнить его не может. Не раз убивавший в бою, он не в состоянии выстрелить в безоружного, беспомощного человека. Финал повести, в котором комбат отменяет свой бессмысленный приказ, вызывает неоднозначную реакцию у читателей и критиков, но тем, наверное, и интересна проза Кондратьева, что она часто носит характер дискуссионный и предлагает читателю дать свою, чисто субъективную оценку событию или поступку. Это есть не только в «Сашке», но и в других произведениях. Например, поступок молодого командира, отпустившего пленного немецкого солдата («Овсянниковский овраг»), не может быть оценен однозначно. Ведь, с одной стороны, совершен гуманный, человеческий поступок, с другой стороны, это служебное преступление...

Герои Кондратьева разнообразны. Есть интересные характеры солдат: бывший учитель Савкин, Сергей Рябиков («Селижаровский тракт»), Талыкин («Житье-бытье»), Борька («Борькины пути-дороги»). Типы офицеров немногим отличаются от солдат, они такие же люди «передка», ежеминутно рискующие жизнью, в обороне или в атаке они всегда рядом. Своеобразие кондратьевских героев заключается в том, что они люди с чистой совестью, и никакая сила не может изменить в них главного — при всех обстоятельствах они остаются людьми. Любопытная деталь: положительных персонажей в повестях и рассказах Кондратьева очень много, отрицательных — единицы. Это закономерность, которая вытекает из объективной позиции автора: одной из причин нашей победы является то, что хороших, честных людей на войне было значительно больше. Это не значит, что писатель старается обойти острые углы и «не замечает» отрицательных фигур военного лихолетья. Запоминается и доносчик Талыкин («Житье-бытье»), и циничный ординарец Толик («Сашка»), а комбат («Искупить кровью») — это страшная фигура, через которую рассматривается острейшая проблема оправданности жертвы на войне.

Детали фронтовой жизни у Кондратьева не просто точны, они удивительно выразительны, он нетерпим даже к мелким неточностям. Это способствует искусству сопереживания, которое достигается изображением жизни в формах ее проявления, для автора важно то, что было на самом деле. В этом одна из причин его успеха.

Военная проза Кондратьева специфична, но многие критики отмечали и ее традиционность. Следовать традициям — это не эпитет, и поэтому, если мы видим в кондратьевских персонажах нечто напоминающее нам толстовских солдат, то это можно считать только заслугой писателя.

Повести и рассказы Кондратьева можно назвать «ржевским циклом», а посвящение к «Сашке» («Всем воевавшим подо Ржевом — живым и

мертвым...») можно отнести ко всему циклу, который сам писатель называл «ржевскими тетрадами».

Говоря о художественном своеобразии произведений Кондратьева, нужно отметить у большинства из них близость к очерковой и дневниковой форме. Некоторые рецензенты отмечали наличие сказовой формы, но это справедливо только к «Сашке», где характер героя раскрывается как бы изнутри. Элементы сказа проявляются иногда и в других вещах, но все же в них преобладает сухой и лаконичный стиль, — и это оправдано, т.к. автор стремится к наибольшей точности.

Язык кондратьевской прозы прост, но иногда не совсем удачными бывают попытки ввести лексику просторечья, продиктованные желанием придать речи некоторых персонажей народный колорит. Но речевая характеристика все же играет значительную роль в создании художественного образа.

Героев Кондратьева читатель принял и полюбил, а его творчество стало интересным, но, к сожалению, коротким этапом в развитии военной прозы.

АКИМОВА Л. В. (Череповец)

ТЕМА ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ С. ОРЛОВА

Сергей Сергеевич Орлов. Поэт. Солдат. Человек. Почему именно он стал для нас особенно дорог? Ответом могут стать строки Анатолия Алексина: «Его стихи юное поколение должно знать непременно! Как и его биографию. На таких стихах, на таких судьбах должны учиться мальчишки и девчонки рыцарству, благородству, отваге и доброте».

Когда несколько лет назад старшеклассники услышали рассказ о С. С. Орлове, пришло решение: о таком человеке нельзя вспоминать от случая к случаю, надо собрать все, что возможно, о его жизни. Так начался сбор материалов, которые составили первый стенд в кабинете литературы. Начала работу группа «Поиск». Прошла первая Орловская неделя, которая стала теперь доброй традицией у нас. Ребята знакомятся с жизнью и творчеством поэта, участвуют в конкурсах чтецов и иллюстраторов. Старшеклассники готовят литературный вечер о поэте.

Знакомство с воинскими подвигами и мужеством поэта на войне и в битве за жизнь в госпиталях подготовило ребят к восприятию не только его батальной линии, но и патриотической. Увлеченно готовились ребята к уроку внеклассного чтения «Родной край в творчестве С. Орлова». Ребята познакомились с книгой поэта «Белое озеро», рисовали иллюстрации к его стихам, в которых открывалась красота простых радостей, окружающих каждого из нас. Потом тема родного Белозерска в творче-

стве С. Орлова стала самостоятельным сообщением, с которым Светлана Розаена выступала на Всероссийском литературном празднике.

Появилась у ребят мечта — побывать в Белозерске, в доме-музее С. Орлова, увидеть памятник поэту, встретиться с людьми, знавшими его. Готовясь к поездке, написали скульптору Василию Павловичу Астапову, одному из авторов памятника поэту. С большим интересом после обсуждения «Жаворонка» слушали ребята Ольгу Королеву, ученицу 10 класса, ныне студентку, о литературном празднике в г. Белозерске к 60-летию со дня рождения С. С. Орлова, где она побывала с делегацией школы.

Позднее группа орловцев и десятиклассников побывала в Белозерске. Встретились с Иваном Игнатьевичем Бузиным, другом Сергея Сергеевича. Он рассказал много интересного о встречах с ним, помог собрать материал об истории создания памятника поэту в Белозерске, а также встретиться с одноклассниками Сергея Орлова Леонидом Михайловичем Соколовым и Михаилом Михайловичем Сеничевым.

Ушли, окончив школу, многие члены группы «Поиск», оставив наказ продолжить работу. Ребята к тому времени уже немало знали о жизни поэта, были знакомы с его стихами. Понимали, что они, орловцы, прежде всего отвечают за работу музея, что им надлежит нести знания о поэте другим. От накопления знаний был сделан шаг к их пропаганде. Экскурсоводами хотели стать многие, но честь вести экскурсии была предоставлена лучшим — Ире Андросовой, Свете Розаевой, Мише Шарову. Однако в работу музея включились все.

К уроку внеклассного чтения «Нравственные проблемы в стихах Сергея Орлова» десятиклассники писали сочинение «Какие мысли и чувства поэта близки мне».

Мы попытались воскресить традицию, когда при жизни Сергея Орлова собирались перед 9 Мая его друзья. Нет Орлова, но есть орловцы — и мы пригласили друзей Сергея Сергеевича Орлова к себе в гости.

На встречу с ребятами приехал Дмитрий Терентьевич Хренков, теплые письма прислали И. И. Бузин, А. Е. Масловская, А. Краснов, А. Н. Соколов.

«Станет ли каждый из ваших воспитанников гражданином, зависит от того, чему и кому принадлежит его сердце в годы отрочества», — писал В. А. Сухомлинский. Наша задача — сделать все, чтобы оно принадлежало таким, как Сергей Сергеевич Орлов — поэт, солдат, человек.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА С. ОРЛОВА И Ю. ДРУНИНОЙ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Место С. С. Орлова в программе средней школы по литературе. Приобщение школьников к лирике поэтов фронтового поколения. Выбор поэта для изучения в старших классах с учетом возрастных особенностей, уровня их восприятия, соотношения их миропонимания с мировоззрением избранного писателя.

С. С. Орлов — один из ярких представителей поэтов-фронтовиков. Мотивы интереса учащихся старших классов к творчеству С. С. Орлова: стремление к героическому, легендарному, увлечение историческим прошлым Родины, фантастикой, космосом, неизведанным, стремление разобратся в сущности любви.

Подготовительная работа: выбор стихотворений для знакомства с творчеством поэта, литературоведческих исследований, оформление стенда и литературной газеты о С. С. Орлове, распределение индивидуальных заданий.

Вступительное слово учителя о С. С. Орлове — совести поколения, опаленного войной.

«А мы прошли по этой жизни просто...»

Один из учащихся кратко повествует о жизненном пути С. С. Орлова, о его бескорыстной любви к малой родине.

«Порохом пропахнувшие строки...»

Выразительное чтение и анализ стихотворений поэта, выбранных учащимися.

«Маленькие шедевры большой поэзии...»

Чтение и анализ стихотворения «Его зарыли в шар земной...» — как эталона фронтовой лирики.

«Братья по судьбе — братья по перу...»

Краткая беседа о верности теме фронтового братства поэтов, юность которых опалена войной: М. Дудин, С. Гудзенко, Ю. Друнина, А. Межиров, Е. Вишукоров, Н. Старшинов...

«Наедине с тобою, брат, хотел бы я побыть...» (М. Ю. Лермонтов)

Звучит живой голос поэта. Прослушивание грамзаписи. С. С. Орлов читает «Голос первой любви моей...» и другие стихи.

«На Вологодчине есть улицы Орлова...» памятник ему и музей.

Один из учащихся проводит заочную экскурсию по дому-музею поэта в городе Белозерске.

«Потомок наш о нас еще вспоминает...»

Беседа по вопросам, подводящим итоги разбора стихотворений:

— Что мы узнали об отношении поэта к жизни, к человеку?

— Что волнует его в нашем времени?

— Что утверждает поэт? Какой идеал?

— Каковы истоки его творчества?
«Смерти никогда не будет. Будет жизнь».

Учитель ведет негромкий разговор о безвременно оборвавшейся жизни С. С. Орлова, о ее продолжении в оставшихся навсегда стихах, заветах.

«Под сводами души твоей высокой...» — композиция по поэме Ю. В. Друниной, друга С. С. Орлова.

«Думы о Сергее Орлове».

В завершение урока — рассуждение о непреходящем значении творчества С. С. Орлова, высказывания о нем друзей-писателей.

«Это сердце умело заботиться только о других. Так уж оно было устроено, это сердце. Великое сердце». (М. А. Дудин.)

Домашнее задание: сочинение-размышление «Слово о Сергее Орлове».

Урок закончен, но работа «по творчеству С. С. Орлова» этим не кончается. Ребята увлечены. Продолжением ее явятся занятия краеведческого клуба «Моляки», литературный вечер, посвященный памяти Поэта, затем — «С. Орлов и Ю. Друнина».

Достаю из книжного шкафа сборники стихов Юлии Друниной, раскладываю их на письменном столе. Их много — целый стол. И не потому, что эти книги залеживались на прилавках магазинов — нет, просто многие из них подарены мне самим автором. Теплые автографы, чаще всего — «дружески», «спасибо за память». А перед самой смертью поэтесса прислала свой двухтомник «Избранного» с такими словами: «Николаю Леонидовичу Шашукову — давнему другу, с пожеланиями навсегда остаться молодым. Юлия Друнина». Приходили и праздничные открытки, к сожалению, сохранилась только одна — новогодняя: «Дорогой Николай! Спасибо за память и добрые пожелания. Счастья Вам в Новом году! Ю. Друнина».

Листаю сборники: в стихах — вся жизнь Поэта и Человека. Стихотворение из 42-го года, из войны, в которую шагнула она, семнадцатилетняя московская девушка, страстно влюбленная в блоковские стихи о «Прекрасной Даме», мечтавшая о любви, о счастье.

Женщины и война. Понятия, казалось бы, несовместимые. Женственность, материнство и жестокость, смерть. Так почему же она, хрупкая девчушка, ринулась в крошечный ад? Просто думала, что если и она пойдет на войну, то хоть на час, на крохотный миг приблизит радость Победы.

Санинструктор — на передовой, сестра милосердия — на линии огня, под артобстрелами, бомбежками... Сотни бойцов, вынесенных с поля боя.

Стихи, как и война, стали судьбой. Ей довелось сказать мужественное слово о своем поколении, олицетворением чести которого была она, девушка в солдатской шинели. «Братья по судьбе — братья по перу» — Сергей Орлов, Семен Гудзенко, Михаил Луконин, Сергей Наровчатов,

Михаил Львов, Михаил Дудин... — и многие другие прекрасные поэты вышли из опаленной войной юности, сохранили законы фронтового братства.

Особенно дорог Юлии Друниной был близкий по духу поэт, наш земляк Сергей Орлов, которого уже после войны, догнала пуля».

Страшно ли на войне? Об этом спрашивали ветерана Великой Отечественной школы и взрослые. И она рассказывала правду, не умея лгать ни в жизни, ни в поэзии.

Армия для Юлии Друниной стала не только юностью, отсюда и военная тема — сквозная в ее творчестве. Она сама — частица этой Армии, совершенного ею Подвига во имя Победы.

И когда под сомнение были поставлены ее Армия, ее Победа, она боролась: и как поэт-фронтовик, и как народный депутат, — резко и бескомпромиссно выступая в Парламенте, на писательских форумах, в печати.

Восторженно восприняла Ю. Друнина августовскую победу России, веря в доброе будущее, любя все то, что защищала. Написала прекрасную поэму «Белый дом» о мальчишках — защитниках Свободы.

* * *

Юлия Владимировна Друнина... Ее душа сейчас вознеслась высоко над нами — благородная и чистая, преданная и исстрадавшаяся. Ее сильный поэтический голос будет долго и мужественно звучать в сердцах читателя.

И 10 мая, в день ее рождения, после праздника Победы, ее Великого Праздника, мы вспомним о ней и преклоним свои головы...

ВАРНИКОВА Н. Е. (Вашкинский район)

ФРОНТОВАЯ ЛИРИКА И ПРОЗА А. Я. ЯШИНА

Устный журнал «Война все чувства наши обострила...»

Мини-конференция «Знай и люби лирику А. Я. Яшина».

Рисованный фильм по книге А. Яшина «Военный человек».

Оформление школьниками двух книг в виде раздвижных стендов.

Страницы воспоминаний об А. Яшине его фронтовых друзей-однополчан: поэта Всеволода Азарова, полковников в отставке Яичникова и Боковки, военных корреспондентов Акульшина, Вишневого и др.

Участие А. Яшина в разведке и боевых операциях в Ижорском укрепленном районе. Отражение полученных впечатлений в его «Ленинградской поэме» и книге «Писатели Балтики рассказывают».

А. Я. Яшин в Сталинграде, капитан Волжской военной флотилии. Поэма «Город гнева» о подвиге, мужестве и стойкости бойцов Сталинградского фронта.

Военные дневники А. Я. Яшина (заочная экскурсия «на войну»).
Очерки и другие фронтные корреспонденции А. Яшина в книге
«Военный человек» (литмонтаж школьников по ней).
Литературная викторина «Знаешь ли ты жизнь и творчество
А. Я. Яшина?»
Вечер памяти русского писателя А. Я. Яшина.

СТАРКОВА В. С. (Вологда)

ПОИСКОВАЯ РАБОТА КЛУБА «ЯШИНСКАЯ РЯБИНКА»

«Яшин — на войне и о войне» — одна из тем разговора с учащимися на протяжении 20 лет работы клуба «Яшинская рябинка», а не только в юбилейные годы.

Пройти фронтовыми дорогами поэта, найти фронтовых друзей, записать их воспоминания, пропагандировать творчество поэта, создать в училищном музее «Уголок фронтовых лет» — основные направления работы «Яшинской рябинки».

С первых дней Александр Яшин — на фронте. Он хочет все видеть, во всем участвовать. Писать правду о войне: «Война — не гром и блеск парада», — не зря замечает он.

Первые дни войны — «Ораниенбаумский плацдарм», «Невский пяточок», блокадный Ленинград. Встреча учащихся с Всеволодом Борисовичем Азаровым, фронтовым поэтом, другом А. Я. Яшина. Запись его воспоминаний на магнитофон Ю. Иванишиным (прослушивание отрывков этой записи).

В Совете ветеранов Ораниенбаума. Переписка. Письма полковника Яичникова, Степана Бокони, Н. Михайловского — о ленинградском периоде в жизни А. Яшина. Дружба и встречи с Вс. Азаровым в школе № 90 г. Ленинграда.

Работа над дневниками Яшина военных лет, публиковавшимися в газете «Авангард». Новые адреса поиска, вновь найденные строки.

Сталинградский период в жизни А. Яшина. Экскурсия в Волгоград, Мамаев курган, осколки с Лысой горы, Волго-Донской канал, встреча в редакции «Волгоградской правды» с В. И. Ефимовым, Музей обороны, планетарий, дом Павлова, памятники-обелиски.

Поэма А. Яшина «Город гнева». Письмо корреспондента газеты «Правда» Д. Акульшина. Наша стенгазета «Мы побывали в Волгограде». Вечер «Город гнева», посвященный бойцам Сталинградской битвы в дни сорокалетия освобождения города от врага. Выступление А. Попова. Его письма из армии (служил в почетных войсках Ленинграда) — связь поколений. Путевые дневники. Альбомы.

Вечера памяти: «Я — солдат». Переписка. Письмо М. Дудина, книга стихов, посвящение стихотворения А. Яшину. Вечер, посвященный соро-

калетию снятия блокады с Ленинграда: «Война занесла над нами кулак, — так пусть же погибнет заклятый враг!»

В честь сорокалетия Победы вечер «Война все наши чувства обострила», встреча с журналистами и поэтами-фронтовиками. К 50-летию со дня Победы — вечер «Война в творчестве писателей-земляков В. Астафьева, В. Тендрякова и А. Яшина; встреча с составителем «Книги Памяти» В. В. Судаковым, профессором и ректором института ПК и ППК.

Книга «Военный человек», собранная дочерью поэта Н. А. Яшиной. Дорогами отца — прошлое глазами человека сегодняшнего дня.

Значение поисковой работы для патриотического воспитания учащихся; письма из армии, творчество выпускников училища В. Бокарева, Б. Растутаева, А. Смолина, книжка стихов и песен «Имя этому — подвиг».

Урок о Владимире Тендрякове «День, вытеснивший жизнь». Из биографии писателя — короткие вехи жизненного и творческого пути: родина — Верховажье, Шелоты; учеба, фронтовая юность. Что читали у писателя в школьные годы.

«День, вытеснивший жизнь» — рассказ В. Тендрякова о связистах на войне. (Уголок писателей-связистов В. Астафьева и В. Тендрякова в нашем музее связи в ПТУ № 30 г. Вологды).

Анализ повести: а) «Я окончил школу за полтора часа до начала войны». В каком произведении В. Тендряков рассказывает об этом?

(«Ночь после выпуска»)

б) «Мои товарищи не засиделись, всех их быстро направили в училища»... Почему главному герою пришлось ждать два месяца отправки на фронт?

в) «Учимся прямо на нарах, там, где спим». Как проходит учеба, к чему готовят Тенкова? (обращается внимание на фамилию главного героя, что это дает автору).

г) «Все-таки приехали. Война где-то рядом». Что было у каждого за спиной? Как автор знакомит с героями? Какую им дает характеристику? (С. Глухареву, С. Чуликову, Е. Михееву, Нинкину-телефонисту).

д) «Радостен белый свет, прекрасна выпавшая тебе жизнь». Как помогает шутка, юмор? Почему автор говорит: «Знать, правда, есть что-то сильнее смерти. Первое серьезное открытие в наступающем дне?»

е) «... фронт вдруг оказался рядом, прямо под каской». Каково первое впечатление от боя? О чем говорят, что обсуждают солдаты? Почему первое чувство, которое испытывает герой, — брезгливое презрение? Как понять: «Мы слышим войну?»

ё) «Встретились первые раненые. — Тебе голову чинить будут али новую выдадут...?» Как лелеет в себе Тенков мстительное чувство? Получается ли ответная месть? — Изменился ли я? — как ответит он на этот вопрос?

ж) «Связистами занимался Зычко...» Как показана работа связиста на войне? Почему приходится нарушать инструкции? Почему важна

связь? Как поразила Тенкова смерть Нипкина? («Он первый из мною потерянных. — Нипкин»).

з) «Кабель тянется через степь, уведит меня в тыл»: Какой опыт приобрел Тенков? Можно ли привыкнуть к войне? «Смерть ходит рядом».

- Как это воспринимается?

Выводы по прочитанному.

Почему так названа повесть — «День, вытеснивший жизнь? Когда написана? Почему так долго пролежала в столе?

КРАТИРОВА Л. Ю. (Вожегодский район)

ЧЕЛОВЕК В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

(по военным книгам Юрия Евгеньевича Пиляра)

Юрий Евгеньевич Пиляр — автор целого ряда произведений самой различной тематики. Это и автобиографические «детские» книги о его родной земле Вологодской, пронизанные мягким юмором, легкой грустью о давно прошедших годах детства, тренетной памятью об отце, заложившем в сыне какую-то сердечную мягкость, представление о действенной человеческой порядочности, уважение к родным корням.

Это книги на современные темы, поднимающие острые нравственные вопросы о добре и зле, преодолении собственных сложностей и несчастий, о силе человеческого тепла, внимания и участия, о трагедии, когда этого тепла, внимания и участия не хватает в людях, а то и просто нет.

Но сквозь все творчество: от самой первой книги — «Все это было» — до последней, которая была опубликована при жизни писателя, — роман «Честь» — проходит его главная тема — военная.

Первое, что характерно для этих произведений — автобиографичность, обнаженность всех нарисованных картин именно потому, что они созданы по ярким личным впечатлениям. Это касается книг, написанных им от первого лица — «Люди останутся людьми», — и книг, где введен герой Костя Покатилов, в котором довольно легко угадываются черты самого автора, и по существу, документальных произведений (к сожалению, пока так и остающихся до сих пор в рукописях) — «Исповеди бывшего узника», «Пояснения к анкете», — где автор конкретно говорит о пережитом. Даже такие произведения, как «Пять часов до бессмертия», роман «Честь», рассказывающие о легендарном генерале Д. М. Карбышеве, имеют отношение к биографии автора, т. к. Юрий Евгеньевич в какое-то время находился с Карбышевым в одном концлагере...

Во-вторых, мне кажется, для Пиляра эта, лагерная тема, дорога еще и тем, что она давала ему возможность раскрыть силу человеческого духа, показать человеческие возможности на грани невозможного. После войны Ю. Е. Пиляр оказался в «нашем» концлагере, «на уральском лесопова-

ле», как он говорил, но в дальнейшем писатель не любил вспоминать это время, не обращался к нему в литературе. И как сейчас я это понимаю, для него эти лагеря были даже несопоставимы.

В школе интересно рассмотреть обе эти стороны. Явнгских учащихся увлекает автобиографическая сторона пилярских книг, так как автор — их земляк, учился в той же школе, что и они, у тех же учителей, что и их теперь уже бабушки и дедушки. Им важно, что эта земля дает миру и земледельцев, и писателей. Им важно узнать, что лицо войны очень многолико: есть поля сражений, медсанбаты и саперные части, есть Северный флот и оборона Москвы, блокадный Ленинград и тыловые госпитали. Один из них — совсем рядом, в районном центре, в Вожеге. Есть все это, где были во время войны их деды, их земляки... Но есть у войны и страшный лик плена, лик фашистского концлагеря, который с такой пронзительной болью описан в книгах Ю. Е. Пиляра.

Интересной для учащихся оказывается и послевоенная деятельность писателя. Война не «отпускает его», не дает забыть того, что было.

Остро публицистическим оказывается роман «Забывать прошлое», в котором герой размышляет: «Чего не доставало мне в моей общественной жизни в эти последние тринадцать лет? — Недоставало настоящей страсти, убежденности, что я занимаюсь тем делом, которое, кроме меня, не сделает никто. Так в чем же наш долг, долг бывших узников Брукхаузена перед своим народом? Тут и думать нечего. Не забывать о том, что с нами было, и рассказывать правду о пережитом. В этом долг наш и перед живыми, и перед мертвыми...»

Своим «делом» Юрий Евгеньевич Пиляр считал и участие в работе Международного комитета бывших узников Маутхаузена. Он был вице-президентом этого комитета, возглавлял делегации Советского комитета ветеранов войны в Австрию на торжества, связанные с датой освобождения Маутхаузена, принимал активное участие в заседаниях МКМ. Особенно значительной была поездка, связанная с 40-летием освобождения концлагеря, в мае 1985 года, где Юрий Евгеньевич зачитал русский текст «Обращения бывших узников нацистских концлагерей ко всем людям доброй воли». Это обращение было переведено на французский и немецкий языки и распространено среди многочисленных представителей прессы, радио и телевидения.

Атмосфера таких поездок и работы Международного комитета Маутхаузена воссоздана в романе «Забывать прошлое». Роман с интересом читается школьниками, но изучать его лучше в комплексе со всеми военными книгами Пиляра. Мы обращаемся к ним в 9 — 11 классах, — и это позволяет выдвинуть перед учащимися сложные вопросы «на размышление», сопоставление. Школьники анализируют документальные основы книг писателя такие, как «Устав Международного комитета Маутхаузена», Отчеты о поездках делегаций, Резолюцию Генеральной Ассамблеи МКМ... Это дает возможность почувствовать пульс жизни и

деятельности бывших узников — сегодняшних борцов за мир. Это дает возможность объяснить публицистичность, страстность авторского «я» в художественных книгах Пиляра.

Обращаем внимание и на художественные особенности романов. Например, в книге «Все это было» учащиеся обратили внимание на то, как описывается обстановка лагеря. Чистота, порядок, даже красота — и вместе с тем, расстрелы, изуверства, мученические смерти. Такие резкие контрасты поражают. Но вот я даю ребятам возможность познакомиться с одной из статей Ю. Е. Пиляра «Маутхаузен, 1983 год. (Заметки писателя)», и оказывается, что этот контраст вовсе не художественный прием. Это проблема, которая оказалась предметом обсуждения даже на одном из заседаний Комитета бывших узников Маутхаузена.

Такие пути работы с текстом позволяют в дальнейшем выйти на рефератные работы учащихся по сопоставлению произведений Пиляра и Шаламова («Две книги, две судьбы»), Пиляра и Бондарева («Память сердца в военных книгах Юрия Пиляра и Юрия Бондарева») и другие. В этом я вижу результативность своей работы.

КОНАСОВА Л. Г. (В. Устюг)

В. ТЕНДРЯКОВ — НА ВОЙНЕ И О ВОЙНЕ

Богатство, жанровое многообразие творческого наследия писателя, создающие благоприятные условия для текстуального изучения многих его произведений в школах, гимназиях, лицеях и других типах учебных заведений.

Современное прочтение его «церковных» повестей «Чудотворная» и «Тучи над Борском» (5-6 классы).

Военные рассказы «Дела моего взвода» и др.

Изучение повести «Весенние перевертыши» в 7-8 классах. Проблема нравственного выбора, выработки общественного сознания. Формирование представления об «идеале эпохи», о моральном авторитете современника.

Тонкое понимание возрастных особенностей героя повести «Весенние перевертыши» Дюшки Тягунова, чью внутреннюю жизнь буквально перевернула одна весна (взросление, непривычные чувства, новые явления в окружающем мире и... масса противоречий). Мастерство писателя-психолога, глубоко проникшего в душу подростка. Воспевание первой платонической любви, очищающей и юную душу, и весь мир вокруг. Взволнованность, обостренность восприятия не только своих чувств, но и природы, всего окружающего мира. Головокружительные открытия, которые захватывают дух.

В. Ф. Тендряков — писатель, «увидевший время», сумевший успевать «за бегущим днем», как и его любимые герои.

Ошломляющая книга о галактиках, потрясая Дюшку величиим мироздания и ничтожностью в нем человека с его мелочными заботами. Мысли о связи самых, казалось бы, несвязуемых вещей и явлений.

Столкновение со злобой Саньки, с несчастьем Миньки, спор с отцом — все это поставило перед ним новый вопрос: «Неужели сколько людей, столько и разных миров?» Конфликт между добром и злом — главный конфликт повести «Весенние перевертыши» (это произведение тоже о войне, но о битве вечной...)

Вещие слова Никиты Богатова о Саньке, принуждающем убивать (!) лягушек: «Такие-то и портят жизнь. От таких-то, поди, и войны на земле идут...»; «Санька убивать любит...» «Он вырастет — и тебя убьет, и меня!... Убивать любит, а вам всем хоть бы что. ...Живи с ним, люби его?!» — слова Миньки, особенно злободневные сегодня.

Преступное равнодушие взрослых к преступнику Ерахе чуть не стоило жизни (!) Миньке.

Главный вопрос повести «Весенние перевертыши»: «Как вылечить людей от злобы? От злобы, приводящей к войне... Огромная, даже чрезмерная (идеальная!) вера в силу слова, силу разума писателя-гуманиста, снова созвучные с нашим сплошь «криминальным» временем.

Гражданское мужество писателя в «Покушении на миражи» (9-11 классы), разоблачающем тоталитарный сталинский режим.

«Люди с неразвившимися с детства духовными интересами — социально опасное явление» (В. Ф. Тендряков).

Военный цикл незавершенных произведений В. Ф. Тендрякова: первое — о первом дне войны — и уход вглубь Великой Отечественной.

«Война догнала и убила его».

САМОЙЛОВА Н. А. (Верховажский район)

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА В ШЕЛОТСКОЙ ШКОЛЕ

Деревня Макаровская нашего Шелотского сельсовета (Верховажье) — малая родина мальчика, ставшего позднее известным русским писателем. Память о них — на всю жизнь.

Родители будущего писателя Федор Васильевич и Татьяна Петровна Тендряковы (воспоминания старожилы о них).

С 6 лет переезд семьи Тендряковых в Верховажье...

Работа группы «Поиск» по сбору материалов о писателе-земляке, начатая «с нуля».

Встречи школьников с тетей писателя, Тендряковой Анной Дмитриевной и его двоюродным братом, Александром Александровичем.

Изучение переписки Тендряковых с их бывшими соседями, которые когда-то играли вместе с Володей...

Личные письма В. Ф. Тендрякова, переданные Шелотской школе ветеранами Великой Отечественной войны Григорием Дмитриевичем и Евгением Степановичем Пашовыми, родственниками писателя.

Изустные воспоминания Павла Палладьевича Кремлева, хорошо знавшего писателя.

Наша переписка с Владимиром Федоровичем и его родными, близкими.

Подарки-книги с автографами писателя-земляка («Граждане города солнца», «Весенние перевертыши», избранные произведения В. Ф. Тендрякова и др.).

Встречи с писателем на его родине и литературные вечера в сельском доме культуры, на которых В. Ф. Тендряков делился своими творческими замыслами, отвечал на многочисленные вопросы читателей, скромно рассказывал о себе.

Письма читателей, дающих самую высокую оценку его творчеству (например, отклик Валентина Федоровича Гаврилина из далекого Иркутска...)

Оформление стенда «Писатель-земляк В. Ф. Тендряков» под руководством нашей, шелотской учительницы литературы Фаины Николаевны Житковой.

Создание экспозиции из наиболее ценных материалов о писателе, собранных нами, к его 70-летию (декабрь 1993 года)

Библиографическая книга «В. Ф. Тендряков» (Вологда, обл. б-ка, 1993), подаренная школе Ю. С. Широковским, помогающая более целенаправленно вести поиск источников и материалов о писателе-земляке.

Углубленное, вдумчивое изучение жизни, творчества, личности и окружения писателя В. Ф. Тендрякова в Шелотской, Верховажской и других школах на родине писателя, благодаря богатым материалам, собранным о нем, которые никогда не лежат мертвым грузом.

Уроки, вечера, внешкольные мероприятия, посвященные жизни и творчеству В. Ф. Тендрякова — в школах России. Подготовка методической книги о них «Тендряков в школе» (составитель Ю. С. Широковский, кандидат педагогических наук (институт ПКППК).

Подготовка цикла занятий и выставки «В. Ф. Тендряков — на войне и о войне» в год 50-летия великой Победы.

ЛАРИЧЕВА Г. А. (Вожегодский район)

ПОИСКОВО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА О ПИСАТЕЛЕ-ФРОНТОВИКЕ А. И. ТАРАСОВЕ

Перед нами — дневник Л. А. Ванюшиной, учившей А. И. Тарасова, приведем отрывок из него: «Не одна тысяча учеников сидела у меня за партами за сорок лет педагогической работы. Некоторых учеников смутно помню, но образ Саши Тарасова настолько ярок до сих пор! Саша

учился увлеченно и старательно, особенно любил уроки внеклассного чтения. Читать книги, беседовать о них — всегда было большим удовольствием для Саши. Все-все книги, которые имелись в библиотеке Падчеварской школы, он вдумчиво прочитал, а некоторые из них перечитывал по несколько раз. Часто брал он книги и у меня, из моей личной библиотеки. По прочтении почти каждой книги мы с ним беседовали по содержанию, и Саша мне показывал, какие сделал выписки из прочитанного и рассказывал, что особенно ему понравилось».

Домашние условия были у Саши не из легких. Мать его умерла, когда он учился в третьем классе. Саше пришлось жить с мачехой. Отец его, известный в деревне Назаровской под именем «Иван-богомольник», исполнял все церковные обряды и службы, читал и пел на клиросе в церкви.

Нет, давно нет писателя А. И. Тарасова, нет в живых и его учительницы Л. А. Ванюшиной, а память о них жива, поиск о писателе-фронтовике продолжается.

Вышли в свет (переизданы) в Москве и Сев.-Зап. кн. изд-ве основные произведения А. И. Тарасова «Охотник Аверьян», «Апка из деревни Грехи» и др.

Мы записываем воспоминания о нем, проводим уроки, храним его тетради, записи — все, что связано с писателем-земляком.

ИВАНОВА Т. С. (Шекснинский район)

ТИМОФЕЙ ФЕДОРОВ И ПОЭТ ВЛАДИМИР КАЛАЧЕВ (поиски, письма, фото, находки)

Сколько их, вчерашних школьников, ушедших из наших больших и маленьких деревень на защиту своих матерей, своей малой родины, своего Отечества — и оставшихся на поле боя?.. Вряд ли кто ответит на этот вопрос.

Память об ушедших — нравственный долг живущих. И мы помним Тимофея Федорова (1915 г. р.) родом из маленькой деревушки Скорынино и Владимира Калачева (1918 г. р.) из деревни Квасюнино, бывших учеников нашей школы, которых боевые дороги привели к священному городу на Неве.

21 января 1944 года в бою у деревни Витино совершил подвиг сержант Т. Федоров.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Т. В. Федорову присвоено высокое звание Героя Советского Союза (посмертно). Его имя золотом горит на стене Памятного зала на площади Победы в Ленинграде. На месте его гибели установлен памятный знак. Мы побывали там, где совершил подвиг наш земляк, вступив в поединок с 70-тонной фашистской самоходкой, где похоронен герой (могила его в парке Красного Села).

25 июля 1943 г. под Синявином в последний раз повел свою роту в атаку старший лейтенант Владимир Калачев. В том бою мало кто уцелел. Только спустя почти иолгода отец Володи Степан Митрофанович получил письмо от генерала армии П. И. Кокарева: «Умер от ран и похоронен на поле боя...» Никому из родных и друзей не пришлось побывать на его могиле: она неизвестна...

Но В. С. Калачев жив в нашей памяти как ученик Чаромской школы, воин и поэт. По воспоминаниям близких, Володя был любознательным и старательным мальчиком. Самое главное его пристрастие — литература: Пушкин, Лермонгов, Тютчев, Блок, Есенин, Маяковский — любимые поэты. Со школьных лет Володя Калачев сам сочинял стихи. В своей деревне с друзьями выпускал он газету «Юный поэт» и был ее редактором.

Во время учебы в педучилище, покая твердым, волевым характером, проявлял самостоятельность во всем. Он отлично играл в шахматы, хорошо плавал, играл на балалайке, очень любил старинные народные песни. Увлекаясь, он увлекал и других. Став учителем, старался воспитывать в детях хорошие человеческие качества.

После действительной службы в армии, срок которой истек осенью сорок первого, он, человек лирического склада души, мечтал вернуться в школу, заняться литературой, продолжить учебу в институте. Но мечты его не сбылись...

Когда Владимиру присвоили звание старшего лейтенанта, он стал адъютантом начальника штаба армии П. И. Кокорева. За боевые заслуги воина наградили медалью «За отвагу» и именными часами.

Судя по письмам, штабная работа его не удовлетворяла, и он стремился стать строевым командиром.

С весны до середины 1943 года Калачев командовал ротой. В этот период под Ленинградом, в районе Синявино, шли тяжелые бои. Старший лейтенант Калачев показывал пример личной храбрости в боевых операциях.

Как только выдавалась свободная минута, Володя писал стихи. Их печатала красноармейская газета «Отважный воин» (сохранились газетные вырезки).

В трагическом 1942 году написано стихотворение «На переднем крае», но звучит оно как весть о грядущей победе.

В коротких строках таких стихотворений, как «Автоматчик», «Разведчик», «Пулеметчик», «У неизвестной могилы» мы видим суровую прозу фронтовых будней.

Немного успел В. Калачев. Не все стихи его известны, большая часть их сгорела в огне войны. Но нам известна оценка стихотворений молодого поэта профессиональными литераторами, с которыми он встречался, переписывался. «Это был юноша светлой души, горячо любивший поэзию и несомненно одаренный», — писал Р. Рождественский матери Володи,

Надежде Феофановне. В. С. Калачев жив в памяти тех, кто его знал, кто полюбил его или хотя бы узнал его стихи...

Мы благодарны и Е. С. Калачевой, и Т. Н. Тиховой, друзьям В. С. Калачева, поделившимся своими воспоминаниями о нашем ученике. Такими удивительными людьми Чаромская школа может только гордиться.

ЧЕРВЯКОВА О. Н. (Шекснинский район)

ВОЛОГЖАНЕ – СПАСАТЕЛИ СОКРОВИЩ ДРЕЗДЕНА

В результате вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз во время Великой Отечественной войны на временно оккупированной советской территории фашисты разрушили и разграбили 427 музеев, в том числе в России — 173. Почти полностью вывезены экспонаты Картинной галереи Курска, Музея изобразительных искусств Ростова-на-Дону, Художественного музея Смоленска, Картинной галереи Симферополя. Фашисты разграбили в нашей стране 43 тысячи библиотек. Только из библиотек оккупированного Подмосковья они вывезли 3 млн. томов. (Данные цифры опубликованы в Альманахе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Памятники Отечества» номер 1 за 1985 год).

На фоне этого впечатляюще выглядит операция, проведенная в мае 1945 года, по спасению сокровищ Дрезденской картинной галереи, в которой принимала участие Наталья Ивановна Соколова, уроженка наших мест.

Наталья Ивановна — дочь писателя-земляка Ивана Степановича Соколова, уроженца д. Улошково Чуровской волости (ныне сельсовета).

«Певцом правды народной» назвали современники Ивана Соколова, познакомившись с его статьями и очерками в известнейших петербургских журналах в 90-е годы XIX века. Безрадостные картины жизни русского крестьянина представлены и в его очерке «Дома» (1896 год), который посвятил он родным Чуровским местам. «После Г. Успенского я ничего не читал о русской деревне, что произвело бы на меня такое сильное впечатление, как «Дома», — так оценил произведение Антон Павлович Чехов.

Дочь унаследовала талант и трудолюбие отца. Она стала не только писателем, но и искусствоведом. Член-корреспондент Академии художеств СССР, заслуженный деятель искусств, Наталья Ивановна Соколова — автор серии книг, посвященных творчеству мастеров живописи.

С этой замечательной женщиной краеведы нашей школы познакомились, ведя поиск материалов о писателе Иване Степановиче Соколове.

Незабываемой осталась встреча с нею в Москве в 1976 году. По возрасту — это была старая женщина (75 лет), но бодрая, высокообразованная, духовно богатая, неимоверно щедрая... Большой души человек.

Она рассказала об отце и членах его семьи, а также о себе, о том, как работала во время войны в Совинформбюро, о своем участии в спасении группой реставраторов бесценных картин Дрезденской галереи.

Полученная информация очень заинтересовала ребят. Параллельно со сбором материалов о писателе-земляке начался поиск дополнительной информации «по Наталье Ивановне Соколовой». Из ее рассказа стало известно, что 8 мая 1945 года советские войска под руководством маршала Конева, нашего земляка, вступили в разрушенный англо-американской авиацией Дрезден. Одним из первых приказов командующего фронтом был приказ о поисках и спасении знаменитых произведений искусства Дрезденской галереи. Этот поиск начали советские воины совместно с бригадой реставраторов и искусствоведов, в которую входила и Наталья Ивановна.

После трудных военных дорог у людей было обостренное чувство прекрасного. Часто стихийно рождались лекции о картинах галереи, их читали С. Григоров, искусствовед, знаток западной живописи, и Наталья Ивановна Соколова.

Веда сбор информации об участии Соколовой в спасении сокровищ Дрездена, краеведы вышли на повесть Бориса Полевого «Полководец» (1973 г), посвященную маршалу И. С. Коневу. С каким увлечением читали ее страницы, особенно те, где говорилось о действиях Натальи Ивановны во время операции по спасению картин.

Жители города Дрездена высоко оценили вклад, внесенный Натальей Ивановной в дело спасения художественных сокровищ галереи. В феврале 1973 года в адрес Н. И. Соколовой пришло из Дрездена письмо от обер-губернатора города Герхарда Шия, в котором он благодарил искусствоведов за выдающееся участие в спасении Дрезденской галереи. Наталья Ивановна была удостоена звания почетного гражданина города Дрездена.

... Ушла из жизни Наталья Ивановна Соколова. Но то, что она сделала для искусства, не забудется, история спасения полотен Дрезденской галереи была и останется одной из ярких страниц в истории Великой Отечественной войны. Об этом писали и будут писать историки, мемуаристы.

В 1985 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет книга С. Н. Разгонова «Завещано веками», в которой мы открыли для себя новые факты из хроники спасения художественных сокровищ Дрездена.

Знакомя учащихся с историей спасения картин Дрезденской галереи, непроизвольно приобщаешь их к великим творениям искусства. Перед глазами детей проходят репродукции полотен Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, Тициана и других мастеров живописи.

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ – ВЫПУСКНИКИ ШКОЛЫ ИМ. ГОРЬКОГО
(Н. Амосов, С. Данилов, Ю. Чистяков, Н. Борисов и др.)

Истинным храмом духовности и нравственности человека, по крайней мере, в течение последних полутора столетий, была школа, им она должна остаться и на последующие века, если мы сумеем сохранить ее, а не разрушить.

Наша школа имеет 130-летнюю историю — и за эти полтора почти столетия она подготовила основу для того, чтобы тысячи ее выпускников стали учителями и врачами, инженерами и рабочими.

Музей нынешних лет располагает данными о почти сотне кандидатов и докторов наук, мы переписываемся с десятком профессоров, получаем ежегодно благодарственные письма от академика медицины и писателя Н. М. Амосова, свои произведения дарили школе народные художники России М. В. Звонцев и Н. П. Медовиков, искусствоведы высочайшей категории, такие, как члены иностранных академий наук, профессор Ю. И. Кузнецов и В. В. Добровольская, артисты театров, балетмейстеры — все они в разные годы основу духовности и нравственности получили в школе № 1 г. Череповца.

Школа, естественно, гордится и тем, что она дала миру писателя Н. М. Амосова (он закончил нашу школу в 1929 г.), Садофа Данилова, Юрия Чистякова, Н. А. Борисова, Н. Яворскую — все они участники Великой Отечественной войны.

Садоф Данилов — выпускник 1929 года. Его жизнь — биография страны, его стихи и поэмы — иллюстрации сердца к ее истории. Он окончил сельхозинститут, прошел дорогами войны, окончил Военно-политическую академию, долгие годы был редактором военных газет, выпустил в свет 10 поэтических сборников и поэму. В каждой из этих книг — солдатская душа. Наиболее известны сборники «Кремлевские зори», «Солнце на марше». Полковник Данилов умер в 1986...

Юрий Чистяков — литературный сотрудник нескольких журналов, литературный консультант, живет в Москве.

Н. А. Борисов, учитель истории школы № 1 перед войной, куда он отправился прямо с уроков. В 1943 году к нему в Киев поехала жена с ребенком, учительница нашей школы, но они погибли, попав под бомбежку. Н. А. Борисов долгие годы работал директором знаменитой московской школы, которая выучила Космодемьянских, он создатель музея героев, автор двух книг, автор многих прекрасных стихотворений.

В 1943 закончила школу Нора Яворская, ставшая известной поэтессой. Она не сражалась на фронтах войны, на войне в 43-м погиб ее брат, а в 37-м расстрелян отец.

Мы постарались найти все, созданное Н. Амосовым, Е. Поповым, Н. Борисовым, Ю. Чистяковым, С. Даниловым, Н. Яворской и поместить в музей.

Составили поэтическую антологию и напечатали ее в нескольких номерах журнала «Вестник музея», чтобы любой учитель и ученик могли пойти в библиотеку, в музей, подготовить беседу, поэтический вечер, могли просто так прочитать стихи.

Выпустили трехтомную поэтическую книгу, первый том которой состоит из поэтических произведений выпускников предыдущих лет. Хотя все это издается в 6 экземплярах, но имеется и может быть востребовано.

Широко отметили в школе вечерами, экскурсиями, выставками, уроками разной тематики на разных предметах и во всех классах день 80-летия Н. М. Амосова. Послали делегацию в Киев на празднование юбилея, чем очень его обрадовали, и ранее скупно относившийся к нам академик послал нам несколько своих последних книг, довольно часто ныне нам пишет, ксерокопии его писем помещены в альманах музея. Есть прекрасные фотоальбомы, рассказывающие о жизни писателя и хирурга, и альбом, рассказывающий о юбилейных встречах. Школа участвовала в декабре прошлого года в научно-практической конференции, где были представлены три доклада, подводящих итоги нашей работы над использованием творческого наследия Н. М. Амосова.

ШИРОКОВСКИЙ Ю. С. (Вологда)

СИСТЕМА И ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ РУССКОГО СЕВЕРА В ШКОЛЕ

В отдельной экспозиции школьного литмузея «Память сердца» (п. Ермаково Вологодского района) представлены материалы о писателях-фронтовиках, кровно связанных с Русским Севером. И эти материалы, оформленные на стендах и представленные в витринах, альбомах, — всегда в работе (они используются на уроках, экскурсиях по литмузею, на внеклассных и внешкольных занятиях).

Постепенно сложилась определенная система (авторская программа) изучения их жизни и творчества, как монографического характера (факультатив по «Батюшкову», 8-9 класс), система изучения А. Я. Яшина и С. С. Орлова (1-11 кл.), В. Ф. Тендрякова и К. И. Коничева (5-11 кл.), так и «по классам» (об этом подробнее скажем далее).

Мною и коллегами-словесниками широко используются мемуарно-эпистолярные и научно-публицистические произведения о войне Г. А. Акиньхова («Вологда прифронтовая», «Эвакуация», «Вблизи фронтов»); «Письма из тыла» — под ред. профессора ВГПИ П. А. Колесникова и Н. И. Баландина, книги писателя-краеведа В. М. Малкова («Голоса сурового времени»), В. Б. Конасова и профессора В. В. Судакова («Эхо минувшей войны»), Т. О. Спивак («Оштинская тетрадь»), многотомная «Книга Памяти» и «Реквием» под ред. профессора В. В. Судакова.

Систематически включаем в уроки и внеурочные занятия материалы периодики, а также учительские и иные очерки из научно-методических книг, таких, как «Храни огонь родного очага» (СЗКИ, 1985): изучение С. С. Орлова и А. Я. Яшина с 1 по 11 классы, факультатив «по Батюшкову» — в ст. О. С. Беловой и Ю. С. Широковского; уроки внеклассного чтения «по В. Ф. Тендрякову», В. А. Марютиной и др. (СЗКИ, 1985, сост. Ю. С. Широковский, Вологда, ИПК и ППК).

Начат выпуск серии книг и брошюр, посвященных отдельным (ведущим) писателям, кровно связанным с Русским Севером, таким, как А. Я. Яшин — книга «Сын своей земли». Монографическое изучение жизни и творчества писателя-фронтовика А. Я. Яшина (1-11 классы). Авторы: М. В. Береснева, рук. лит.-краеведч. клуба «Земляки». (г. Никольск), В. С. Старкова, рук. лит.-краеведч. клуба «Яшинская рябинка» (г. Вологда) и Ю. С. Широковский рук. клуба-музея «Память сердца» (Ермаково Вологодского района). «Сын своей земли» вышел в 1993 году, к 80-летию А. Я. Яшина.

В. С. Старкова подготовила к изданию авторскую книгу о поисково-краеведческой работе и об изучении писателя-фронтовика А. Я. Яшина, под названием «Люблю все живое». Данная книга готовится к выходу в свет в ИПЦ института ПК и ППК. Брошюру о новой системе изучения жизни, творчества, личности и окружения С. С. Орлова готовит руководитель музея этого поэта, словесник школы № 5 г. Череповца Л. В. Акимова.

К 70-летию другого крупного писателя-фронтовика мы выпустили брошюру «В. Ф. Тендряков — в школе» (Вологда, 1993, сост. и ред. Ю. С. Широковский, к.п.н.).

Опыт еще 12-ти педагогов-краеведов, изучающих жизнь и творчество писателей-фронтовиков Русского Севера на монографическом уровне обобщен в сборнике учительских и методических статей и очерков «Нравственно-патриотическое воспитание учащихся при изучении жизни и творчества писателей-фронтовиков Русского Севера» (Вологда, 1991). В данный момент вышеназванное репринтное издание дополняется, углубляется, совершенствуется, готовится к переизданию типографским способом, как и брошюра «В. Ф. Тендряков — в школе» (1993).

Во всех вышеназванных изданиях по крупницам как бы «развезена» программа изучения жизни и творчества писателей-фронтовиков Русского Севера и темы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) на Русском Севере». Отсюда появилась настоятельная необходимость дать основные штрихи нашей программы хотя бы «по классам».

5 класс:

1. В. И. Белов. Цикл рассказов «Такая она, война!» («Гриша Фунт», «Мальчики» и др. по выбору учеников) — урок внеклассного чтения.

2. К. М. Симонов на Севере (Мурманск; п-ов Средний и Рыбачий; Архангельск, Вологда). Встречи его с прототипами «Сына артиллериста»

и работа над ним в Архангельске и Кольской земле,¹ северная публикация «Сыпа...»

3. В. Степанов: «Клятва» — урок внеклассного чтения.

6 класс:

1. В. Меркурьев (Вологда), «Небо зовет», С. Варшавский, Б. Рест: «Над Берлином» (книги о летчике-вологжанине Е. Н. Преображенском, Герое, бомбившем Берлин уже в 1941 году — урок внеклассного чтения после изучения «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого.

2. Выездная или заочная экскурсия в музей Волокославинской с.и. Кирилловского района Вологодской области, на родину Е. Н. Преображенского.

3. В. Малков и др. «Вологжане — Герои...» (Вологда, 1970),

— устный журнал или иная форма Памяти.

7 класс:

1. П. Г. Куракин. Кипучие годы («По зову сердца») — Вологда, 1958; Москва, 1962 — урок внеклассного чтения или читательская конференция.

2. С. С. Орлов, стихи о войне («Вот человек: он искалечен...», «Его зарыли в шар земной...», «У обгоревшего танка» и др. — по выбору учеников) — пятиминутки поэзии при изучении рассказа А. Н. Толстого «Русский характер» или «час орловской поэзии».²

3. Писатели-северяне — участники не только Отечественной (1941-1945 гг.), но и гражданской войны (К. И. Коницев, П. Г. Куракин и др.). И. Д. Полуянов: «Повести о тревожной юности» (Архангельск).

8 класс:

1. В. Малков и др. Очерки о Герое Вас. Петухове «Случай на переправе», «Парень из Верховажья» — об участнике форсирования Днепра — краеведческая вставка в урок по главе «Переправа» из книги про бойца «Василий Теркин» А. Т. Твардовского.

2. В. Малков: очерки «Политрук Панкратов», «Поединок с тигром», «Анатолий Угловский», «Алексей Артамонов» и др. — по выбору учеников — на уроке Памяти и Мужества.

3. Молодые поэты-вологжане — на войне и о войне (Владимир Калачев, Ефим Пошехонов, Николай Ольхон и др.) — устный журнал или «огонек» поэзии.

9 класс:

1. Фронтная лирика С. С. Орлова. (Литературно-музыкальная композиция «А был он лишь солдат...» о нем).

2. Очная или заочная экскурсия в музей поэта-фронтовика (в Белозерске и Череповце — в музей С. С. Орлова; в Никольске и Вологде — в музей А. Я. Яшина и т. д.)³

10 класс:

1. Б. Васильев на Севере (Карелия) при создании повести «А зори здесь тихие...» — краеведческая вставка в урок «по Б. Васильеву».

2. «Никто не забыт...» — урок-реквием по «Книге Памяти» (такого-то района с привлечением «Реквиема» Р. Рождественского и др. стихов о войне (по выбору учеников).

3. Поэты Л. Мартынов и К. Симонов в Вологде и о Вологде — краеведческая вставка в урок.

11 класс:

1. А. Яшин. Военный человек (поэма «Город гнева» о битвах в Сталинграде, фронтовая лирика и корреспонденции, дневники военных лет) — обзорная лекция типа «А. Яшин — на войне и о войне» или иная форма занятия (по выбору учителя и учеников).

2. В. Ф. Тендряков — на войне и о войне — обзорно-тематическое занятие.

3. В. П. Астафьев: «Где-то гремит война...» (Современная пастораль «Пастух и пастушка» — целостный анализ, текстуальное ее изучение.

4. Ю. Е. Пиляр: «Забыть прошлое» — один из лучших антифашистских романов в русской военной прозе — обзор содержания или лекция с элементами беседы.

Примечания:

¹См. об этом книгу Л. С. Скепнер «Литературное краеведение как средство развития читателя-школьника» (на материале Архангельского Севера) — Вологда: ВГПИ, 1977.

²Рекомендую книгу В. В. Дементьева «Мой лейтенант» (М.: Современник, 1985) при подготовке к занятию «по С. С. Орлову», а также Ивана Панкеева «Сергей Орлов» (М., 1986) и др.

³См. статью Р. А. Новиковой «Гомер гвардейского полка» об уроке-экскурсии по домику-музею С. С. Орлова в г. Белозерске (книга «Храни огонь родного очага!» (СЗКИ, 1985. — С. 36-45, сост. Ю. С. Широковский).

ПУДОЖГОРСКИЙ В. К. (Вологда)

ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ВОЙНА (история и перспективы изучения)

Писатели-вологоджане — часть своего народа, вместе с которым они во все времена вставали на защиту Отечества. В древности это Кирилл Белозерский, бывший по некоторым сведениям участником Куликовской битвы. С Отечественной войной 1812 года прочно связано имя и творчество Константина Батюшкова. На русско-турецкой войне 1877-1878 гг. потерял руки и ноги поэт Никтополион Святский, о ней, как и о других войнах, писал Александр Верещагин, а лучшие очерки об этой войне написал Владимир Гиляровский. Он же рассказал и о русско-японской войне, на которой погиб Василий Верещагин.

На фронтах гражданской войны сражались Анатолий Субботин, Виталий Гарниковский, Иван Марков. В дни финской войны, в 1939 году, погиб детский писатель Иван Шорин. Все это наши земляки.

Всенародная Великая Отечественная война вошла в жизнь всех литераторов, как настоящих, так и будущих, живших в эти годы. Многие из них сражались на разных фронтах: в битве под Москвой, под Ленинградом, под Сталинградом, под Орлом, в Прибалтике, в Карелии, на Украине, в Белоруссии, в боях за освобождение Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии. Они были в артиллерии, в танковых войсках, в авиации, на флоте, в пехоте, работали во фронтовых госпиталях, сражались в фашистских лагерях смерти.

Невозможно сказать, сколько погибло на войне юношей, которые, вполне, может быть, стали бы поэтами, прозаиками, драматургами, критиками.

Однако были потери и среди писателей-вологжан, чей талант уже успел раскрыться. Это, прежде всего, Александр Тарасов и молодой поэт Владимир Калачев, а также погибший под Ленинградом в дни блокады Всеволод Пошехонов. Их наследие, особенно двух последних, еще нуждается в изучении, и прежде всего — то, что написано ими на фронте.

Среди писателей-вологжан, получивших известность еще до войны, особенно интересно прослеживается творчество военных лет у Александра Яшина, писавшего в эти годы, кроме стихов, еще и обстоятельные дневники.

Любопытны и фронтовые записки Константина Коничева, собранный им фронтовой фольклор. Практически неизвестно фронтовое творчество умершего вскоре после окончания войны Николая Тощакова, вступившего в литературу за десять лет до войны...

Для многих писателей годы войны были временем, когда они формировались как литераторы, хотя некоторые начинали писать перед войной, как Сергей Орлов, Сергей Викулов, Николай Угловский. Военная тема стала определяющей в творчестве писателей, пришедших в литературу в первые послевоенные годы, таких, как Владимир Тендряков и Виктор Астафьев, она нашла отражение в стихах будущего известного критика Валерия Дементьева, в художественной прозе Владимира Баскакова, в произведениях Александра Силакова. Чуть позже вступил в литературу прошедший через фашистские лагеря Юрий Пиляр, — и эта тема стала для него важнейшей. По-своему преломился опыт войны в творчестве Николая Амосова и Михаила Фарутина, Петра Куракина и Алексея Ларионова, Ивана Полуянова, Василия Ванюшина и Николая Задумкина, Олега Кванина и Вениамина Меркурьева, даже у известного критика и литературоведа Виктора Гурь.

Проследить военную тему и мотивы войны можно и в творчестве вологодских литераторов, не прошедших по возрасту через фронтовой опыт, но чье детство было опалено войной. Это такие известные поэты,

как Александр Романов, Борис Чулков, Анатолий Гусев, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Валентин Федотов, а из прозаиков: Василий Елесин, Юрий Заверткин, Глеб Текотев, Владимир Степанов, Сергей Багров, Аркадий Савеличев, Анатолий Петухов, Вениамин Шарыпов, Борис Шустров и, конечно, Василий Белов, отразивший и свои воспоминания о тех годах, и рассказы близких, и поднявшийся до обобщающей реалистической символики.

Наконец, тема Отечественной войны и защиты Родины присутствует и у писателей, родившихся после войны и по-своему пытающихся ее осмыслить. Здесь можно обратить внимание на отдельные произведения Александра Цыганова, Роберта Балакшина, Владимира Ширикова, на стихи Сергея Чухина, Николая Дружининского, Михаила Карачева, Сергея Коноплева, Александра Башлачева.

СОДЕРЖАНИЕ

Старков Б. А. Вторая мировая война: новые документы, новые подходы	3
Судаков В. В. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв второй мировой войны: источниковедческий аспект	6
Конасов В. Б. Военнопленные второй мировой войны	10
Терещук А. В. Проблема коллаборационизма в период второй мировой войны	13
Борозняк А. И. Антифашистское движение Сопротивления	16
Кашин Р. Г. Ученый, наследие, время	19
Галактионов Ю. В. Феномен национал-социализма как объект изучения	22
Цфасман А. Б. Антифашистская альтернатива КПГ в годы гитлеровской диктатуры	26
Петелин Б. В. Причины и характер второй мировой войны в дискуссиях историков 80-90 гг.	29
Артемов В. А. Критика в плену у догмы	31
Черепкова Е. В. Американские и советские исследования периода второй мировой войны о личности Гитлера	35
Ходнев А. С. Лига Наций и вторая мировая война	37
Ким И. К. Германская угроза как фактор внутривнутриполитической борьбы в Польше накануне второй мировой войны (1938-1939 гг.)	41
Авершин В. И. Международные отношения и внешняя политика СССР	43
Трибицов Ю. М. Великая Отечественная война и реальное поведение СССР во второй мировой войне	45
Талашова В. А. Народ и правительство: судьбы испанцев в годы второй мировой войны	48
Гаврилов А. В. Католическая церковь и начало второй мировой войны	49
Ермаков А. М. Имперская трудовая повинность	52
Поддубный В. К. Индия в годы второй мировой войны	55

Архипова Л. И. К вопросу о влиянии индийской общественной мысли на пацифистское движение в западных странах	57
Мостяев Ю. П. К вопросу о поставках в СССР материалов по ленд-лизу через Индию	59
Гаврилов В. А. Японский фактор во второй мировой войне	61
Жбанкова Е. В. Искусство Сопротивления	64
Почтарев А. Н. Военно-морское сотрудничество СССР и США	66
Морковкин Ю. М., Досина Н. В. О роли советского тыла и поставок по ленд-лизу в разгроме фашистской Германии	69
Лимонов Ю. А. Образ Америки в сознании русского человека	71
Александров К. М. Вооруженные силы Комитета освобождения народов России	73
Маин В. Н. Интеллигенция и Советы в 1941 — 1945 гг.	77
Волкова Е. Ю. Новое содержание идейно-политической работы среди женщин в условиях Великой Отечественной войны	79
Дунаев Е. А. Социологический и нравственный аспекты в изучении истории Великой Отечественной войны	82
Шкаровский М. В. Смена религиозной политики Советского государства в годы войны и ее последствия	85
Бовкало А. А., Галкин А. К. Возрождение религиозной жизни	87
Кутузов А. В. Блокада Ленинграда и исторический опыт России	88
Петрова Е. С. Культура блокадного Ленинграда	90
Печена В. Г. Война и хлеб насущный	92
Кутузов В. А. Из истории особых отделов НКВД	95
Ларищев Р. И. Проблема изучения действий Северного флота	99
Яковлев М. Н. Военно-конструкторская деятельность в годы войны	101
Евстратова А. И., Евстратов А. М. Некоторые направления социальной политики государственных и общественных организаций Верхнего Поволжья в годы войны	102
Рабинович М. И. Историк у микрофона	105
Ялыничев И. П. Экономический потенциал Саратовского края в годы войны	107
Баладин Н. И. Война и школа	109
Богова С. В. Военно-поисковая деятельность вчера и сегодня	112
Горобченко В. А., Шильников А. С. Краеведческая, поисковая и военно-патриотическая работа Ярославской школы юных журналистов	113
Судакова И. Л. Педагогические возможности поисковой деятельности в формировании гражданской позиции личности	115
Колотилова О. К. Музей — собиратель, хранитель и пропагандист реликвий Великой Отечественной войны	117
Постнова Р. А. Основные направления организации поисковой работы школы	119
Ерыкалова Н. Г. Школьный музей «Память»	121
	191

Зверева З. А. Использование архивных документов школьного музея при изучении темы войны на уроках	123
Грашина Г. П. Из опыта поисковой работы пионерской организации	124
Чеканова В. М. Туристское краеведение	127
Морозова Г. А. Выпускники школы — участники ВОВ	128
Гущин В. А. Право на память	129
Копосова Е. Н. Программа «Живой огонь»	131
Ганичев В. А. Чагодская средняя школа в годы войны	132
Смирнов В. В. Извещения о гибели военнослужащих как источник изучения истории Великой Отечественной войны	134
Тихомиров С. А. Проблемы изучения эпистолярного наследия	136
Сумароков В. П. Советско-финляндская война: анализ потерь	138
Судакова Л. К. Потери военнослужащих-вологжан в ВОВ	146
Турупанов Н. А. Вологодские медки в годы войны	147
Поддубская З. Е. «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют»	149
Цветков С. Н. Подвиг минеров Ошты	150
Климов А. Н. О ходе, характере и особенностях мобилизаций в Красную Армию в годы гражданской и ВОВ	152
Спивак Т. О. К. А. Груздев — один из первых летчиков-испытателей реактивных самолетов	154
Михеев В. И. Боевой путь вологодских формирований в годы ВОВ	157
Морцинин А. А. Об истории создания и деятельности Вологодской секции ветеранов Великой Отечественной войны	159
Акиньев Г. А. К вопросу о координации исследовательской работы	162
Духан Я. С. Вячеслав Кондратьев и его значение в развитии военной прозы	165
Акимова Л. В. Тема войны в поэзии С. Орлова	168
Шашуков Н. Л. Изучение творчества С. Орлова и Ю. Друниной	170
Варникова Н. Е. Фронтовая лирика и проза А. Яшина	172
Старкова В. С. Поисковая работа кружка «Яшинская рябинка»	173
Кратирова Л. Ю. Человек в экстремальных условиях	175
Конасова Л. Г. В. Тендряков — на войне и о войне	177
Самойлова Н. А. Литературно-краеведческая работа	178
Ларичева Г. А. Поисково-краеведческая работа о писателе-фронтовике А. И. Тарасове	179
Иванова Т. С. Тимофей Федоров и поэт Владимир Калачев	180
Червякова О. Н. Вологжане-спасатели сокровищ Дрездена	182
Дьяковский Л. М. Поэты и писатели — выпускники школы им. М. Горького	184
Широковский Ю. С. Система и пути изучения жизни и творчества писателей-фронтовиков Русского Севера в школе	185
Пудожгорский В. К. Вологодские писатели и война	188